

ISSN 2949-2785

Выпуск 14 (2024)

ЛЕКЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Серия «В помощь прокурору»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Серия «В ПОМОЩЬ ПРОКУРОРУ»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЛЕКЦИИ

Выпуск 14

*Под редакцией
государственного советника юстиции 2 класса
доктора юридических наук, профессора*

А. П. СПИРИДОНОВА

Санкт-Петербург
2024

А в т о р ы

Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова, Л. С. Булгакова, И. И. Головкин, А. В. Ерёмин, С. И. Коряченко, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, Э. А. Кузбазаров, В. А. Максимов, Г. Г. Непеин, Е. Л. Никитин, Е. Б. Серова, П. В. Федышина, Я. К. Чепенко, Ш. М. Шурпаев, Н. В. Яковлев

Под редакцией А. П. СПИРИДОНОВА, директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции 2 класса, доктора юридических наук, профессора.

Рецензенты

Н. Е. СОЛНЫШКИНА, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу, государственный советник юстиции 2 класса.

Е. В. ТРОФИМОВ, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент.

Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции /
А43 *Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 231, [1] с. — (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14). — ISSN 2949-2785.*

Лекции подготовлены профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации на основе занятий, проводимых с работниками органов прокуратуры.

В лекциях анализируются актуальные вопросы прокурорской деятельности с научной точки зрения и содержатся методические рекомендации по их практическому разрешению.

Предназначены для работников органов и организаций прокуратуры, педагогических работников, аспирантов.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Прокурорская деятельность.....	5
<i>Головко И. И.</i> Обеспечение конкуренции правовыми средствами прокурора, участвующего в арбитражном процессе на основании статьи 52 АПК РФ.....	—
<i>Ерёмин А. В.</i> Символы прокуратуры.....	25
<i>Кузбагаров Э. А., Максимов В. А.</i> Судебная практика применения срока исковой давности.....	36
<i>Никитин Е. Л.</i> Актуальные вопросы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности.....	79
<i>Чепенко Я. К.</i> Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации.....	95
<i>Шурпаев Ш. М.</i> Типичные нарушения требований к ценообразованию при осуществлении государственных и муниципальных закупок товаров, работ, услуг.....	101
<i>Булгакова Л. С.</i> Административная ответственность в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации.....	113
<i>Коряченко С. И.</i> Особенности прокурорской проверки градостроительных и землеустроительных документов.....	122
Раздел II. Уголовное право и криминология.....	132
<i>Готчина Л. В.</i> О некоторых основных направлениях профилактики российской преступности.....	—
<i>Шарапов Р. Д.</i> Субъективная сторона распространения порнографических материалов в сети «Интернет».....	139
<i>Кравченко Р. М.</i> Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве.....	152
<i>Краев Д. Ю.</i> Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).....	159

<i>Федышина П. В.</i> Некоторые проблемы квалификации незаконного сбыта наркотических средств.....	170
---	-----

Раздел III. Уголовный процесс и криминалистика..... 181

<i>Серова Е. Б., Яковлев Н. В.</i> Типичные следственные ошибки по делам о незаконном обороте наркотиков.....	—
--	---

<i>Баркалова Е. В.</i> Новеллы международно-правового со- трудничества в сфере уголовного судопроизводства.....	196
--	-----

<i>Нелеин Г. Г.</i> Анализ прокурором протоколов следствен- ных действий при изучении материалов уголовных дел о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта.....	214
--	-----

РАЗДЕЛ I. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья
УДК 347.963

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ПРОКУРОРА, УЧАСТВУЮЩЕГО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ НА ОСНОВАНИИ СТАТЬИ 52 АПК РФ

Ирина Ивановна ГОЛОВКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, irinaivanovna2009@yandex.ru*

Аннотация. Проанализированы законодательство и судебная практика по вопросам участия прокурора в арбитражном процессе в целях содействия обеспечению конкуренции. Выделены особенности процессуального положения прокурора в делах исследуемой категории и реализации его полномочий.

Ключевые слова: арбитражный процесс, конкуренция, прокуратура, заявитель, третье лицо, публичный интерес, субъекты предпринимательства

Для цитирования: Головки И. И. Обеспечение конкуренции правовыми средствами прокурора, участвующего в арбитражном

процессе на основании статьи 52 АПК РФ // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарипов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 5—24. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14)

**ENSURING COMPETITION BY LEGAL MEANS
OF THE PROSECUTOR PARTICIPATING
IN THE ARBITRATION PROCEEDING PROVIDED
FOR BY ARTICLE 52 OF THE ARBITRATION PROCEDURE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Irina I. GOLOVKO

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, irinaivanovna2009@yandex.ru*

Abstract. The legislation and judicial practice on the participation of the prosecutor in the arbitration process to promote the competition have been analysed. The peculiarities of the procedural position of the prosecutor in the cases of the studied category and the exercise of his powers have been highlighted.

Keywords: arbitration process, competition, the prosecutor's office, claimant, third party, public interest, business entities

For citation: Golovko I. I. Ensuring competition by legal means of the prosecutor participating in the arbitration proceeding provided for by article 52 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 5—24. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (часть 1 статьи 8),

свободное использование каждым своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть 1 статьи 34); не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (часть 2 статьи 34).

Участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей должны быть добросовестными, недопустимо извлечение преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения, использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке (пункты 3, 4 статьи 1, пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)).

В пункте 7 статьи 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) дано определение понятия «конкуренция», под которой понимается «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». Предметом регулирования, в соответствии с частью 1 статьи 1 Закона о защите конкуренции, выступают предупреждение и пресечение монополистической деятельности, недобросовестная конкуренция, недопущение, ограничение, устранение конкуренции; за их совершение федеральными нормативными правовыми актами установлена ответственность.

Исчерпывающий перечень признаков недобросовестной конкуренции, монополистической деятельности, ограничения конкуренции дан в пунктах 9, 10, 17 статьи 4 Закона о защите конкуренции.

Круг субъектов, которые способны оказать влияние на отношения в сфере обеспечения конкуренции, включает:

- 1) российские и иностранные юридические лица, организации;
- 2) федеральные органы исполнительной власти;
- 3) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 4) органы местного самоуправления;
- 5) иные осуществляющие функции органов власти и органов местного самоуправления органы или организации;
- 6) государственные внебюджетные фонды;
- 7) Центральный банк Российской Федерации;

8) физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели.

Федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные органы или организации, осуществляющие функции указанных органов, а также государственные внебюджетные фонды, Центральный банк Российской Федерации принимают подлежащие антимонопольному контролю нормативные и индивидуальные правовые акты, иные решения, осуществляют действия, соглашения и (или) согласованные действия, способные влиять на конкуренцию на товарных рынках (статьи 15, 16 Закона о защите конкуренции, пункт 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Субъекты предпринимательства — юридические лица, организации, физические лица — оказывают влияние на развитие экономических отношений посредством участия в подготовке и совершении сделок, осуществлении обязательств по сделкам.

Согласно части 1 статьи 1 Закона о защите конкуренции под защитой конкуренции понимается предупреждение и пресечение указанных в пунктах 1, 2 данной статьи незаконных деяний. Закон о защите конкуренции рассматривает защиту в широком смысле, а именно как действия, осуществляемые в том числе до нарушения, т. е. в порядке предупреждения. Традиционно охрана осуществляется посредством правового регулирования и установления прав и обязанностей сторон, а защита — посредством мер, принимаемых при угрозе нарушения или фактическом нарушении закона и соответствующих прав. Таким образом, представляется, что предупреждение нарушений должно осуществляться до их совершения и до защиты нарушенных прав.

В деятельности прокурора защита реализуется при применении мер реагирования в связи с выявленными нарушениями закона. Одной из наиболее эффективных мер является обращение прокурора в суд с заявлением на основании части 1 статьи 52 АПК РФ, пунктов 2, 3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»¹. Значительным потенциалом обладает вступление прокурора в дело в арбитраж-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ном суде в соответствии с частью 5 статьи 52 АПК РФ, пунктами 2, 4, 7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»¹. Прокурором предупреждение нарушений закона осуществляется, например, при обращении в суд с заявлением о пресечении противоречащих закону деяний, что способствует предупреждению подобных нарушений со стороны ответчика в будущем.

Также важной характеристикой защиты конкуренции в научных работах называют баланс и взаимонаправленность интересов государства и субъектов предпринимательства: «Защите подлежит как публичный интерес государства в существовании конкуренции в экономике страны, так и частный интерес хозяйствующих субъектов, заключающийся в праве на конкуренцию»[1].

Участие прокурора в рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) антимонопольных органов

На основании части 1 статьи 52, части 2 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагает, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

В соответствии со статьей 39 Закона о защите конкуренции прокурор направляет материалы проверки исполнения законов, указывающие на признаки нарушений закона, являющихся поводом возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства, в территориальные органы ФАС России. На основании данных материалов проверок антимонопольным органом издается приказ о возбуждении дела и о создании комиссии либо в связи с отсутствием необходимых оснований указанный приказ не из-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дается. Отказ в возбуждении дела и приказ о возбуждении дела и о создании комиссии могут быть оспорены в судебном порядке (пункты 51, 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Так, прокурор обратился в суд с заявлением к УФАС по Новосибирской области о признании недействительным решения об отказе в возбуждении дела. К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечены Министерство обороны Российской Федерации, АО <название 1>, АО <название 2>. Придя к выводу, что АО <название 1> и АО <название 2> допущено нарушение требований части 3 статьи 8 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», выразившееся в завышении цены на продукцию, поставляемую в рамках государственного оборонного заказа, прокурор направил в антимонопольный орган обращение, по результатам рассмотрения которого отказано в возбуждении в отношении АО <название 1> дела о нарушении законодательства в сфере государственного оборонного заказа. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда, в удовлетворении требования прокурора о признании недействительным решения отказано. В кассационной жалобе прокурор просил отменить решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оставил без изменения обжалуемые судебные акты по причине отсутствия нарушения закона в сфере государственного оборонного заказа¹.

Также в судебном порядке могут быть оспорены действия и бездействие антимонопольных органов.

Если в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц обратились граждане, организации и иные лица, следует рассмотреть вопрос о вступлении прокурора в дело на основании части 5 статьи 52 АПК РФ в целях обеспечения законности.

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 декабря 2023 г. по делу № А45-5368/2023 // Там же. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kh5LLhUdFkNV/> (дата обращения: 20.06.2024).

В том случае, когда заявителями по таким делам выступают субъекты предпринимательства, органы власти и местного самоуправления, иные осуществляющие функции органов власти и органов местного самоуправления органы или организации, государственные внебюджетные фонды, Центральный банк Российской Федерации, прокурор также вправе вступить в дело на основании части 5 статьи 52 АПК РФ в целях обеспечения законности.

Так, арбитражным судом первой инстанции требования ПАО <...> к УФАС по Саратовской области о признании недействительным предупреждения удовлетворены, предупреждение УФАС по Саратовской области признано незаконным. УФАС по Саратовской области не согласилось с принятым решением и обратилось в суд с апелляционной жалобой, в которой просило решение суда первой инстанции отменить, принять новый судебный акт. В процессе рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции в соответствии с частью 5 статьи 52 АПК РФ в дело вступила прокуратура Саратовской области. Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований ПАО <...> отказано¹.

Общество с ограниченной ответственностью <...> обратилось в суд с заявлением к УФАС по Санкт-Петербургу об оспаривании приказа о возбуждении дела и создании комиссии по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства; определения о назначении дела к рассмотрению; об обязанности Управления прекратить производство по делу о нарушении антимонопольного законодательства. Оспоренным приказом возбуждено дело по признакам нарушения Правительством Санкт-Петербурга части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции в связи с неисполнением предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции, и об отмене акта — постановления Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2017 № 1163. Прокурор участвовал в деле на основании части 5 статьи 52 АПК РФ².

¹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 ноября 2023 г. по делу № А57-6999/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2zsHQVHIZMLQ/> (дата обращения: 20.06.2024).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 января 2024 г. № Ф07-15234/2023 по делу № А56-110053/2022 // Арбитражный суд Северо-Западного округа : офиц. сайт. URL: <http://fasszo.arbitr.ru/cases/cdoc?docnd=840883683> (дата обращения: 20.06.2024).

В подобных случаях прокурор вступает в дело на основании части 5 статьи 52 АПК РФ¹. При реализации указанного полномочия необходимо учитывать, что прокуратура города, района не вправе самостоятельно вступать в дело, а вынесенные с участием указанных органов прокуратуры решения вызывают вопросы. Так, при рассмотрении дела по заявлению ООО <название 1>, ООО <название 2>, ООО <название 3> о признании незаконным решения УФАС по Приморскому краю судом установлено, что Управлением на основании поступивших обращений ООО <название 4>, ФСБ по Приморскому краю, прокуратуры города Владивостока и других лиц возбуждено дело по признакам нарушения пункта 3 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции. В порядке статьи 52 АПК РФ суд удовлетворил заявление прокуратуры Приморского края о вступлении в дело².

Выделим особенности предмета доказывания по делам рассматриваемой категории.

1. Как отмечено в пунктах 50, 51 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», приказы антимонопольного органа о назначении проверки, о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства не являются актами, которыми разрешается вопрос о наличии в действиях лица соответствующих нарушений. В связи с этим при оспаривании приказов арбитражный суд должен про-

¹ См., напр.: Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 20 июля 2023 г. по делу № А27-1892/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/QRgaDaxQhK1w/> (дата обращения: 20.06.2024) ; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17 ноября 2023 г. по делу № А51-3654/2023 // Там же. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/41ldGLD5gLUR/> (дата обращения: 20.06.2024) ; Решение Арбитражного суда Еврейской автономной области от 7 ноября 2023 г. по делу № А16-113/2023 // Там же. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IR7L04AAD4YC/> (дата обращения: 20.06.2024) ; Решение Арбитражного суда Ростовской области от 13 октября 2023 г. по делу № А53-20037/22 // Там же. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/xdTBIgGxV9x1/> (дата обращения: 20.06.2024) ; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 сентября 2023 г. по делу № А53-20038/2022 // Там же. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LOWZYozCwf6U/> (дата обращения: 20.06.2024).

² Решение Арбитражного суда Приморского края от 27 апреля 2023 г. по делу № А51-6823/2022 // Там же. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kqE2yzF5wRQ5/> (дата обращения: 20.06.2024) ; см. также: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2023 г. по делу № А73-19101/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

верить только основания, исключаящие в силу закона возможность их вынесения (например, в связи с истечением к моменту возбуждения дела срока давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства).

2. На стадии возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган не рассматривает по существу вопрос о наличии нарушения, но устанавливает, приведены ли в заявлении обстоятельства, которые могут свидетельствовать о наличии в действиях конкретного лица признаков нарушения антимонопольного законодательства, и представлены ли в подтверждение этих обстоятельств доказательства (либо указаны невозможность представления определенных документов и лицо, у которого они могут быть истребованы). Антимонопольный орган также не связан квалификацией указанных в заявлении действий, которую дает заявитель, а сам квалифицирует их исходя из содержания заявления и имеющихся доказательств. В связи с этим при оценке законности отказа в возбуждении дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2 части 9 статьи 44 Закона о защите конкуренции, суд проверяет правильность выводов антимонопольного органа о квалификации нарушения, а также полноту проверки доводов заявителя (пункт 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», части 1, 2 статьи 44 Закона о защите конкуренции).

3. Несоблюдение установленного порядка рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства может являться основанием для признания недействительными решения и (или) предписания антимонопольного органа, вынесенных по результатам рассмотрения дела, если допущенные нарушения являлись существенными (часть 4 статьи 200 АПК РФ). Существенность нарушений оценивается исходя из их последствий для лица, обратившегося в суд, а также возможного влияния допущенных нарушений на исход дела. Суд может признать существенным нарушением принятие комиссией решения об установлении в действиях ответчика по делу факта нарушения антимонопольного законодательства в отсутствие ранее выданного заключения об обстоятельствах дела; принятие комиссией решения за сроками давности, определенными статьей 41.1 Закона о защите конкуренции; неуведомление лица о времени и месте рассмотрения дела; принятие решения по делу в отсутствие кворума; необеспечение лицам, в отношении

которых ведется производство, возможности ознакомиться с материалами дела, в том числе с аналитическим отчетом о состоянии конкуренции на товарном рынке; необеспечение возможности дать объяснения по делу до принятия решения (пункт 53 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

4. Согласно части 4 статьи 200 АПК РФ предписание антимонопольного органа может быть признано недействительным полностью или в части, если оно нарушает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку указанные в нем меры являются несоразмерными. При оценке соразмерности мер, указанных в предписании, суд принимает во внимание, являются ли они необходимыми для устранения нарушения антимонопольного законодательства или для достижения иных целей, определенных пунктами 2, 3 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции. Указанные в предписании меры могут быть также признаны несоразмерными, если их исполнение влечет значительные для хозяйствующего субъекта убытки и имеется возможность устранения допущенного нарушения иным, менее обременительным способом (пункт 54 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Участие прокурора в рассмотрении судами споров, связанных с реализацией положений антимонопольного законодательства в гражданском обороте

Нарушения законодательства о конкуренции могут быть допущены в ходе процедуры определения поставщика: торгов, запроса котировок цен на товары, запроса предложений. Некоторые подобные нарушения закона перечислены в частях 1—3 статьи 17 Закона о защите конкуренции. Нарушения закона являются основанием для признания судом соответствующих торгов, запроса котировок, запроса предложений и заключенных по результатам таких торгов, запроса котировок, запроса предложений сделок недействительными (часть 4 статьи 17 Закона о защите конкуренции). На основании части 3 статьи 37 Закона о защите конкуренции лица, права и интересы которых нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, вправе обратиться в суд с исками, в том числе с исками о восстановлении нарушенных прав, возме-

щении убытков, включая упущенную выгоду, возмещении вреда, причиненного имуществу.

В соответствии с частью 1 статьи 52 АПК РФ прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с исковыми заявлениями о признании недействительными сделок, применении последствий их недействительности, в защиту публичного интереса и интереса неопределенного круга субъектов предпринимательства. Как показывают результаты обобщения судебной практики, зачастую прокуроры обращаются в суд с заявлениями в связи с выявленными нарушениями закона при определении поставщика (исполнителя) при приобретении оборудования, осуществлении ремонтных работ и заключении договоров аренды недвижимого имущества.

Так, прокурор обратился в суд с требованиями о признании договора аренды муниципального недвижимого имущества — торгового помещения, расположенного в нежилом здании, — ничтожным и применении последствий недействительности ничтожной сделки. Срок договора 26.06.2023—24.07.2023. Ранее между сторонами неоднократно заключались краткосрочные договоры на срок менее 30 дней: 01.12.2022—29.12.2022, 01.01.2023—29.01.2023, 01.02.2023—28.02.2023, 01.03.2023—29.03.2023, 30.03.2023—27.04.2023, 28.04.2023—26.05.2023, 27.05.2023—24.06.2023. При заключении договора с арендатором не проводились конкурсные процедуры. Сторонами нарушен запрет заключать договоры аренды без проведения конкурсных процедур, если срок аренды за шесть месяцев превышает 30 дней, установленный статьей 17.1 Закона о защите конкуренции. Решением Арбитражного суда Амурской области от 29.09.2023 по делу № А04-7525/2023 договор аренды признан недействительным, арендатор обязан возвратить помещение муниципальному образованию¹.

Распространенным нарушением является заключение с одним лицом нескольких договоров без проведения конкурсных процедур.

Прокурор обратился в суд с заявлением в интересах Комитета общего и профессионального образования области (источником финансирования оспариваемых договоров выступил бюджет области на основании соглашения о предоставлении субсидии). Третьим лицом, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора, в деле участвовало УФАС по области. Требования прокурора основывались на следующих обстоятель-

¹ Арбитражный суд Амурской области : офиц. сайт. URL: <https://amuras.arbitr.ru> (дата обращения: 20.06.2024).

ствах. Директор СОШ <...> как с единственным поставщиком заключил три договора (каждый на сумму до 600 тыс. рублей) с ООО <...>, с ИП <Г>, с ИП <Р>. При этом Г. и Р. являются соучредителями ООО <...>; Р. также является генеральным директором указанного Общества, однако от его имени договор подписал С. — руководитель тендерного отдела Общества. Указанные обстоятельства доказывают аффилированность поставщиков между собой, а во взаимосвязи с единой хозяйственной целью договоров — приобретение цифрового оборудования — доказывают то, что закупка названных товаров фактически образует единую сделку, искусственно раздробленную и оформленную тремя отдельными договорами. Учитывая значительную совокупную цену контрактов (более 890 тыс. рублей), проводить закупку путем запроса котировок не имелось оснований. Вместе с тем приобретение товаров, указанных в договорах, фактически образующее единую сделку, не могло осуществляться посредством запроса предложений, поскольку по факту не являлось закупкой товаров, работ услуг, перечисленных в части 2 статьи 83, части 2 статьи 83.1 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Закон о контрактной системе). Учитывая изложенное, закупку оборудования необходимо было осуществить посредством проведения конкурса или аукциона. Таким образом, заключив договоры, директор СОШ <...> совершил действия, ограничивающие конкуренцию на товарном рынке, нарушил принцип обеспечения конкуренции при осуществлении закупок, статью 17 Закона о защите конкуренции. В связи с заключением данных контрактов директор СОШ <...> был привлечен к ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 7.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Прокурор не настаивал на применении последствий недействительности ничтожной сделки, суд также полагал возможным не применять в данном конкретном случае последствия недействительности сделки в виде двусторонней реституции. Все договоры признаны судом недействительными (ничтожными). Решение суда первой инстанции вступило в законную силу, не обжаловалось¹.

¹ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 апреля 2021 г. по делу № А56-1551/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ty6W6tGOFjV8/> (дата обращения: 20.06.2024).

Важно учитывать, что при оценке того, привели или могли привести действия, совершенные в ходе обязательных процедур, а также конкурентных закупок, к недопущению, ограничению или устранению конкуренции на определенном рынке, необходимо учитывать, что правила статьи 17 Закона о защите конкуренции применяются к ним постольку, поскольку законом или в установленном им порядке не предусмотрено иное. В частности, Законом о контрактной системе и Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» установлены специальные правила о порядке проведения процедур определения поставщика, конкурентных закупок. Соответственно, положения статьи 17 Закона о защите конкуренции применяются к таким процедурам и конкурентным закупкам в части, не урегулированной специальными нормами, или в части, конкретизирующей их положения (пункт 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Первый заместитель военного прокурора <...> флота обратился в суд с требованием признать недействительной (ничтожной) сделкой государственный контракт на поставку оборудования для нужд ФКУ <...>, заключенный ФКУ <...> и ООО <...>, применить последствия недействительности сделки. Военной прокуратурой <...> флота проведена проверка соблюдения должностными лицами квартирно-эксплуатационного управления <...> флота антикоррупционного законодательства при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для нужд ФКУ <...>, в ходе которой установлены нарушения Закона о контрактной системе:

- включение в один лот технически и функционально разнородных товаров;

- подготовка документации о закрытом аукционе с усложненными требованиями к заполнению заявок на участие в аукционе;

- завышение начальной (максимальной) и фактической цены контракта, вследствие чего государству причинен ущерб на сумму более 9 млн 430 тыс. рублей;

- подача ООО <...> в нарушение требований части 3 статьи 66 Закона о контрактной системе заявки, в которой по 49 позициям из 100 предлагаемых товаров не соответствовал требованиям документации об аукционе, и допуск заявки к участию в аукционе.

Контракт, который заключен с участником, чья заявка не должна была быть допущена к участию в аукционе, нарушает прямо

выраженный законодательный запрет, установленный частью 2 статьи 8 Закона о контрактной системе. Решением Арбитражного суда города Севастополя от 14.08.2020 по делу № А84-95/20 требования прокурора удовлетворены¹.

По другому делу прокурор в защиту публичного интереса обратился в суд с заявлением к ГБУК <...>, ИП <П.> о признании недействительными (ничтожными) трех государственных контрактов. ГБУК <...> и ИП <П.> заключили три контракта по предоставлению профессионального оборудования (светового, сценического, звукового) с техническим сопровождением для проведения фестиваля фильмов о войне «Сталинградская сирень» на общую сумму 930 тыс. рублей. Суд согласился с прокурором, что контракты имеют признаки искусственного дробления, контракты образуют единую сделку, направленную на достижение одного результата — проведение фестиваля фильмов о войне «Сталинградская сирень». Совокупность закупаемых услуг является единой потребностью, стоимостное выражение которой составило 930 тыс. рублей, что превышает предельный размер, установленный пунктом 5 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе. Заключив указанные контракты, Учреждение ушло от проведения конкурентных процедур определения исполнителя, что привело к нарушению принципа обеспечения конкуренции при осуществлении закупок и предоставлению неправомерных преференций определенному контрагенту. Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 06.02.2024 по делу № А12-31106/2023 требование прокурора удовлетворено. Прокурор не настаивал на применении последствий недействительности ничтожной сделки².

Приведем пример выявления конфликта интересов при определении поставщика.

Прокурор Республики Саха (Якутия) обратился в суд с требованиями к МУП и ООО <...> о признании недействительными электронного аукциона и муниципального контракта на поставку сжиженного газа для автотранспорта. Руководитель МУП, являясь родным отцом одного из учредителей ООО <...>, не получил согласие собственника имущества на заключение сделки с заинтересованностью. Аукционная комиссия, располагая информацией о наличии конфликта интересов между участником закупки и за-

¹ Арбитражный суд города Севастополя : офиц. сайт. URL: <https://sevastopol.arbitr.ru> (дата обращения: 20.06.2024).

² Арбитражный суд Волгоградской области : офиц. сайт. URL: <https://volgograd.arbitr.ru> (дата обращения: 20.06.2024).

казчиком, должна была установить нарушение участником торгов пункта 9 части 1 статьи 31 Закона о контрактной системе и принять решение об отклонении заявки на участие в аукционе. Проверкой установлено, что при наличии конфликта интересов заключен муниципальный контракт на сумму более 16 млн рублей. В пункте 9 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении пункта 9 части 1 статьи 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», утвержденного 28.09.2016 Президиумом Верховного Суда Российской Федерации¹, указано что государственный (муниципальный) контракт, заключенный победителем торгов и заказчиком при наличии между ними конфликта интересов, является ничтожным (пункт 2 статьи 168 ГК РФ), поскольку нарушает запрет, установленный пунктом 9 части 1 статьи 31 Закона о контрактной системе, и посягает на публичные интересы и права третьих лиц. Решением Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 05.10.2020 по делу № А58-2422/2020 требования прокурора удовлетворены².

Также в соответствии с пунктом 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» и в силу пунктов 1, 2, 4 части 1 статьи 17 Закона о защите конкуренции запрещается осуществление организатором обязательных процедур, конкурентных закупок или заказчиком действий, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в том числе координация деятельности участников, создание преимущественных условий участия для отдельных ее участников (в том числе посредством открытия доступа к информации), нарушение порядка определения победителя. По смыслу указанных норм не допускаются к участию в обязательных процедурах, конкурентных закупках организатор, заказчик, работники организатора или заказчика, а также иные лица, которым организатор или заказчик имеют фактическую возможность давать обязательные для исполнения указания или действия которых могут определять иным образом. Осуществление фактического контроля возможно вне зависимо-

¹ Госслужба : портал госслужбы. URL: <https://gossluzhba.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2024).

² Арбитражный суд Республики Саха (Якутия) : офиц. сайт. URL: <https://yakutsk.arbitr.ru> (дата обращения: 20.06.2024).

сти от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков связанности (например, через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов управления участника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении). При установлении такого контроля судам необходимо проверить, насколько значительным было влияние связанного с ним лица на принятие решений, касающихся участия в обязательной процедуре, конкурентной закупке.

Возможными нарушениями являются и изменения в ходе исполнения контракта его условий, не допускаемые законом. В соответствии с пунктом 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» изменение сторонами условий договора, заключенного по результатам обязательных процедур, конкурентных закупок, допускается в пределах, установленных законом (например, пункт 8 статьи 448 ГК РФ, статья 95 Закона о контрактной системе). Если изменяются существенные условия договора (например, в части цены договора) и имеются достаточные основания полагать, что в случае изначального предложения договора на измененных условиях состав участников был бы иным и (или) победителем могло быть признано другое лицо, то действия сторон по изменению договора могут быть квалифицированы как обход требований статьи 17 Закона о защите конкуренции, а соглашение, которым внесены соответствующие изменения, является ничтожным на основании частей 1, 2 статьи 17 Закона о защите конкуренции, пункта 2 статьи 168 и пункта 8 статьи 448 ГК РФ.

При обращении в суд с заявлением необходимо учитывать, что могут быть признаны недействительными как обязательные процедуры, конкурентные закупки, проведенные с нарушением правил статьи 17 Закона о защите конкуренции, так и договор, заключенный по их результатам. Вместе с тем заявление заказчика и (или) победителя о недействительности договора и применении последствий его недействительности (например, требование, предъявленное в суд, возражение против иска) не имеет правового значения, если обстоятельства, на которые ссылается заявитель в обоснование недействительности, вызваны недобросовестными действиями самого заявителя, а предъявление иска направлено на уклонение от исполнения договорного обязательства (пункт 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением су-

дами антимонопольного законодательства»). В подобной ситуации возникает вопрос о злоупотреблении правом со стороны заявителя.

Суд при рассмотрении дела по заявлению о признании обязательных процедур, конкурентных закупок, договоров, заключенных по их результатам, недействительными и о применении последствий их недействительности проверяет:

наличие нарушения статьи 17 Закона о защите конкуренции, в том числе то, что совершенное действие (бездействие) привело или может привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции;

наличие ущемления прав истца, в частности имеется ли фактическая возможность для восстановления прав истца (например, могло ли данное лицо стать победителем при отсутствии нарушений проведения обязательной процедуры, конкурентной закупки исходя из всей совокупности условий торгов) (статьи 166, 449 ГК РФ, статья 17 Закона о защите конкуренции).

Иск о признании договора, заключенного по результатам обязательной процедуры, конкурентной закупки, недействительным может быть удовлетворен также в случае, когда такой договор исполнен (пункт 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Арбитражные суды учитывают, что для выявления акта недобросовестной конкуренции необходимо наличие в действиях хозяйствующего субъекта всех признаков недобросовестной конкуренции, установленных в пункте 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции. Недоказанность хотя бы одного из вышеперечисленных признаков исключает признание действий хозяйствующего субъекта актом недобросовестной конкуренции. Для доказывания совершения правонарушений, запрет на которые содержат статьи 14.1—14.7 Закона о защите конкуренции, необходимо также установление специальных признаков¹. Аналогичным образом устанавливаются факты монополистической деятельности, недопущения, ограничения, устранения конкуренции.

В соответствии с пунктом 1 статьи 449 ГК РФ, пунктом 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» срок исковой дав-

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 21 декабря 2018 г. по делу № А40-243596/18-84-1679 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/b7baC19IS1Wb/> (дата обращения: 20.06.2024).

ности по требованию о признании обязательной процедуры, конкурентной закупки, договора, заключенного по их результатам, недействительными и о применении последствий их недействительности (со ссылкой на статью 17 Закона о защите конкуренции) составляет один год со дня заключения договора, а в том случае, когда такой договор не заключен, — со дня завершения обязательной процедуры, конкурентной закупки.

Данный сокращенный срок исковой давности не распространяется на требования об оспаривании соглашений, изменяющих или прекращающих договор, заключенный по результатам обязательной процедуры, конкурентной закупки. К таким требованиям применяются общие сроки исковой давности (статьи 181, 196 ГК РФ).

Следует учитывать, что Закон о защите конкуренции не содержит указаний на то, что защита гражданских прав в административном порядке (путем рассмотрения антимонопольным органом дел о нарушениях антимонопольного законодательства) исключается при наличии возможности обратиться в суд или, наоборот, является обязательным условием обращения лиц, чьи права нарушены, в суд. Следовательно, если лицо за защитой своих прав обратится в суд, не подавая до этого соответствующего заявления в антимонопольный орган, суд не может оставить такое заявление без рассмотрения. Если иск предъявлен после окончания рассмотрения антимонопольным органом дела, в рамках производства по которому установлен факт соответствующего нарушения антимонопольного законодательства, истец освобождается от доказывания данного факта и обоснования законного интереса в защите своих прав, а антимонопольный орган привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. В то же время наличие акта антимонопольного органа, содержащего вывод о нарушении ответчиком антимонопольного законодательства, не исключает права ответчика представить суду доказательства, опровергающие данный вывод. Если нарушение антимонопольного законодательства не устанавливалось антимонопольным органом, бремя доказывания факта нарушения антимонопольного законодательства, в том числе по проведению анализа рынка, возлагается на истца (пункт 61 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Необходимо взвешенно оценивать целесообразность требования о применении последствий недействительности сделки, особенно в случае ее исполнения.

Так, прокурор обратился в суд с заявлением к ООО <...>, МБУ <...> района Самарской области о признании недействительными договоров на оказание услуг по строительному контролю (пять договоров на сумму не более 600 тыс. рублей) и применении последствий их недействительности. В судебном заседании представитель ООО <...> возражал против удовлетворения иска, считая, что искусственного дробления закупки не было, услуги оказаны в полном объеме и применение последствий недействительности сделки в виде возврата всего исполненного по ней невозможно. Суд согласился с прокурором, что контракты имеют признаки искусственного дробления. Истец не оспаривал, что ООО <...> добросовестно выполнило за соразмерную цену предусмотренные контрактом работы, работы приняты, что не отрицают все участники по делу, результаты работ находятся в общественно-полезном использовании. Учитывая изложенное, решением Арбитражного суда Самарской области от 17.01.2023 по делу № А55-19873/2022 исковое заявление удовлетворено частично¹.

В соответствии с частью 5 статьи 52 АПК РФ для обеспечения законности прокурор вправе вступить в дела об оспаривании сделок:

совершенных органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов Российской Федерации, доля участия муниципальных образований;

совершенных с нарушением требований законодательства в сфере государственного оборонного заказа, в том числе государственными заказчиками государственного оборонного заказа, головными исполнителями поставок продукции по государственному оборонному заказу и исполнителями, участвующими в поставках продукции по государственному оборонному заказу, не указан-

¹ Арбитражный суд Самарской области : офиц. сайт. URL: <https://samara.arbitr.ru> (дата обращения: 20.06.2024).

ными в части 1 статьи 52 АПК РФ, и о применении последствий недействительности таких сделок;

совершенных с нарушением требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в том числе заказчиками, поставщиками (подрядчиками, исполнителями), субподрядчиками, соисполнителями, участвующими в обеспечении государственных и муниципальных нужд, не указанными в абзацах 3 и 4 части 1 статьи 52 АПК РФ.

Прокурор, участвующий в деле, в целях обеспечения законности должен объективно и независимо оценивать требования и доказательства сторон. Отметим, что в пункте 4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»¹ установлена обязательность участия прокуроров в делах, в которые прокурор вступил в порядке части 5 статьи 52 АПК РФ, во всех инстанциях в арбитражных судах и Верховном Суде Российской Федерации. Следовательно, для прокурора, вступившего в дело для дачи заключения, определена обязательность участия в рассмотрении дела и в пересмотре судебных постановлений во всех инстанциях, что имеет целью содействие вынесению законных и обоснованных решений судом.

Таким образом, действующим законодательством прокурор наделен различными правовыми средствами для обеспечения в судебном порядке конкуренции в сфере предпринимательской деятельности: обращается в суд с заявлениями (исковыми заявлениями); не являясь заявителем, вступает в дело на основании части 5 статьи 52 АПК РФ.

Список источников

1. Даниловская А. В. К вопросу о предмете, целях и принципах защиты конкуренции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 20 (3). С. 31—42.

Информация об авторе

И. И. Головкин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. I. Golovko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 347.963

СИМВОЛЫ ПРОКУРАТУРЫ

Алексей Валерьевич ЕРЁМИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, lucullus@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается становление и развитие символов органов прокурорского надзора и значение ее отдельных элементов на разных этапах истории государства. На примере прокуратуры отмечается идеологическая связь ведомственной геральдики с происходившими в стране общественно-политическими изменениями.

Ключевые слова: Российская империя, Союз ССР, Российская Федерация, прокуратура, символ, герб, «столп Закона»

Для цитирования: Ерёмин А. В. Символы прокуратуры // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 25—36. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

SYMBOLS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Alexey V. EREMIN

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, lucullus@yandex.ru*

Abstract. The establishment and development of symbols of prosecutorial supervision bodies and the importance of their individual elements at different stages of the history of the state are considered. The ideological connection of departmental heraldry with the socio-political

changes taking place in the country on the example of the prosecutor's office is noted.

Keywords: Russian Empire, USSR, Russian Federation, prosecutor's office, symbol, emblem, «pillar of the law»

For citation: Eremin A. V. Symbols of the prosecutor's office // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 25—36. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

В специальной литературе различаются понятие «символ» как абстрактный образ, понятия «эмблема» и «герб» как изображение конкретного объекта. «Путать эмблему с символом... довольно странно, а по существу — просто безграмотно» [1, с. 11], но их переплетение настолько плотное, что подобное смешение часто встречается. Символы органов прокурорского надзора являются темой малоизученной. Под символом прокуратуры понимается образ — набор определенных элементов, с которыми связано представление о прокуратуре как государственном институте. Причина малоизученности заключается в том, что тема имеет узкоспециальный характер, который не связан напрямую с профессиональной деятельностью работников прокуратуры и тем более с повседневными заботами граждан нашего государства, и в силу этого вызывает ограниченный научный интерес.

В системе исторических наук, среди специальных исторических дисциплин, присутствует геральдика, предметом изучения которой являются гербы, однако она относится к числу вспомогательных дисциплин, облегчающих осмысление исторической реальности, и входит в состав эмблематики — группы дисциплин, изучающих эмблемы (символы). С 1990-х годов в России происходит оживление научных исследований как в традиционных направлениях (это частная (родовые и личные), государственная и территориальная геральдика), так и в новых. К числу новых и активно развивающихся направлений относится ведомственная геральдика, предмет которой составляет изучение гербов органов государственной власти. К настоящему времени научных работ, посвященных ведомственной геральдике, относительно немного, среди них практически нет таких, которые рассматривали бы символы прокуратуры.

Помимо социальной и технической причин ограниченного научного интереса к прокурорской символике необходимо указать на причину более глубокого характера — разницу в менталитете людей прошлого и настоящего. Символическое осмысление реальности всегда было свойственно человеку, но в отдельных исторических периодах (Средневековье) или в периоды кризиса общественного устройства оно становилось доминирующим. В этом отношении сознание человека XX—XXI веков отличается от сознания людей других исторических эпох. Нельзя сказать, что современный человек, разделяющий интеллектуальные установки модерна, постмодерна и в меньшей степени постмодерна, исключительно рационален, но его практицизм зачастую отсекает все лишнее, в том числе и символы как условные формы и методы осмысления реальности. Как указывалось выше, в периоды кризисов изменения в общественной жизни приводят к возникновению обратной тенденции, к иррационализации сознания и усилению значения знаков и символов в повседневной жизни.

В этом контексте изучение символов позволяет осмыслить исторические особенности восприятия окружающего мира людьми прошлого и отчасти настоящего времени через символы и метафоры. Исторические особенности менталитета привели к тому, что возникновение и утверждение геральдики стало возможным в условиях европейского Средневековья¹, а сознание человека последующих исторических эпох ставило более ограниченные цели: использование европейского опыта и расширение его в новых направлениях, создание ведомственной геральдики и символов прокуратуры.

Эмблема и символы прокуратуры Российской Федерации были учреждены Указом Президента Российской Федерации от 04.10.2008 № 1441 «Об утверждении геральдического знака — эмблемы и флага прокуратуры Российской Федерации». Закономерно, что в Указе приводится описание эмблемы: это золотой двуглавый орел, увенчанный тремя императорскими коронами и держащий в когтях щит специфической формы с изображением «столпа Закона» и двумя скрещенными мечами за щитом, но расшифровка значений приведенных элементов отсутствует. Последнее обстоятельство требует раскрытия, тем более что в исто-

¹ В других регионах мира также существовали региональные варианты геральдики, но они не учитываются ввиду того, что история России демонстрирует ярко выраженную с XVIII века ориентацию на Европу, в том числе и в геральдике.

рии России впервые символы прокуратуры были установлены нормативно.

Любая геральдическая эмблема при всем своем символизме, т. е. кажущейся простоте, представляет собой целостный образ, обусловленный определенными обстоятельствами — реальностью. Эти образы могут быть как простыми, состоящими из пары элементов (геральдических фигур), так и более сложными. Но важно другое: все элементы несут смысловую, идеологическую нагрузку, а их перечень и взаимная связь отражают особенности представляемого объекта — прокуратуры, в нашем случае, в символической форме.

При трактовке эмблемы надо иметь в виду, что она может быть в некоторой степени условной, если ее элемент не имеет жестко закрепленного символического значения и допускает разные смыслы. Это касается не геральдических фигур, а тинктур (цветов) герба, которые общепризнанными значениями не обладают [2, с. 42—43] и выбор которых зачастую определяется эстетическими представлениями составителя, а не символическим толкованием цвета. Таким образом, важно не просто знание о геральдической эмблеме ведомства (учреждения), а понимание ее смысла — идей, которые через символы отображают специфику деятельности прокуратуры, ее место в структуре государственных органов. Эти символы исторически обусловлены.

Во-первых, само осмысление института прокуратуры через символы требует времени, в течение которого доказывалась востребованность и жизненность этого учреждения. Прокуратура¹ в Российской империи была учреждена в 1722 году, а ее эмблема появилась (условно) только в 1810 году как часть форменного обмундирования. В 1801 году для пуговиц мундиров членов Правительствующего Сената вводится изображение «Всероссийского императорского герба, окруженного цепью ордена Св. Апостола Андрея Первозванного»², которое быстро сменяется другим — штемпелем, «каковой на обороте медалей по случаю Высочайшей коронации розданных изображен»³, или так называемым «столпом

¹ Термин «прокуратура» здесь используется без учета времени возникновения прокуратуры как особого государственного органа и, соответственно, появления самого термина.

² О мундирах для сенаторов : Указ именной, объявленный Сенату сенатором Строгановым, от 9 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 26, № 20072. С. 859—860 ; Там же. Т. 44, ч. 2. С. 82—83.

³ О пуговицах, каки должны быть на сенаторских мундирах : Указ именной,

Закона»¹. В дальнейшем последний вариант пуговиц был предписан к использованию для обер-прокуроров² и чиновников департамента Министерства юстиции³. В это время изображение «столпа Закона» только начинает приобретать значение символа, не являясь им в полной мере, — это атрибут внешнего образа некоторых государственных чиновников, например сенаторов, генерал-прокурора, обер-прокуроров. Окончательно символом, указывающим должностное положение, «столп Закона» становится только после Судебной реформы 1864 года и в результате изменений, вносимых в форменную одежду чинов судебного ведомства в 1894, 1898, 1904 годах [3, с. 273—274]. В новом виде — в обрамлении венка лавровых и дубовых листьев — как самостоятельный символ «столп Закона» был добавлен на петлицы, продольные плечевые знаки и головные уборы чиновников судебного ведомства: прокуроров, коронных судей, волостных судей, судебных приставов, присяжных поверенных, судебных чиновников, межевых чиновников, тюремных надзирателей, а председателям и членам коронных судов — на цепи с жетонами. При этом прежний вид на пуговицах был сохранен [4, с. 178—184, 241—242, 253]. Примечательно, что мировые, станичные и почетные судьи такой эмблемы были лишены [4, с. 180, 185—187]. Приобретенное значение символа еще не наделило «столб Закона» характеристиками герба, поскольку отсутствовал основополагающий элемент последнего — геральдический щит.

В 1917 году история символов судебного ведомства Российской империи и пришедшей ей на смену Российской республики прер-

объявленный Сенату сенатором Строгановым, от 23 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 26, № 20087. С. 869 ; Там же. Т. 44, ч. 2. С. 83.

¹ Для чеканки медалей («В память коронавания императора Александра I» и «За служение во время коронации») были изготовлены 4 штемпеля с разными реверсами медалей, один из которых изображал «столп Закона»: № 247 (Собрание русских медалей. СПб., 1840. Вып. 4. С. 62), № 332а, № 132б, № 132в (Описание русских медалей / сост. В. П. Смирнов. СПб., 1908. С. 186).

² О мундирах для обер-прокурора, герольдмейстера, товарищей его, директора чертежной, обер-секретарей, эскутеров, секретарей, кастелянов и чиновников канцелярии Сенате, из Правительствующего Сената : Указ именной, объявленный министром юстиции, от 23 февраля 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 28, № 21166. С. 143 ; Там же. Т. 44, ч. 2. С. 83.

³ О мундире для чиновников департамента Министерства юстиции: высочайше утвержденный доклад министра юстиции от 19 июля 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 31, № 24300. С. 276 ; Там же. Т. 44, ч. 2. С. 93.

валась. В Советской России прокуратура РСФСР была учреждена в 1922 году, в 1923 году была учреждена должность прокурора при Верховном Суде СССР, а прокуратура СССР — в 1933 году. Несмотря на учреждение отдельного ведомства, попытки создания геральдического знака для прокуратуры не предпринимались. По-видимому, основанием для такого отношения была общая чуждость геральдики как науки феодальной эпохи для советского государства и общества; эмблемы государственные, территориальные и ведомственные разрабатывались в небольшом объеме. Для прокуратуры ограничились введением в 1943 году символа — щита оригинальной формы (с поднятой центральной частью верхнего края) с двумя перекрещенными мечами за ним — для ношения на погонах, петлицах и кокардах форменного обмундирования¹. Этот символ, не являющийся гербом советской прокуратуры, тем не менее стал ее олицетворением. Он был взят за основу при разработке наград и знаков Прокуратуры СССР: «Лучший следователь прокуратуры», «Почетный работник прокуратуры», «50 лет Советской прокуратуре» [5, с. 14—28]. Наиболее красочным и детально проработанным вариантом представляется нагрудный знак «Почетный работник прокуратуры», учрежденный в 1981 году: щит со скругленной оконечностью, серебристой окантовкой и полем рубинового цвета; в поле размещен золотистый герб СССР, а в верхней части главы на окантовке находится звезда, на боковых и нижней частях — надпись; за щитом расположены два перекрещенных меча с острым лезвием и косой насечкой на рукояти без навершия [5, с. 9]. Из описания видно, что, несмотря на небольшие стилистические коррективы, структура и значение символа были сохранены.

В современной России после учреждения прокуратуры Российской Федерации в 1992 году десоветизированная традиция предыдущего периода была сохранена и частично использована при разработке геральдического знака-эмблемы в 2008 году.

Во-вторых, каждый новый этап в истории России приводил к обновлению учреждения в соответствии с изменившимися условиями. Провозглашение РСФСР и СССР знаменовало полный разрыв с предшествующей государственностью Российской империи и Российской республики, и этот разрыв прослеживается в опыте советской прокуратуры, в том числе в символической форме. В от-

¹ О введении форменной одежды для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры СССР : Постановление СНК СССР от 16 сентября 1943 г. № 1002 // Известия СССР. 1943. 25 сент. № 227 (5598).

ношении же прокуратуры Российской Федерации такой жесткий разрыв отсутствует. Несмотря на то что общественный строй России основывается на принципах, противоположных советскому времени, идея исторической преемственности между Российской Федерацией, СССР и Российской империей возобладала. Страна, народ и их история — едины, а все различия имеют привходящий характер. В этом смысле геральдическая эмблема современной прокуратуры содержит символы, через которые и выявляется пересечение прошлого, настоящего и будущего этого ведомства. Такое понимание способствует не только воспитанию чувства коллективной солидарности, но и ощущению гордости за свою службу, ведомство и родину через понимание истории прокуратуры и государства, осознанию ее исторической преемственности.

В эмблеме очевидно влияние традиций трех главных периодов в истории ведомства: имперского, советского и современного, каждый из которых представлен определенными символами («столп Закона», гербовый щит с перекрещенными мечами, двуглавый орел, новые тинктуры, сама идея подобной композиции в целом).

Какими смыслами наделены эти элементы? От прокуратуры Российской империи современная эмблема унаследовала знаковый элемент — «столп Закона» — и, условно, финишь (эмаль) — «зелень» для поля гербового щита.

«Столп Закона», или «сенатский чекан», впервые появился в 1801 году, а в 1810 году был утвержден в качестве общей эмблемы органов юстиции: Министерства юстиции и соединенных с ним прокуроров, судей и других должностных лиц.

Изображение столба (колонны) древнее и распространенное в геральдике [1, с. 198—199]: отмечены примеры его использования в гербах отдельных государств, земель и городов, частных лиц, причем речь чаще идет о почетной геральдической фигуре: полосе по центру щита, реже — о колонне в натуральной форме. Это изображение, особенно активно использовавшееся в XVIII—XIX веках, символизировало идеи стабильности, постоянства, уверенности [1, с. 198]; в таком качестве колонна, наряду с триумфальной аркой, стала знаком военных побед. В качестве же эмблемы ведомства использование колонны необычно для геральдической традиции, но при этом понятно, поскольку столб, обладая подходящим символическим значением, будучи увенчанным императорской короной, становится олицетворением основы государственности, монархической для Российской империи.

Вспомогательный атрибут — планка «ЗАКОНЪ» на столбе — служит указателем на деятельность судебных (правоохранительных) органов. Исторические корни подобного использования «столба» восходят к символизму отправления правосудия в средневековой Европе, в которой изображение древнего (языческого) символа — «древа правосудия» — было заменено новым (христианским) — распятием [6, с. 274]. В России начало XIX века — это время эпохи ампира (классицизма), в рамках которого имел место реверс к традициям античности, а значит, выбор столба (колонны)¹ был закономерен, поскольку, с одной стороны, связывал его с образом «древа правосудия», а с другой — не терял связи с христианством через «мировое древо», «древо познания». В современной России этот символ по-прежнему связан с осуществлением правоприменения, реализацией закона.

На дореволюционной эмблеме столб изображался в окружении венка из дубовых (слева)² и лавровых (справа) ветвей, перевязанных лентой внизу. В современной эмблеме венок не используется, поскольку его функцию выполняет гербовый щит, но сам выбор растений также показателен. Оба растения являются древними символами разных народов (германцев, греков и римлян), чье культурное влияние было значимо для судьбы России, а использование этих растений в эмблеме отвечало культурной стилистике бурного на события начала XIX века: ампиру — лавр, а романтизму — дуб. Оба растения являлись выражением мудрости, верности, величия и славы [1, с. 147—150, 227], усиливая смысл символа «столп Закона».

В наследство от советского времени прокуратуре России достались гербовый щит и перекрещенные мечи. Форма гербового щита довольно изыскана и появилась в геральдике сравнительно поздно (во второй половине XVIII века—XIX веке). В оригинальном виде советская форма щита — это щит с выраженной поднятой верхней частью главы при заниженных боковых краях. В специальной литературе такая форма щита не указана, но по сути является модернизированной версией щита с двойной волнистой вершиной (two engrailed top) или швейцарского щита (*écu suisse*), который появился, по одним данным, в Великобритании в 1750—1850 годах

¹ Само изображение «столпа Закона» соответствует культурным предпочтениям эпохи — дорическая колонна с капителью и стереобатом.

² Мнение, что в русской геральдике эмблема «дубовая ветвь» применялась лишь с конца XIX века — включение ее в венок Большого Государственного герба в 1882 году [5, с. 149] — некорректно.

[7, р. 51] или XVII веке [8, р. 24, 65], по другим — в Швейцарской конфедерации эпохи медиаторства в 1803—1815 годах.

В российской же эмблеме использована иная, появление которой приписано Польше 1860-х годов [7, р. 51], версия указанного выше щита: треугольный щит с вырезанными верхними углами, или с клиновой вершиной (wedge top).

Подобная элегантная, современная и при этом экзотическая форма гербового щита прекрасно отвечала целям советского государства, в отличие от более простых и древних форм, которые зачастую имели так называемую национальность (иберийский, французский, норманский, германский, польский и др. щиты¹). Выбранная форма позволяла дополнительно подчеркнуть разрыв с традициями прежней феодально-буржуазной государственности. Современное российское государство переняло эту советскую традицию.

Неизменным осталось использование серебра (светло-серый/белый) в окантовке щита, а вот само поле щита кардинально изменило свой цвет² с рубинового (цвет флага СССР) на зеленый. И подобная смена не кажется чем-то надуманным. Хотя синий цвет прочно ассоциируется с современной прокуратурой, с цветом форменного обмундирования, такое положение дел сложилось лишь во второй половине 1950-х годов. Однако и зеленый цвет не является для прокуратуры чужим. С 1809 года, когда в Российской империи вводится форменное обмундирование прокуроров, и до 1917 года для них традиционным цветом становится темно-зеленый [3, с. 273—274]³. Тинктуры гербового знака обладают соответствующими символическими значениями [1, с. 487—490], которые отвечают образу прокуратуры: металл «серебро» олицетворяет чистоту и благоразумность (мирская и религиозная добродетели соответственно), «зелень» — терпение и надежду, а «червень» — щедрость и мужество. В Российской империи же эмблема для петлиц или погон⁴ была золоченой, символизирующей смирение и умеренность.

¹ Все эти «национальности» имеют условный характер, связанный с предпочтениями тех или иных форм в конкретном феодальном государстве; при описании герба (благонимирование) они не используются.

² Необходимо учитывать, что, строго говоря, в советское время цвет за эмблемой не был закреплён, и говорить об использовании в ней всех оттенков красного можно только условно, ввиду общей традиции того времени отдавать предпочтение именно этому цвету.

³ Смотрите также указанные выше правовые акты Российской империи.

⁴ Для цепей судей был установлен серебрано-вороной цвет «столпа Закона».

Что касается скрещенных мечей, то они традиционно являются символами правоохранительных органов и органов юстиции. Хотя меч является древним символом, олицетворением власти, верховенства военного начала, а в сфере юстиции — идеи возмездия, в Советской России он был отвергнут¹ и получил признание только в 1943 году [1, с. 261—263]. Данный геральдический элемент не является изобретением СССР и был заимствован из практики средневековой Европы.

Сама практика использования меча в эмблеме советского и настоящего времени требует осмысления. Во-первых, меч расположен вне поля щита, т. е. является не гербовой фигурой, а щитодержателем. Это не является чем-то необычным, примеры чего есть в советской и западноевропейской геральдике. Во-вторых, интересны количество и расположение мечей: на эмблеме присутствуют два скрещенных меча. Наличие двух мечей на эмблемах не распространено, но допускается. Например, часто их можно найти на военных эмблемах Швеции, с остриями, направленными вверх, т. е. как олицетворение военной власти, готовности к действию. На советских эмблемах, причем на прокурорских и органов государственной безопасности, острия лезвий мечей, наоборот, направлены вниз, а рукояти — вверх эмблемы. В геральдике при использовании мечей как щитодержателей такое размещение не характерно, тем не менее основание для подобного очевидно: коннотация с римской версией образа Фемиды — богини справедливости — и подчеркнутое отличие правоохранительной функции от военной. Наконец, наличие именно двух мечей на эмблеме прокуратуры было вызвано соображениями симметрии [1, с. 263] и какого-то символизма не содержит. Соглашаясь с этим мнением, нельзя не отметить его нелогичность ввиду того, что для эмблемы органов государственной безопасности, на которой присутствует один меч, принцип симметрии не применялся.

В Европе в церемонии коронации использовались так называемые церемониальные мечи, которые символизировали разные аспекты верховной, судебной власти. В Англии в таком качестве используют три меча: меч временного (мирского) правосудия (sword of Temporal justice), меч духовного правосудия (sword

¹ При утверждении будущего герба РСФСР В. И. Ленин категорично выступил против использования меча в гербе, вопреки мнению членов Малого Совнаркома. Последним не помогла даже ссылка на образ «карающего меча революции» — ВЧК. Для В. И. Ленина «меч» был неприемлем как феодальный символ военного верховенства дворянства и символ буржуазной юстиции.

of Spiritual justice) и меч милосердия (Куртана, sword of Mercy)¹ [9, с. 134—135]. Визуально они различались разной шириной клинка и формой острия: равнозаостренный, скошенный и скругленный (или затупленный). Согласно форме острия мечей на эмблеме прокуратуры СССР и России можно предположить, что за образец были взяты два меча мирского правосудия, поскольку использование других мечей было бы недопустимо идеологически: меча духовного правосудия — из-за светского характера государства и декларируемого атеизма, а меча милосердия — вследствие ярко выраженной аналогии с мечом палача.

Наконец, новацией современного времени стало формирование нового образа геральдической эмблемы прокуратуры на основе соединения элементов, принадлежащих разным историческим эпохам, и дополнения их еще одной фигурой щитодержателя — двуглавым орлом — государственным гербом и символом российского государства. Это придало получившейся композиции завершенный вид, подчеркнуло статус прокуратуры как государственного органа и значение выполняемых им функций.

Стоит дополнительно указать, что использование государственного символа в качестве щитодержателя само по себе выглядит необычно, но в российской ведомственной геральдике признается допустимым. В европейской геральдике примеры подобного использования главной геральдической фигуры крайне редки (городские гербы Швейцарии и южной Германии), их можно увидеть лишь на неформальных вариантах герба.

Символы прокуратуры менялись в ходе истории, но их смыслы оставались неизменными. Геральдическая эмблема прокуратуры России в этом плане ярко отражает идеологическое значение института прокуратуры, а также идею исторической преемственности.

Список источников

1. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. 3-е изд. Москва : Международные отношения, 2001. 560 с.
2. Медведев М. Ю. Геральдика или истинная наука о гербах. Москва : Гербы и флаги, 2008. 144 с.

¹ Меч милосердия (Куртана) обладает характерной особенностью — тупым, скругленным лезвием, — возникшей из-за разлома клинка, и его нельзя объединять с мечами судей и мечами палачей, которым аналогичная форма придавалась специально.

3. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII—начало XX в. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1999. 479 с.

4. Мельник Г. К., Можейко И. В. Должностные знаки Российской империи. Москва : Хронос, 1993. 288 с.

5. Михальчук А. Е., Покатило А. В. Обзор знаков Прокуратуры СССР и Российской Федерации. Саратов : КИЦ Саратовтеlevision ; Добродеев, 2016. 376 с.

6. Тогоева О. И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. Москва : Наука, 2006. 333 с.

7. Neubecker O. A guide of Heraldry. New-York : McGraw-Hill Book company, 1979. 264 p.

8. Grazebrook G. The dates of variously-shaped shields, with coincident dates and examples. Liverpool, 1890. 124 p.

9. Ефимов С. В. Клинки возмездия (Мечи правосудия и мечи палачей XVI—XVII вв.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды шестой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 13—15 мая 2015 года. В 4 ч. Ч. 2 / Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2015. С. 131—174.

Информация об авторе

А. В. Ерёмин — кандидат исторических наук.

Information about the author

A. V. Eremin — Candidate of Science (History).

Научная статья
УДК 347.1

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ

Эдуард Асхатович КУЗБАГАРОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, ekuzbagarov@yandex.ru,*

Виталий Алексеевич МАКСИМОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, maximovva@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены как теоретические, так и практические аспекты, связанные с применением исковой давности, в том числе в прокурорской деятельности. Исследованы понятие «исковая давность», порядок ее исчисления и применения, злоупотребление исковой давностью.

Ключевые слова: исковая давность, срок, субъективная исковая давность, объективная исковая давность, применение исковой давности, злоупотребление исковой давностью, исковая давность в уголовном деле

Для цитирования: Кузбагаров Э. А., Максимов В. А. Судебная практика применения срока исковой давности // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 36—79. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

**JUDICIAL PRACTICE OF APPLICATION
OF THE STATUTE OF LIMITATIONS**

Eduard A. KUZBAGAROV

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, ekuzbagarov@yandex.ru,*

Vitaly A. MAXIMOV

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, maximovva@mail.ru*

Abstract. Both theoretical and practical aspects related to the application of the limitation, including prosecutorial activities have been

considered. The concepts of «limitation», the procedure for its calculation and application, and abuse of limitation have been investigated.

Keywords: limitation period, period, subjective limitation, objective limitation, application of limitation, abuse of limitation, limitation in a criminal case

For citation: Kuzbagarov E. A., Maximov V. A. Judicial practice of application of the statute of limitations // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 36—79. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Исковую давность относят к одному из центральных и фундаментальных институтов гражданского законодательства. Незаурядное значение этого института обусловлено тем, что он обеспечивает онтологическое обоснование права, которое, как известно, не существует вне времени и конкретного социокультурного пространства. Поскольку право «живет» во времени, оно вполне естественно отражает в себе его суть и указывает на временность происходящих в правовой жизни событий и обстоятельств, утрату их значения с истечением времени либо, напротив, безвременный статус [1, с. 8]. Предназначение института исковой давности традиционно сводят к обеспечению стабильности гражданского оборота и устойчивости наполняющих его сделок. Достижению этой цели должна способствовать дисциплинированность участников гражданского оборота. Установление исковой давности побуждает потерпевшую сторону к своевременному обращению в суд за защитой своего права и одновременно служит препятствием для бесконечно долгого удержания потенциального нарушителя права под угрозой применения к нему принудительных мер воздействия. За счет этих двусторонних мер институт давности содействует устранению неопределенности в отношениях участников гражданского оборота. Таким образом, исковая давность неразрывно связана с обеспечением эффективности и разумной своевременности защиты гражданских прав.

Общетеоретическое понимание и применение на практике подраздела 5 «Сроки. Исковая давность» Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), как правило, не вызывает серьезных затруднений. Преодолению сложных и дискуссионных вопросов

помогают высшие судебные инстанции, разъясняющие правила применения положений закона, порядок исчисления сроков и последствия их применения [1, с. 8].

Тема исковой давности является традиционной и кажется, на первый взгляд, простой для понимания. Однако изменяющееся законодательство в общем и судебная практика в частности радикально меняют имеющееся представление об общих правилах применения данного института гражданского права.

К базовым разъяснениям должного применения исковой давности относят постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (Постановление Пленума об исковой давности) и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», а также ряд других разъяснений, данных Верховным Судом Российской Федерации в обзорах судебной практики.

Понятие исковой давности. Легальное определение исковой давности дано в статье 195 ГК РФ: исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Из определения следует, что право защиты по иску принадлежит потерпевшему, т. е. конкретному лицу, обладающему субъективным гражданским правом, на которое произошло посягательство.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание, это понимание исковой давности как некоего срока. На наш взгляд, отождествление исковой давности со сроком (промежутком времени) является не совсем верным. Хотя данные категории и тесно связаны друг с другом, однако следует подчеркнуть, что *исковая давность — это не срок, а состояние, при котором сторона может заявить о применении судом исковой давности и погасить исковое требование, при этом нарушенное право будет продолжать существовать, но оно уже не сможет быть защищено в суде с применением силы государственного принуждения.*

Чтобы прийти к пониманию сущности исковой давности, для начала необходимо разобраться с вопросом о существовании самого субъективного гражданского права (защищаемого права) до и после истечения срока исковой давности. Так, гражданские права физических и юридических лиц приобретаются в результате состоявшихся юридических фактов (например, рождение, смерть, совершение сделок купли-продажи, мены, дарения, аренды и др.).

Возникновение у одного лица субъективного гражданского права должно корреспондировать соответствующей обязанности другого лица, неисполнение которой свидетельствует о допущенном гражданском правонарушении. Защита права в суде гарантируется статьей 46 Конституции Российской Федерации и обеспечивается согласно статье 1 ГК РФ силой государственного принуждения. Нарушение субъективного гражданского права запускает течение исковой давности для защиты в суде нарушенного права. Течение исковой давности начинается при совокупности известных условий, которые будут раскрыты далее в статье.

Очевидно, что исковая давность должна применяться при нарушении не только субъективных гражданских прав, но законных интересов и свобод участников гражданского оборота, а также то, что сфера применения исковой давности не должна ограничиваться защитой прав, законных интересов и свобод лишь в судебном порядке [2, с. 31]. Показательно, что первое из указанных выше обстоятельств признается в пункте 5 Постановления Пленума об исковой давности, посвященном обращению в суд органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций или граждан с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц в случаях, когда такое право им предоставлено законом [3].

Истечение исковой давности, т. е. проявление бездействия со стороны обладателя нарушенного права — не обращение за его защитой в суд, — вовсе не порождает прекращение (утрату) самого субъективного права, но является поводом для погашения искового требования при начатом, но не законченном судебном разбирательстве [4, с. 283—284]. Основанием для погашения иска и применения исковой давности к возникшему спору является заявление одной из сторон, участвующей в судебном разбирательстве (статья 199 ГК РФ). Применение исковой давности по инициативе суда не допускается.

Таким образом, субъективное гражданское право существует вне зависимости от исковой давности: даже в случае ее истечения право продолжает существовать. Истечение срока исковой давности создает правовое последствие в виде возможности погашения исковых требований стороной спора посредством заявления о применении судом исковой давности к сложившемуся правоотношению. При удовлетворении такого заявления сторона не может быть принуждена к действию (бездействию) судом, однако это не означает, что обладатель нарушенного гражданского права не мо-

жет использовать иные способы защиты, помимо судебного, хотя последний и является наиболее эффективным.

Исчисление срока исковой давности. От правильности определения обстоятельств нарушения субъективных гражданских прав зависит решение важного вопроса об определении начала течения срока исковой давности. Так, в действующем российском законодательстве существует два подхода: субъективный и объективный.

1. Статья 200 ГК РФ устанавливает общее правило определения начала течения срока исковой давности: «...со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права». Иными словами, начало течения срока исковой давности связано с так называемым субъективным критерием, включающим в себя два элемента (условия):

- 1) знание о факте нарушения своего права,
- 2) знание о том, кто является надлежащим ответчиком по иску.

Совокупность этих элементов «запускает» течение срока исковой давности.

В принципе, можно предложить добавить третий элемент в число факторов, определяющих начало течения исковой давности: знание о виде и размере притязания.

В некоторых случаях истцу, уже знающему о факте нарушения и личности нарушителя, затруднительно или вовсе не возможно определить характер и сумму своих притязаний к ответчику. Это касается прежде всего таких ситуаций, которые приводят к подаче исков о взыскании убытков, и тех, когда нарушение порождает отложенные по времени негативные последствия. Например, если неисполнение должником (ответчиком) обязательства влечет нарушение прав кредитора (истца) перед своими контрагентами, размер убытков истца оказывается неизвестным до предъявления к нему претензий контрагентом. Допустим, кредитор закупил крупную оптовую партию товаров у должника, которую затем перепродал мелкооптовыми партиями различным покупателям. Товар оказался с недостатками. Как следствие, кредитор ожидает предъявления к нему претензий от своих контрагентов, которым он перепродал товар, но размер таких претензий неизвестен. Такие иски могут быть заявлены контрагентами и удовлетворены судами намного позже, чем истечет срок исковой давности по требованию кредитора к должнику. Это особенно вероятно в ситуации, когда товар перепродавался несколько раз, а дефект был обнаружен конечным покупателем: пока цепочка удовлетворенных регрессных исков

«дотянется» до кредитора, срок исковой давности по требованию кредитора к должнику с высокой вероятностью истечет и кредитор лишится возможности возместить все взысканные с него убытки и штрафы за счет истинного виновника сложившегося положения. Здесь мы имеем схожую картину со случаем, когда неизвестна личность обязанного лица: о нарушении своего права кредитор знает, но размер и даже само наличие собственных убытков ему пока неизвестны.

Другой пример: должник допускает просрочку, а кредитор, выждав более трех лет, заявляет отказ от договора, после чего предъявляет иск о взыскании убытков, вызванных вынужденным расторжением договора, по правилам пункта 5 статьи 453 и статьи 393.1 ГК РФ (например, убытков, составляющих разницу между ценой расторгнутого договора и ценой заменяющей сделки, заключенной кредитором с третьим лицом после расторжения договора). До момента расторжения договора кредитор не только не страдает от такого вида убытков, но и не имеет оснований рассчитывать на их взыскание.

Похожая ситуация может возникнуть и в результате совершенного деликта, поскольку нередко возникновение негативных имущественных последствий деликта по времени сильно отстоит от момента причинения вреда. Заявление в суд требования о возмещении вреда до того, как сами негативные последствия в полной мере стали известны и могут быть подсчитаны, невозможно или крайне затруднительно. Но придерживание предъявления иска в суд может повлечь пропуск срока исковой давности, что подталкивает пострадавшего заявлять иск о взыскании лишь части своих убытков и снижает шансы на получение полной компенсации.

Все эти соображения теоретически могут послужить поводом к добавлению третьего элемента в определение «начало течения срока исковой давности». Недостатком введения рассмотренного условия является порождаемое этим шагом усиление неопределенности в определении момента начала течения срока исковой давности. Возможно, при наличии объективного, десятилетнего срока (пункт 2 статьи 196 ГК РФ) эти опасения не столь существенны. Как бы то ни было, трехэлементный состав факторов, определяющих начальный момент течения срока исковой давности, пока в судебной практике не был поддержан, обоснованность его введения в правопорядок является недостаточно исследованным и дискуссионным вопросом [5].

Без сомнения, истец, защищающий свое нарушенное право в судебном порядке, при возникновении вопроса о пропуске срока исковой давности будет стремиться убедить суд в том, что он узнал о нарушении своего права и кто его нарушил буквально накануне дня подачи иска в суд. Поэтому для достижения определенности в исчислении начала течения срока исковой давности при субъективном подходе используется объективный признак (показатель), позволяющий определить, когда узнал истец о нарушении своего права. Таковым признаком является вмененное знание, т. е. знание о моменте или событии, когда истец не мог не узнать о нарушении своего права, при этом неважно понимал ли и давал ли себе отчет истец, что он узнаёт именно о факте нарушения своего права. Вмененное знание является отправной точкой начала исчисления срока исковой давности.

Необходимость знания о том, кто является надлежащим ответчиком, до 2013 года законодательно закреплено не было, но наличие этого условия становилось очевидным при анализе судебной практики. Так, условие о необходимости знания о личности ответчика впервые было подтверждено в Обзоре практики Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации¹.

Общим для гражданских правоотношений является трехлетний срок исковой давности. Однако существуют и специальные сроки исковой давности, которые короче или длиннее общего и применяются для отношений, прямо установленных законом. Так, для защиты чести и достоинства установлен годичный срок со дня опубликования сведений в средствах массовой информации, по требованиям о признании сделки оспоримой — также один год, при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки — три месяца и др.

2. Объективный подход был введен в 2013 году (абзац 2 пункта 2 статьи 200 ГК РФ) в ходе реформы. Было установлено, что срок исковой давности в любом случае не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства.

Пункт 8 Постановления Пленума об исковой давности содержит разъяснение правила о предельном десятилетнем сроке исковой давности, появившегося в пункте 2 статьи 196 ГК РФ в 2013 году. В частности, подчеркивается: данный срок исчисляется не со дня,

¹ Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения : информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, а с момента нарушения права; указанный срок не может быть восстановлен. Это означает, что для течения срока объективной давности нет необходимости в установлении условий течения срока, как при субъективном подходе. Срок исковой давности начинает течь автоматически, когда возникло само обязательство, в том числе произошло нарушение субъективного гражданского права. С момента возникновения обязательства начинает течь десятилетний срок, с истечением которого ответчик, в случае предъявления к нему искового требования, вправе заявить об истечении срока исковой давности и погасить иск, т. е. ответчик попадает в состояние, когда по его заявлению о применении срока исковой давности суд отказывает в удовлетворении иска.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что указанный срок не может быть восстановлен. Без приведения какого-либо обоснования такое утверждение вызывает вопросы, поскольку сужает возможность защиты прав физических лиц в условиях, когда эти лица по уважительным причинам не могли ею (защитой) воспользоваться. Кроме того, такое утверждение идет вразрез со сложившейся судебной практикой, в частности по делам, связанным с возмещением вреда, причиненного преступлением, о чем более подробно будет рассказано ниже. Наконец, это утверждение не согласуется с позицией самого Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 2 Постановления Пленума об исковой давности применительно к защите прав физических лиц, не обладающих полной дееспособностью [3]. Таким образом, в условиях, когда из закона прямо не вытекает, что предельный десятилетний срок исковой давности не может быть восстановлен, не следует исключать данную возможность, которая позволяет законным образом выйти из некоторых тупиковых ситуаций [3].

Возникает закономерный вопрос о соотношении субъективного и объективного подходов. Так, субъективный срок может существовать только в пределах десятилетнего срока после возникновения обязательства. На протяжении десятилетнего срока при возникновении известных условий (знание о факте нарушения права и личности правонарушителя. Знание о виде и размере притязания в настоящее время не закреплено законодательно) начинается течение субъективного срока. Истечение срока в любом случае влечет возможность погашения иска по заявлению ответчика.

Особого внимания заслуживает пункт 15 Постановления Пленума об исковой давности, согласно которому суд может отказать

в иске по причине пропуска срока исковой давности без исследования обстоятельств дела по существу. Данная идея была закреплена в общем виде еще в пункте 26 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2001 № 15, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.11.2001 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»¹, а ныне доведена до логического конца и реализована путем прямого указания на то, что суд может по указанной причине отказать в иске без исследования иных обстоятельств дела.

Согласиться с таким подходом категорически нельзя, ибо вывод о пропуске истцом срока исковой давности невозможно сделать, не разобравшись предварительно в вопросах о том, обладал ли истец соответствующим правом, является ли оно нарушенным, считать ли нарушителем ответчика по делу. Лишь при положительных ответах на все эти вопросы, которые должны найти отражение в мотивировочной части судебного решения, суд может оперировать понятием «исковая давность» и при истечении срока последней должен отказать в защите нарушенного права. Мы понимаем, что вряд ли эти соображения найдут поддержку у судей, но тем не менее считаем, что они являются верными и соответствующими сути правосудия [3].

Пример такой ситуации содержится в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2019 № 308-ЭС19-10020 по делу № А53-21901/2017². Спор происходил между Министерством обороны Российской Федерации (арендодатель) и Почтой России (арендатор) о возврате неосновательного обогащения. Между сторонами был заключен договор аренды нежилого помещения, по окончании срока договор был пролонгирован на неопределенный срок. Платежи за помещение вносились исправно. Позднее судебным решением было установлено, что помещение находилось в хозяйственном ведении арендатора, из-за чего на стороне арендодателя образовалось неосновательное обогащение, полученное в виде арендных платежей вследствие отсутствия у арендодателя права сдачи помещений в аренду. Суды первой и апелляционной инстанции полагали, что между сторонами была заключена ни-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ утратил силу.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чтожная сделка, исполнение которой началось 03.07.2014, исковое заявление подано в арбитражный суд 17.07.2017, т. е. за пределами срока исковой давности. Руководствуясь положениями статей 167, 181, 199 ГК РФ, по заявлению ответчика суд применил исковую давность к спорным отношениям, в иске отказал. Верховный Суд Российской Федерации, отменяя судебные акты нижестоящих инстанций, обратил внимание на следующее: 29.12.2016 вступило в силу постановление суда, которым за арендатором признано право хозяйственного ведения арендуемого помещения, следовательно, имелось совпадение арендатора и титульного владельца объектов аренды в одном лице; истцом требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки не заявлялось, но, несмотря на это, нижестоящие суды руководствовались положениями о последствиях недействительности сделки. К искам о взыскании неосновательного обогащения применяется общий трехгодичный срок исковой давности, установленный статьей 196 ГК РФ, который в силу пункта 1 статьи 200 ГК РФ начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Узнал истец о нарушении своего права уже после вступления в силу постановления суда от 29.12.2016 о признании права хозяйственного ведения, а при исчислении с этой даты срок исковой давности не истек.

Субъекты, обладающие правом заявить о применении исковой давности. Поскольку исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре (пункт 2 статьи 199 ГК РФ), соответствующее заявление, сделанное третьим лицом, по общему правилу не является основанием для применения судом исковой давности.

Вместе с тем в пункте 10 Постановления Пленума об исковой давности признано, что заявление об истечении срока исковой давности может быть сделано не только стороной по делу, но и третьим лицом, если в случае удовлетворения иска к ответчику возможно предъявление ответчиком к третьему лицу регрессного требования или требования о возмещении убытков. На это обстоятельство давно указывалось в литературе [6, с. 566—567]. Полагая, что следовало бы в пункте 10 уточнить, что любые заявления истца об исковой давности (например, его пояснения об исковой давности, содержащиеся в исковом заявлении) не могут служить основанием для применения судом исковой давности.

Поскольку правопогашающий эффект истечения срока исковой давности возможен только в случае заявления об этом в установ-

ленном порядке ответчиком в суде в процессе рассмотрения дела по существу (пункт 2 статьи 199 ГК РФ), постольку более верным представляется вынесение судебного акта об отказе в защите права по мотивам истечения срока исковой давности, а не просто об истечении календарного срока вне зависимости от заявления в суде [3].

В пункте 11 Постановления Пленума об исковой давности содержатся верные пояснения о том, что заявление о применении исковой давности может быть сделано ответчиком или третьим лицом лишь при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции, а также в суде апелляционной инстанции в случае, если суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции [3].

Прокурор, согласно статье 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), статье 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Поскольку прокурор подает исковое заявление в защиту не своего нарушенного права, а лица, интересы которого он представляет, то правила об исковой давности распространяются на прокурора так же, как если бы нарушенное право защищал сам потерпевший. Это правило следует из пункта 5 Постановления Пленума об исковой давности, а также пункта 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» применительно к искам о признании сделки недействительной и о применении последствий недействительности ничтожной сделки.

Толкуя пункт 1 статьи 200 ГК РФ, Верховный Суд Российской Федерации приходит к логичному выводу о том, что для исков в защиту интересов публично-правовых образований срок исковой давности исчисляется с момента, когда о нарушении узнал или должен был узнать уполномоченный орган. Аналогично для исков в защиту прав других лиц срок исковой давности нужно исчислять с момента, когда о нарушении становится известно лицу, чье право защищается, а не процессуальному истцу.

Необходимость применения к прокурору общих правил исчисления исковой давности было предметом обсуждения при рассмотрении проекта ныне принятого Постановления Пленума об исковой давности. Против представленной на голосование редакции

возражал заместитель Генерального прокурора Российской Федерации С. Г. Кехлеров. Он предлагал рассчитывать начало течения срока исковой давности для прокуроров с момента, когда о нарушении права узнал сам прокурор, а не лицо, в чьих интересах он выступает [7].

Отклонение предложения С. Г. Кехлерова считаем правильным по следующим причинам. Во-первых, как справедливо, выступая на Пленуме Верховного Суда Российской Федерации, отметил председатель Судебной коллегии по гражданским делам В. И. Нечаев, что предложение прокуроров является явным толкованием *contra legem* и вторжением суда в компетенцию законодателя; и что прокуратуре следовало бы направить свои лоббистские усилия в данном вопросе в сторону парламента. Во-вторых, продвигаемая Генеральной прокуратурой Российской Федерации модель регулирования *de lege ferenda* представляется не вполне удачной. Институт исковой давности является важной составляющей принципа правовой определенности (Постановление Европейского суда по правам человека от 07.07.2009 по делу «Станьо против Бельгии» (*Stagno v. Belgium*)¹. Устанавливая предельный срок защиты права посредством обращения в суд, указанный правовой институт предоставляет участникам гражданского оборота определенные гарантии стабильности существующих правоотношений². В основе этого института лежит идея о том, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок³. Предложение Генеральной прокуратуры Российской Федерации по сути упраздняет эти гарантии во всех случаях, когда закон допускает обращение прокурора с иском в защиту прав третьих лиц, поскольку фактически прокурору будет

¹ Доступ через информ.-правовой портал «Гарант.ру».

² По делу о проверке конституционности части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобой гражданина К. А. Охотникова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 21-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат „Североникель“», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товариществ с ограниченной ответственностью «Совместное российско-африканское предприятие „Эконт“» и гражданина А. Д. Чулкова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 г. № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предоставлена возможность в любой момент отсчет срока исковой давности начать сначала.

Здесь усматривается определенное сходство с ранее существовавшими в отечественном гражданском процессе механизмами не ограниченного разумными сроками пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора. Данное регулирование в ряде решений Европейского суда по правам человека было признано противоречащим принципу правовой определенности как одному из проявлений права на справедливое судебное разбирательство (Постановления Европейского суда по правам человека от 24.07.2003 по делу «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabykh v. Russia*), от 05.04.2005 по делу «Волкова против Российской Федерации» (*Volkova v. Russia*)¹. Представляется, что имплементация предложения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в правоприменительную практику или законодательство сопряжена с аналогичными рисками.

Таким образом, по нашему мнению, избранное Верховным Судом Российской Федерации толкование норм Гражданского Кодекса Российской Федерации в этом вопросе является взвешенным и корректным, соответствующим как действующему законодательству, так и правовой природе института исковой давности. Более того, закрепление данного толкования в Постановлении Пленума об исковой давности представляется тем более своевременным, что в современной практике известны примеры обратного подхода к применению исковой давности по искам прокурора, в том числе широко обсуждаемое в профессиональном сообществе дело по иску к ОАО «Акцияерная нефтяная компания „Башнефть“» (решение Арбитражного суда города Москвы от 07.11.2014 по делу № А40-155494/2014²). Данные Верховным Судом Российской Федерации разъяснения, на наш взгляд, послужат единообразию судебной практики в этом спорном вопросе [8, с. 1].

По итогу обсуждения Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев еще раз подчеркнул, что принятие редакции проекта постановления пленума с учетом указанного замечания Генеральной прокуратуры Российской Федерации не является компетенцией суда, для этого необходимо вносить изменения в закон [7].

¹ Доступ через информ.-правовой портал «Гарант.ру».

² Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IXZYIZixRiHC> (дата обращения: 07.05.2024).

Однако следует отметить, что в пункте 4 Постановления Пленума об исковой давности предпринята попытка определить особенное начало течения исковой давности по требованиям публично-правовых образований, которое приурочено ко дню, когда публично-правовое образование в лице уполномоченных органов узнало или должно было узнать о нарушении его прав. По нашему мнению, данное разъяснение мало что проясняет, поскольку неясно, какие из многочисленных органов публично-правовых образований имеются в виду. Представляется, что решение данного вопроса в каждом конкретном случае должно исходить из содержания конкретного права и функциональных компетенций конкретного уполномоченного органа [3]. Указанный пункт, таким образом, скрыто дает возможность прокурорам интерпретировать начало срока исковой давности с момента проведения проверки и фиксации нарушения субъективного гражданского права соответствующего публично-правового образования.

Особенности исчисления и преодоления исковой давности.

I. Течение исковой давности по искам, связанным с уголовными делами.

Анализ действующего законодательства позволяет утверждать, что начало течения исковой давности зависит не только от знания о нарушении (пункт 1 статьи 200 ГК РФ в редакции, действовавшей до 01.09.2013) и нарушителе (пункт 1 статьи 200 ГК РФ в новой редакции), но и от того, каким именно из трех возможных способов потерпевший решит защитить свои права. В зависимости от избранного потерпевшим способа защиты нарушенных прав началом течения исковой давности будут считаться разные даты. При этом важно понимать: указанное не означает, что происходит изменение срока по смыслу статьи 197 ГК РФ о недействительности соглашения об изменении сроков исковой давности.

Самостоятельный (классический) гражданский иск. Потерпевший может предъявить к лицу, причинившему вред, или лицу, ответственному за действия причинителя вреда, самостоятельный гражданский иск, не дожидаясь того, будут ли действия причинителя вреда признаны уголовным преступлением и будет ли вообще возбуждено уголовное дело по этому поводу. В данном случае начало течения срока исковой давности и его исчисление не вызывает особых сложностей и происходит по классической доктринальной модели.

Гражданский иск, предъявляемый в уголовном деле. Лицо, которому преступлением причинен имущественный вред, вправе предъявить гражданский иск в уголовном деле. В соответствии с частью 1 статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) любое физическое или юридическое лицо, пострадавшее от преступных действий, вправе предъявить гражданский иск о возмещении имущественного вреда при наличии оснований полагать, что данный вред причинен непосредственно преступлением. Такое лицо признается гражданским истцом, что оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя.

Таким образом, начало уголовного преследования позволяет потерпевшему воспользоваться таким средством защиты, как предъявление гражданского иска в уголовном деле. Данный иск является альтернативным по отношению к обычному гражданскому иску. Иначе говоря, потерпевший может предъявить только один из этих исков, но не оба сразу. Если потерпевший ранее предъявил требование в порядке гражданского судопроизводства о возмещении причиненного вреда, то ему необходимо для предъявления аналогичного требования в рамках уголовного производства отозвать свой ранее заявленный общегражданский иск, поскольку одно и то же требование не может быть заявлено дважды и рассматриваться независимо друг от друга разными судами. Соответственно, гражданский иск может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Поэтому для гражданского иска, предъявляемого в рамках уголовного дела, началом течения срока исковой давности может считаться момент возбуждения уголовного дела.

Так, прокурор обратился в Арбитражный суд Волгоградской области с исковым заявлением к некоммерческой организации <Фонд> и ЗАО <название 1> о признании недействительными открытого конкурса по отбору управляющей компании, проведенного Фондом 07.04.2008, протокола заседания попечительского совета Фонда от 07.04.2008 о признании компании победителем конкурса, договора доверительного управления, заключенного между ЗАО <название 1> и Фондом; применении последствий недействительности сделки. Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 20.06.2011 иск удовлетворен. Постановлением Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2011 решение суда оставлено без изменения.

В рамках возбужденного уголовного дела по факту хищения денежных средств руководителем ЗАО <название 1>, выделенных на развитие инновационных технологий в Волгоградской области, были выявлены факты предоставления в заявке недостоверных сведений. Данные факты прокуратуре стали известны после изъятия следственными органами справок о чистых активах ЗПИФ ОР(В)И <название 1> и ЗПИФ ОР(В)И <название 2>. Кроме того, в конкурсной документации отсутствовали подтвержденные специализированным депозитарием справки о размерах находящихся в доверительном управлении активов паевых инвестиционных фондов по состоянию на 01.01.2008.

Прокуратурой для приобщения к материалам дела представлен приговор от 06.02.2012 в отношении К. — генерального директора ЗАО <название 1>, — совершившего вопреки законным интересам организации злоупотребление полномочиями в целях извлечения выгоды для себя и Г. — генерального директора ООО <...>, — совершившего, в свою очередь, хищение чужого имущества путем обмана.

Из названного приговора следует, что К., имея целью извлечение прибыли, создал видимость соответствия ЗАО <название 2> условиям проводимого попечительским советом Фонда конкурса, представив на рассмотрение членам конкурсной комиссии заявку на получение права управления Фондом, содержащую в себе недостоверные сведения, после чего К., злоупотребляя своим служебным положением, не проверив деятельность ЗАО <название 3>, продолжая достижение цели извлечения материальной выгоды от продажи акций управляющей компании, имея возможность инвестировать средства ЗПИФ ОР(В)И в развитие 40 проектов, представленных в адрес ЗАО <название 2>, изучение указанных проектов не организовал, предоставив частному инвестору (ЗАО <название 3>) возможность получить инвестиции для собственных проектов. Получив за паи ЗПИФ ОР(В)И денежные средства, Г. распорядился ими по своему усмотрению, в результате совершенного преступления Фонду причинен ущерб на сумму более 100 млн рублей. Также был сделан вывод, что хищение денежных средств стало возможным в результате виновных действий К., действиями последнего причинен вред разработчикам инновационных проектов. Данные обстоятельства и послужили основанием для обращения прокуратуры в арбитражный суд с настоящим иском.

Учитывая, что о нарушении прав Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, в интересах которых выступила про-

куратура, смогли узнать только после проведения следственных мероприятий, в рамках которых были получены доказательства, свидетельствующие о предоставлении руководителем ЗАО <название 2> недостоверных сведений для участия в конкурсе с целью получения денежных средств, судебные инстанции сделали вывод о том, что срок исковой давности, предусмотренный пунктом 2 статьи 181 ГК РФ, на момент предъявления иска не истек.

Соглашаясь с выводами судов, суд округа отметил, что судебные инстанции правомерно определили начало течения срока исковой давности, исходили из того, что публично-правовые образования, в интересах которых выступила прокуратура, могли узнать о нарушении своего права с момента, когда в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении генерального директора ЗАО <название 1>, было установлено предоставление последним недостоверных сведений с целью создания видимости соответствия компании условиям проводимого конкурса. Таким образом, до установления данных обстоятельств организатор торгов не мог знать о нарушении права, а также о том, что орган управления ЗАО <название 2> действовал в противоправных целях¹.

Гражданский иск по итогам рассмотрения уголовного дела. Потерпевший вправе предъявить гражданский иск о возмещении причиненного ему преступлением вреда, опираясь на итоги рассмотрения уголовного дела. Такой иск предъявляется в соответствии с правилами гражданского судопроизводства и рассматривается в обычном порядке, но с учетом преюдициального значения обстоятельств, установленных приговором суда по уголовному делу. В частности, к этому гражданскому иску, пусть даже он и основывается на приговоре по уголовному делу, не применяются нормы уголовно-процессуального законодательства. Указанный вывод следует из положений, закрепленных частью 1 статьи 1 ГПК РФ и частью 2 статьи 3 АПК РФ, которые исчерпывающим образом определяют круг нормативных актов, устанавливающих порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции и порядок судопроизводства в арбитражных судах, а УПК РФ к числу этих актов не относится.

¹ Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 14 марта 2012 г. по делу № А12-3872/20111. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». (Определением Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 июня 2012 г. № ВАС-8227/12 отказано в передаче указанного дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора.)

Рассматриваемый гражданский иск может быть предъявлен в течение трех лет с момента вступления приговора по уголовному делу в законную силу. Иными словами, считается, что в данном случае исковая давность начинает свое течение только с момента признания в установленном законом порядке действий причинителя вреда преступлением.

Если анализировать причины формирования такого подхода, то можно, на наш взгляд, обратить внимание на следующее. Российское законодательство не содержит специальных правил о начале течения срока исковой давности по гражданско-правовым требованиям лиц, чьи права нарушены совершением преступления. Казалось бы, в рассматриваемом случае должно применяться общее правило о начале течения срока исковой давности, предусмотренное пунктом 1 статьи 200 ГК РФ. Этот вывод подтверждается также положением, закрепленным в абзаце 2 пункта 2 статьи 204 ГК РФ (в редакции от 01.09.2013), о том, что если судом оставлен без рассмотрения иск, предъявленный в уголовном деле, то начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения. Из приведенной нормы с достаточной очевидностью следует, что общее правило, закрепленное в пункте 1 статьи 200 ГК РФ, о начале течения срока исковой давности распространяется и на случаи, когда гражданские права нарушаются посредством деяний, которые в будущем потенциально могут быть признаны преступлениями. Напротив, какой-либо связи начала течения срока исковой давности по гражданскому иску с уголовно-правовой квалификацией содеянного из данной нормы не прослеживается. Более того, особенностью гражданского иска в уголовном процессе является то, что течение исковой давности по такому иску начинается до вынесения приговора, так как в противном случае предъявление иска в уголовном деле было бы невозможно.

При этом подход российских судов к решению вопроса о начале течения срока исковой давности в случаях, когда гражданский иск предъявляется в рамках уголовного дела или по итогам его рассмотрения, существенно отличается от тех подходов, что основаны на буквальном толковании норм статей 200 и 204 ГК РФ. Как показывает сложившаяся судебная практика, в этих случаях гражданско-правовые иски при наличии соответствующих оснований удовлетворяются безотносительно к сроку исковой давности, несмотря на то, что сами преступления, которыми потерпев-

шим был нанесен тот или иной урон, были совершены задолго до предъявления иска.

Как следует из постановления Арбитражного суда Уральского округа от 06.02.2019 по делу № А50-42677/2017, не согласившись с принятым постановлением апелляционного суда, П. обратился в суд округа с кассационной жалобой, в которой просил указанный судебный акт отменить. По мнению заявителя, дата начала течения трехлетнего срока исковой давности верно определена судом первой инстанции — 03.12.2007, из чего следует, что на момент обращения кредитора с гражданским иском по уголовному делу указанный срок истек. Таким образом, вывод апелляционного суда о продлении срока исковой давности возбуждением уголовного дела неправомерен, поскольку к моменту его возбуждения в 2014 году с момента начала течения срока исковой давности прошло шесть лет.

Отклоняя довод заявителя кассационной жалобы о том, что о нарушении своего права К. должна была узнать не позднее 03.12.2007, когда был заключен договор на покупку виллы на имя П. — брата К., суд округа указал: даже если принять во внимание указанную позицию должника, следует учесть, что приобретение виллы само по себе не давало К. оснований сомневаться в надлежащем исполнении обязательств со стороны П., поскольку такое исполнение было обусловлено дальнейшей реализацией имущества (виллы) с целью осуществления расчетов с кредитором за счет вырученных денежных средств; однако после продажи виллы в октябре 2012 года соответствующее намерение не было выполнено, в связи с чем в 2014 году кредитор обратился с заявлением о совершенном преступлении, а в 2015 году, т. е. в пределах трехлетнего срока исковой давности, предъявил гражданский иск. Довод П. относительно того, что хищение имущества, как установлено судом, было окончено 14.02.2007 и с указанной даты подлежит исчислению срок исковой давности, судом округа был отклонен, поскольку данный факт на течение срока исковой давности по заявленному требованию не влияет; в силу пункта 1 статьи 200 ГК РФ правовое значение имеет то обстоятельство, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2019 № 309-ЭС19-7119 в передаче данного дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано¹.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приведем еще несколько примеров судебной практики.

1. Прокурор обратился в суд в интересах муниципального района с иском к Х. о взыскании материального ущерба, причиненного преступлением. Решением суда от 10.04.2013 иск прокурора удовлетворен частично. В апелляционной жалобе представитель ответчика сослался на неприменение судом последствий пропуска срока исковой давности.

Отклоняя доводы жалобы и оставляя решение суда без изменения, судебная коллегия указала, что приговором от 05.10.2012, вступившим в законную силу 16.10.2012, председатель администрации <...> кожууна Республики Тыва Х. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 293 УК РФ (халатность), и ему назначено наказание в виде штрафа. Осужденный Х. освобожден от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Из указанного приговора следует, что ответчик Х., являясь главой <...> кожууна — председателем администрации <...> кожууна Республики Тыва, должностным лицом, — вследствие недобросовестного отношения к службе ненадлежащим образом исполнил свои обязанности: подписал акты выполненных работ формы КС-2, КС-3, не читая и не ознакомившись с содержанием данных документов; в результате этого были незаконно перечислены денежные средства ООО <...>, которое фактически не выполнило эти работы, в результате чего государству причинен крупный ущерб. Как следует из приговора, в рассматриваемом случае материальный ущерб был причинен 22.12.2009 муниципальному образованию ответчиком Х.

Судом первой инстанции установлено, что прокурором 09.08.2012 предъявлялся иск к Х. о возмещении вышеуказанного материального ущерба, иск был возвращен прокурору 02.10.2012, доказательств обратного стороной ответчика Х. не представлено, в связи с чем следует признать, что срок исковой давности по настоящему иску, поданному 28.01.2013, не истек, так как был прерван предъявлением иска 09.08.2012.

Кроме того, лицо, признанное потерпевшим по делу, исходя из положений статьи 44 УПК РФ, до вступления в законную силу приговора суда и исключения обстоятельств презумпции невиновности Х. не имело оснований полагать, что вред был причинен непосредственно преступлением, совершенным ответчиком Х., и не могло реализовать право на подачу гражданского иска в рамках уголовного дела.

Как заключила судебная коллегия, согласно установленным обстоятельствам доводы апелляционной жалобы стороны ответчика Х. о пропуске срока исковой давности по требованиям о взыскании денежных средств являются несостоятельными, основаны на неправильном толковании норм материального права¹.

2. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 06.11.2015 постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.07.2015 по делу № А40-79318/111² отменено в части применения последствий недействительности сделки; в отмененной части дело передано на новое рассмотрение в Девятый арбитражный апелляционный суд. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2016 № 305-ЭС15-6063(7) отказано в передаче дела № А40-79318/2011 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации³.

Определением от 23.04.2015 Арбитражный суд г. Москвы отказал конкурсному управляющему ОАО <название> в удовлетворении заявления о признании недействительной сделки — договора от 11.10.2006 о внесении в уставный капитал ООО <название 1> недвижимого имущества и о применении последствий недействительности сделки. ООО <название 2> не согласилось с определением суда первой инстанции и подало апелляционную жалобу, в которой просило определение отменить и принять новый судебный акт об удовлетворении заявления конкурсного управляющего ОАО <название> о признании сделки недействительной.

Отменяя определение, суд апелляционной инстанции указал следующее. В соответствии с планом приватизации от 31.08.1998 имущество ОАО <название> состояло из 21 имущественного комплекса. Каждый имущественный комплекс состоял из строений и сооружений для единого производственного процесса и собственного обеспечения уставной деятельности. В период с 2006 года по 2011 год все указанные имущественные комплексы неправомерно, путем злоупотребления правом и злоупотребления должностными полномочиями, отчуждены в пользу третьих лиц. Сумма ущерба, причиненного ОАО <название>, по предваритель-

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Тыва от 27 августа 2013 г. по делу № 33-838/201. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 июля 2015 г. по делу № А40-79318/111. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной оценке конкурсного управляющего составила около 6 млрд рублей. В период с 2011 года (с момента отстранения от должности генерального директора ОАО <название> Д.) по настоящее время в собственность ОАО <название> было возвращено два имущественных комплекса. Преимущественно отчуждение происходило путем внесения имущества в уставный капитал созданной организации, а затем путем купли-продажи недвижимого имущества собственность переходила к якобы добросовестным приобретателям, проходя через несколько физических и юридических лиц различных юрисдикций.

Данные выводы нашли свое подтверждение в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела, а также при рассмотрении исковых требований, предъявляемых конкурсным управляющим в <...> районный суд города Москвы. Суды общей юрисдикции квалифицировали действия по незаконному выбытию имущества из собственности ОАО <название> как сделки, которым была придана видимость законности и которые совершены с целью, противной основам правопорядка и нравственности, и путем злоупотребления правом, и посчитали необходимым вернуть незаконно отчужденное имущество в собственность ОАО <название>.

Определение апелляционной инстанции подлежит отмене по следующим основаниям.

Суд апелляционной инстанции посчитал, что сделка по внесению недвижимого имущества в уставный капитал ООО <название 1> также является ничтожной по основаниям, установленным в мотивировочной части приговора. Сделка по внесению имущества — вклада в уставный капитал — совершена с целью злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ). Согласно упомянутому приговору генеральный директор ООО <название> С. работал на предприятии, принадлежащем Д., менеджером по административно-хозяйственной деятельности и находился в подчинении у Д., который и попросил С. стать номинальным генеральным директором ООО <название 1>. Самостоятельно С. никакие решения не принимал, а только подписывал документы. Кроме того, те же самые действия Д. следует квалифицировать как злоупотребление правом, поскольку он понудил подчиненное ему лицо стать генеральным директором предприятия, принять имущество, частично принадлежащее государству в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом (без его ведома), а затем произвести отчуждение долей ООО <название 1> без согласия акционеров

ОАО <название> (потерпевший). Из приговора следует, что при внесении имущества в уставный капитал был допущен порок воли юридического лица. При внесении имущества в уставный капитал помимо решения единоличного исполнительного органа требовалось решение акционера ОАО <название> и (или) его коллегиального органа — Совета директоров; такого решения не было.

Суд апелляционной инстанции указал, что материалы дела содержат достаточно доказательств, позволяющих квалифицировать договор внесения имущества в уставный капитал как сделку, при которой имело место злоупотребление правом. Недобросовестное поведение сторон по всем сделкам и намерение причинить вред ОАО <название> при совершении сделок очевидны.

Районный суд 27.01.2014 при рассмотрении уголовного дела, возбужденного в отношении Д., квалифицировал его действия по отчуждению двух имущественных комплексов как злоупотребление полномочиями. Именно с этого момента конкурсный управляющий узнал о злоупотреблении правом при заключении соответствующих сделок как со стороны Д., так и со стороны единоличных исполнительных органов других юридических лиц, принимавших участие в сделках по выводу активов ОАО <название>. Именно в ходе судебного разбирательства уголовного дела районным судом был установлен данный юридически значимый факт.

В декабре 2014 года Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел гражданское дело по иску конкурсного управляющего по возврату в собственность ОАО <название> одного из имущественных комплексов (определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2014 № 5-КГ14-158¹), который выбыл из собственности ОАО <название> способом, противным основам правопорядка и нравственности, и путем злоупотребления правом. Фактически внесенное имущество в уставный капитал стоимостью 70 млн рублей (оценка Росимущества) было продано физическому лицу О. за 3 млн рублей, которые, в свою очередь, были похищены К. Таким образом ОАО <название> ничего не получило от продажи указанной собственности.

Применительно к обстоятельствам настоящего дела суды общей юрисдикции посчитали, что срок исковой давности должен быть исчислен с момента вступления в законную силу приговора, и отказались снимать арест на имущество, ранее принадлежащее ОАО <название>, для того чтобы оно было возвращено потерпевшему.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В этой связи конкурсный управляющий в 2014 году обратился в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании сделок недействительными и применении последствий их недействительности на основании указанного приговора.

По мнению суда апелляционной инстанции, срок исковой давности по оспариванию данной сделки следует исчислять с момента вступления в законную силу приговора, т. е. с 10.04.2014.

В постановлении от 02.03.2015 по данному делу Арбитражный суд Московского округа пришел к выводу о том, что по требованию конкурсного управляющего о признании согласно статье 10 ГК РФ сделки недействительной суды обоснованно отклонили доводы ответчиков о пропуске сроков исковой давности и правомерно исчислили его с даты вступления в законную силу приговора от 27.01.2014, которым установлен факт злоупотребления полномочиями Д. Соответственно, срок исковой давности следует исчислять не с момента регистрации сделки, а с момента вступления в силу приговора (постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.03.2015 по делу № А40-79318/11).

Доводы заинтересованных лиц относительно сроков исковой давности судом апелляционной инстанции отклонены, поскольку суды общей юрисдикции дали оценку незаконному выбытию имущества ОАО <название> и квалифицировали такое выбытие как злоупотребление правом. Кроме того, упомянутое уголовное дело касательно выбытия данного имущественного комплекса было возбуждено в 2007 году, а приговор был вынесен в 2014 году, следовательно, ОАО <название> не знало и не могло знать обо всех преступных обстоятельствах отчуждения его собственности, так как они стали известны и были раскрыты исключительно в рамках судебного следствия. Только опираясь на материалы судебного следствия, конкурсный управляющий смог утверждать о злоупотреблении правом со стороны Д. и созданных Д. юридических лиц.

Таким образом, как следует из приведенного постановления, вывод об определении начала течения срока исковой давности с даты вступления в законную силу приговора мотивирован тем, что суды общей юрисдикции, а также Арбитражный суд Московского округа по другим делам, связанным с истребованием имущества ОАО <название>, пришли к выводам о том, что срок исковой давности следует исчислять с указанной даты, т. е. апелляционный суд посчитал, что было бы неправильно в настоящем деле исчислять срок исковой давности иначе, принимая во внимание вступившие в законную силу судебные акты.

В свою очередь, кассационный суд не считает, что срок исковой давности по требованию о возмещении ущерба, причиненного преступлением, начинает течь по общим правилам. Однако никаких иных правил течения срока исковой давности по такому требованию Гражданский Кодекс Российской Федерации, как, впрочем, и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, не содержит.

Указанный подход судов к началу исчисления срока исковой давности по искам, связанным с уголовными делами, можно, однако, обосновать следующим образом.

Поскольку, как уже было отмечено, в настоящее время ни уголовно-процессуальное, ни гражданское законодательство каких-то специальных правил о начале течения сроков исковой давности по искам потерпевших, права которых нарушены уголовно наказуемыми деяниями, не содержит¹ (что является существенным недостатком), ведение отсчета исковой давности с момента уголовно-правовой квалификации соответствующих действий нарушителя в качестве преступления может опираться лишь на общее правило о начале течения срока исковой давности, закрепленное в пункте 1 статьи 200 ГК РФ.

Следует признать, что во многих случаях для этого имеются веские основания. Так, общепризнанно, что бремя доказывания факта нарушения права конкретным лицом возлагается на самого потерпевшего, однако его субъективное право может быть нарушено не только действиями, квалификация которых не оставляет сомнений, но и такими действиями, которые с внешней стороны выглядят вполне правомерными, но в действительности являются уголовно наказуемыми (например, мошенничество). В последнем случае потерпевший, даже если он и догадывается о нарушении своего права, нередко ничего не может доказать до тех пор, пока действия нарушителя не будут квалифицированы в качестве преступления. В этих условиях квалификацию судом действий нарушителя в качестве преступления можно с полным основанием рассматривать как момент, в который потерпевший узнал или должен был узнать о нарушении своего права конкретным лицом. Это возможно даже в тех случаях, когда те же самые действия ра-

¹ Единственным исключением может быть признана норма части 2 статьи 44 УПК РФ, согласно которой гражданский иск в уголовном деле может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела до окончания рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

нее уже были предметом гражданско-правового спора, но в иске потерпевшему было отказано.

Например, представим, что акционер пытался оспорить в гражданско-правовом порядке решение общего собрания акционерного общества. В действительности собрание не проводилось. Однако акционеру (истцу) было отказано в иске из-за недоказанности указанного факта. Данное обстоятельство не может служить препятствием для нового обращения в суд, если при рассмотрении уголовного дела будет установлен факт подлога документов, связанных с созывом и проведением собрания акционеров. Исковая давность в подобной ситуации будет исчисляться с момента квалификации действий соответствующих лиц в качестве преступления, так как только с этого момента потерпевший может доказать, что его права нарушены.

Вывод о том, что уголовно-правовая квалификация действий, которыми была нарушена имущественная сфера потерпевшего, оказывает существенное влияние на возможность защиты прав потерпевшего в гражданско-правовом порядке, находит подтверждение в российском процессуальном законодательстве. Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации содержат специальные правила о пересмотре принятых судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. В качестве одного из оснований для пересмотра принятых судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам статья 392 ГПК РФ и статья 311 АПК РФ называют установленные вступившим в законную силу приговором суда преступные деяния лица, участвующего в деле, или его представителя либо преступные действия судьи, совершенные при рассмотрении данного дела. Из этих норм следует, что в качестве основания для пересмотра вступившего в силу судебного акта может выступать сама квалификация действий соответствующих лиц в качестве преступления. Оба вышеназванных процессуальных кодекса предоставляют заинтересованным лицам возможность подать заявление о пересмотре принятого судебного акта вне зависимости от срока исковой давности. Хотя последний приведенный пример относится к несколько иной области, он демонстрирует общий подход российского законодательства к расширению возможностей защиты прав при признании действий нарушителя уголовным деянием.

Однако справедливости ради следует признать, что далеко не всегда уголовно-правовая квалификация содеянного может рас-

смагиваться в качестве момента, в который потерпевший узнает о нарушении своих прав или, по крайней мере, может доказать факт их нарушения. Нередко нарушение прав потерпевшего является достаточно очевидным (например, при краже, причинении увечья, уничтожении или повреждении имущества). Тем не менее в делах, связанных с преступлениями, исковая давность на практике исчисляется с момента, когда состоялась уголовно-правовая квалификация действий нарушителя в качестве преступления. Рассматриваемые случаи трудно соотносить с общим правилом о начале течения срока исковой давности, закрепленным пунктом 1 статьи 200 ГК РФ, поскольку из содержания данной нормы достаточно определенно следует, что срок исковой давности начинает течь тогда, когда потерпевший узнает или должен был узнать о нарушении своего права конкретным лицом. Когда нарушение прав потерпевшего является очевидным, начальный момент течения срока исковой давности вряд ли может связываться с уголовно-правовой квалификацией содеянного. Поэтому не остается ничего другого, как признать, что в данной ситуации судебная практика расходится с буквальной формулировкой пункта 1 статьи 200 ГК РФ.

На наш взгляд, причина явного расхождения закона и судебной практики в вопросе о начале течения срока исковой давности по искам, связанным с уголовными делами, кроется в явном несовершенстве закона. Последним игнорируется очевидное положение о том, что в тех случаях, когда в действиях нарушителя обнаруживаются признаки уголовно наказуемого деяния, вопрос о начале течения срока исковой давности для гражданско-правового притязания должен решаться особым образом. Дефект закона состоит, таким образом, не в формулировке общего правила о том, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права конкретным лицом, а в том, что ни Гражданским кодексом Российской Федерации, ни каким-либо иным законом из этого общего правила не предусмотрено исключение для гражданско-правовых притязаний, связанных с уголовными делами. Между тем в этом имеется явная практическая потребность, которая удовлетворяется через судебную практику судами, вынужденными придавать правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 200 ГК РФ, более широкий смысл, нежели тот, что вытекает из буквы закона, вопреки императивности правил об исковой давности. Буквальное толкование правил пункта 1 статьи 200 ГК РФ приводило бы к абсурдным ситуациям, хотя справедливость гражданско-правовых требований к лицу,

преступными действиями которого нарушены гражданские права потерпевшего, является очевидной.

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что в настоящее время правоприменитель был поставлен перед необходимостью преодолевать формализм пункта 1 статьи 200 ГК РФ одним из следующих способов.

Во-первых, часть 2 статьи 44 УПК РФ предоставляет потерпевшему возможность предъявить гражданский иск по возбужденному уголовному делу. При этом при подаче такого иска не учитывается, знал ли о нарушении права потерпевший и не истекло ли три года с момента, когда он об этом узнал. В соответствии с прямым указанием названной нормы гражданский иск по уголовному делу может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела и до окончания рассмотрения дела в суде первой инстанции.

Во-вторых, российские суды приравнивают момент вступления приговора по уголовному делу в законную силу ко дню, когда потерпевший в соответствии с пунктом 1 статьи 200 ГК РФ узнал или должен был узнать о нарушении своего права конкретным лицом. То обстоятельство, что это не всегда соответствует действительности (то есть в случаях, когда нарушение права является для потерпевшего очевидным уже в момент нарушения), при этом просто игнорируется.

С практической точки зрения проблема, связанная с указанным недостатком российского гражданского законодательства, является менее актуальной для случаев, когда вред потерпевшим причиняется такими преступлениями, которые не являются очевидными (например, мошенничеством или причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием). Признание действий причинителей вреда преступлением приговором суда в подобных ситуациях является подчас действительно тем моментом, когда потерпевшие только и могут узнать о том, что им причинен имущественный вред. Иначе говоря, уголовно-правовая квалификация содеянного с полным основанием может рассматриваться в качестве того момента, в который потерпевшие узнали о нарушении своих прав [9].

II. Заявление об истечении исковой давности как злоупотребление правом.

Вопрос злоупотребления правом при применении исковой давности практически актуален и, на наш взгляд, должен быть разрешен положительно, поскольку заявление об истечении срока исковой давности является разновидностью права на защиту

от заданных требований (статья 12 ГК РФ). Следовательно, злоупотребление таким правом также возможно.

Требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности (пункт 1 статьи 199 ГК РФ). Однако исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о чем заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске даже вопреки наличию факта нарушения права (пункт 2 статья 199 ГК РФ).

Приведенные правовые нормы отражают одну из ключевых идей института исковой давности: любое требование о защите должно быть заявлено своевременно (это подтверждает и содержание статьи 195 ГК РФ). Если лицо необоснованно медлит с восстановлением нарушенного положения, то оно нарушает стабильность гражданского оборота, поскольку вводит иных субъектов гражданского права в заблуждение относительно существования нарушенного права и необходимости его защиты. Именно поэтому предоставленное другой стороне право заявить об истечении срока исковой давности является своеобразным противовесом, призванным обеспечить баланс прав и интересов участников спора.

Возникают вопросы: как быть, если своевременно обратиться с требованием о защите мешали обстоятельства, которые не имели объективного характера и не зависели от стороны, но были связаны с недобросовестными действиями предполагаемого нарушителя? можно ли в этом случае признать заявление об истечении срока исковой давности злоупотреблением правом? [10]

Если лицо, причинившее мошенническими действиями вред истцу, заявляет об истечении срока исковой давности со ссылкой на пункт 2 статьи 199 ГК РФ, возникает закономерный вопрос: может ли потерпевший добиться удовлетворения соответствующей части требований, убедив суд в необходимости применить против сделанного причинителем вреда заявления статью 10 ГК РФ, в соответствии с которой не допускается злоупотребление гражданскими правами? Как нам кажется, препятствий в этом нет ни в доктринальном плане, ни с точки зрения правоприменения судами. Представим сложное дело, связанное с мошенничеством, когда, например, совершается несколько сделок с участием многих лиц. На наш взгляд, вполне уместно поставить перед судом вопрос о том, что ссылка ответчиков на истечение срока исковой давности (если условно допустить, что он истек) в отношении всех или ча-

сти заявленных требований должна быть отвергнута судом в связи с тем, что ответчики противодействовали потерпевшему в защите его нарушенных прав. В частности, судом может быть принято во внимание, что некоторые из ответчиков занимали руководящие посты в компаниях, которым этими лицами нанесен ущерб. В таких условиях к ним не могло быть предъявлено соответствующее требование. Кроме того, они могли скрывать необходимую информацию, а в дальнейшем — сами скрываться от преследования и т. д. В отсутствие достоверной информации о происходящем у потерпевшего могло и не быть возможности своевременно понять, что действия ответчиков образуют в совокупности заранее спланированную схему неосновательного обогащения за счет потерпевших. Иначе говоря, в указанной и аналогичной ей ситуациях потерпевший формально имеет право ссылаться на запрет злоупотребления правом, а суд с учетом оценки всех обстоятельств дела не может проигнорировать подобный факт и при наличии достаточных оснований должен отказать в принятии заявления об истечении срока исковой давности.

Как известно, право на защиту есть предоставленная управомоченному лицу возможность применения мер правоохранительного характера для восстановления своего нарушенного или оспариваемого права. Правовая квалификация данной возможности вызывает споры в российском юридическом сообществе. Однако независимо от того, рассматривается ли право на защиту как составная часть всякого субъективного гражданского права или как самостоятельное право, оно реализуется посредством конкретных способов защиты, перечисленных в статье 12 ГК РФ. Их перечень носит открытый характер, что следует из прямого указания в статье 12 ГК РФ на то, что защита гражданских прав может осуществляться также «иными способами, предусмотренными законом».

Одним из иных способов, предусмотренных законом, является ссылка ответчика на истечение срока исковой давности. Как было указано выше, в соответствии с пунктом 2 статьи 199 ГК РФ исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске. Очевидно, что, выдвигая аргумент об истечении срока исковой давности, ответчик преследует цель защиты своих интересов от предъявленного к нему требования.

Если граждане или юридические лица злоупотребляют своими гражданскими правами, суд на основании пункта 2 статьи 10 ГК РФ может отказать в защите принадлежащих им прав. Данное положение в полной мере применимо к праву на защиту (независимо от его юридической квалификации), в том числе на такой способ защиты, как ссылка ответчика на истечение срока исковой давности. Иными словами, суд может отклонить соответствующее требование ответчика, если придет к выводу, что действия ответчика представляют собой злоупотребление правом. Вывод о том, что правом на защиту можно в принципе злоупотребить, а заявление об истечении срока исковой давности можно квалифицировать в качестве разновидности такого злоупотребления, находит подтверждение в судебной практике. В частности, в Постановлении от 07.11.2006 по делу № Ф08-5243/2006 Арбитражный суд Северо-Кавказского округа¹ квалифицировал как злоупотребление правом действия ответчика, оспаривавшего в судебном порядке право истца на акции и тем самым лишившего его возможности предъявить в установленный законом срок исковой давности иск о признании недействительным решения собрания акционеров. Суд справедливо отверг ссылку ответчика на истечение срока исковой давности, сославшись на статью 10 ГК РФ. Поскольку ответчик препятствовал своими действиями потерпевшему в осуществлении защиты нарушенных прав, ссылка ответчика на истечение срока исковой давности была квалифицирована в качестве злоупотребления правом на защиту и по этой причине отвергнута судом.

В другом деле Высший Арбитражный Суд Российской Федерации своим Определением от 28.11.2013 № ВАС-17013/13 по делу № А40-131172/2011² отказал в пересмотре судебных актов в порядке надзора, посчитав, что суды сделали правильный вывод о пропуске истцом срока исковой давности, а также о злоупотреблении правом на судебную защиту.

В Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.12.2013 № 12505/13 по делу № А71-572/2011³ суд обратил внимание на следующее: несмотря на признание договора субаренды нежилого помещения недействительным, спорный объект ответчиком не был освобожден;

¹ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

освобождение спорного объекта от производственно-технологического оборудования без причинения вреда самому оборудованию и зданию, в котором оно размещено, невозможно; вред, который может быть причинен ответчику в результате демонтажа оборудования, несоизмерен защищаемому праву истца, что свидетельствует о злоупотреблении последним своим правом.

Сложно отрицать тот факт, что понятие «злоупотребление правом» не сформулировано на законодательном уровне и носит оценочный характер, а установление выхода за пределы реализации права сопряжено с особыми сложностями в случаях, когда противоправность действий, повлекших нарушение гражданского права, завуалирована и неочевидна. Однако такое допущение явно не повод отказаться от самой возможности квалификации заявления об истечении срока исковой давности в качестве злоупотребления правом. Иное противоречило бы положениям пунктов 3 и 4 статьи 1 ГК РФ о том, что при защите гражданских прав участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, при этом никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Понимая, что невозможно дать какой-либо однозначный совет для разрешения подобных ситуаций, нельзя не обратить внимание на сформированные в судебной практике подходы к выявлению злоупотребления правом. Так, можно выделить заслуживающие одобрения рекомендации, сформулированные в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ (Обзор):

1) вести речь о злоупотреблении гражданским правом можно лишь тогда, когда у лица имеется соответствующее право (пункт 2 Обзора). Следовательно, перед применением статьи 10 ГК РФ суды должны прежде всего установить, обладает ли лицо таким субъективным правом или нет;

2) суд может применить статью 10 ГК РФ по собственной инициативе (пункт 3 Обзора). Можно согласиться с вполне убедительным доводом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о том, что с учетом императивного положения закона о недопустимости злоупотребления правом возможность квалификации судом действий лица как злоупотребление правом не зависит от того, ссылалась ли сторона спора на злоупотребление правом противной

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стороной. Суд вправе по своей инициативе отказать в защите права злоупотребляющему лицу, что прямо следует и из содержания пункта 2 статьи 10 ГК РФ;

3) отказ в защите следует понимать расширительно, в силу чего санкция статьи 10 ГК РФ может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика (пункт 5 Обзора). В частности, необходимо обратить внимание на оценку, которую дал санкции, содержащейся в статье 10 ГК РФ, суд высшей инстанции: «Непосредственной целью санкции (отказ в защите права) является не наказание лица, злоупотребившего правом, а защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления. Следовательно, для защиты нарушенных прав потерпевшего суд может не принять доводы лица, злоупотребившего правом, обосновывающие соответствие своих действий по осуществлению принадлежащего ему права формальным требованиям законодательства. Поэтому упомянутая норма закона может применяться как в отношении истца, так и в отношении ответчика». Такое расширительное толкование, с которым следует полностью согласиться, исправляет один из явных дефектов статьи 10 ГК РФ, а именно формальную узость ее санкции.

На наш взгляд, разумность и адекватность правоприменения необходимы для обеспечения эффективной реализации и защиты прав. Возможные сложности и лакуны в вопросах права и его толкования не могут быть основанием для отказа от исследования и от вдумчивой оценки всех обстоятельств дела в каждом конкретном случае [10].

III. Доктринальные вопросы неприменения исковой давности к отдельным требованиям.

Правовая природа ничтожных сделок. При рассмотрении указанного вопроса в первую очередь необходимо коснуться проблематики недействительности ничтожной сделки. Согласно пункту 1 статьи 166 ГК РФ такая сделка недействительна независимо от признания или непризнания ничтожной сделки недействительной судом. Поэтому независимо от своего существования ничтожная сделка как юридический факт не влечет желаемого сторонами возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, а влечет те последствия, которые предусмотрел на этот случай законодатель. Таким образом, недействительная ничтожная сделка не влечет для сторон каких-либо иных прав и обязанностей, кроме тех, которые предусмотрены законом. Речь идет о реституции — возвращении сторон в первоначальное положение. Среди

способов защиты гражданских прав в статье 12 ГК РФ отдельно подчеркивается такой способ, как применение последствий недействительности ничтожной сделки: о необходимости признания ничтожной сделки недействительной судом в законе не говорится. Ввиду изложенного есть основание полагать, что исковая давность применяется лишь к требованиям о реституции, узнать о которых сторона или иное уполномоченное законом третье лицо могло или должно было. Отметим, что если ничтожная сделка была заключена, но не исполнялась, то и срок исковой давности по реституционным требованиям течь не начинал. Указанное нивелирует при таких обстоятельствах возможность применения объективного срока исковой давности по недействительным ничтожным сделкам, исполнение которых произошло за пределами десятилетнего срока их заключения. Вышеизложенное также подтверждается тем фактом, что нарушение влечет не столько факт заключения указанной сделки, сколько желаемые сторонами последствия, а значит, до момента исполнения сделки фактического нарушения субъективных гражданских прав не возникает.

Иски о взыскании в доход государства имущества чиновников, в отношении которого в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Следует поддержать позицию Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что акты коррупции, ведущие к обогащению чиновников, совершаемые под прикрытием различных договоров, нельзя сравнивать и тем более отождествлять с обычными гражданско-правовыми сделками, относить представителей власти, злоупотребивших своим публичным положением, к участникам хозяйственного оборота. Положения главы 12 ГК РФ «Исковая давность» не применимы к коррупционным «сделкам» еще и потому, что по этой категории исков прокурор выступает в защиту Российской Федерации, а не чьего-либо субъективного права. Уже тот факт, что по своей природе указанный иск вообще ничьих субъективных гражданских прав не нарушает и не защищает, т. е. не имеет какого-либо частноправового содержания и не является гражданско-правовым в материальном смысле, приводит к выводу о недопустимости применения к нему норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности.

Несмотря на тот факт, что законодательством о противодействии коррупции разрешение вопросов о судьбе имущества кор-

рупционером отнесено к сфере регулирования Гражданского кодекса Российской Федерации, а это, казалось бы, вполне естественно влечет применение к возникающим правоотношениям формально содержащихся в этом законе положений об исковой давности, что антикоррупционный иск прокурора носит имущественный характер, а значит, как любой другой материальный иск, он реализуем в пределах исковой давности, суды обращают внимание на то, что применительно к публичным отношениям институт исковой давности не способен исполнять свое назначение, не вступая в противоречие со своими принципами и природой права. Причисление этого правового института, предназначенного для защиты субъективного права, к сфере действия объективного права приведет к следующему противоречию: с одной стороны, указанному институту полагается побуждать государство обеспечить дисциплинированность субъектов государственной службы и своевременность выявления их неосновательного обогащения, а с другой — он станет служить препятствием для применения к коррупционеру принудительных мер воздействия, когда государство по тем или иным причинам не справилось с задачей по очищению своих рядов в установленные сроки. В результате получится, что институт исковой давности не только будет констатировать недееспособность государственных органов по оперативному выявлению коррупционеров, но и лишит контролирующие учреждения возможности устранить недостатки в антикоррупционной работе, что в итоге еще и легализует имущественное положение коррупционера.

В качестве примера можно привести решение <...> городского суда Московской области, рассмотревшего и удовлетворившего исковые требования Генеральной прокуратуры Российской Федерации о взыскании с бывшего главы района П. и подконтрольных ему лиц 1 700 объектов недвижимости и 4 автомобилей. В казну были возвращены незаконно выбывшие из муниципальной собственности объекты социально-бытового, культурного и инфраструктурного назначения: кинотеатр «Мир», лодочная станция, городской торговый центр, детская поликлиника, котельные района, общественная баня, культурно-исторический объект «Торговые ряды г. Клина», рынок, производственные комплексы градообразующих заводов, междугородние железнодорожные пути, два детских сада, базы отдыха, участки для строительства жилых домов, земли лесного фонда.

При отклонении доводов ответчиков о применении сроков исковой давности суд сослался на системное толкование и буквальное понимание положений главы 12 ГК РФ. Она, по мнению суда, имеет отношение к гражданско-правовым обязательствам и сделкам, которые не являются предметом рассмотрения по антикоррупционному иску прокурора. Таким предметом, как указал суд, основываясь на положениях статьи 235 ГК РФ и Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», является законность доходов, на которые было приобретено спорное имущество. Здесь же суд отметил, что при рассмотрении коррупционных правонарушений обращение к гражданскому законодательству возможно только в той мере, в какой оно предусматривает конкретный вид ответственности за совершение или участие в совершении коррупционного акта.

Суд также обратил внимание на некоторые фактические обстоятельства, в частности, учел, что установленные коррупционные правонарушения носили регулярный и систематический характер. Имущество и права на него, как показало разбирательство, противоправно удерживались и находились в незаконном владении и обороте ответчиков до момента их выявления органами прокуратуры. Реализация и эксплуатация имущества неосновательно и длительно, вплоть до принятия судом по делу обеспечительных мер, обогащали ответчиков, при этом нарушались установленный законом порядок гражданского оборота и права широкого круга добросовестных участников этого оборота, муниципальное образование и жители района были лишены спорного имущества и испытывали негативные последствия отнятия у них собственности.

Данная оценка обстоятельств дела и доводов ответчиков о сроках исковой давности, как отметил суд, соответствует пункту 1 статьи 197 ГК РФ, которая предусматривает исключения из общих правил и отсылает правоприменителя к отраслевому законодательству, а именно к статьям 3, 13, 14 Федерального закона «О противодействии коррупции», предписывающим суду при рассмотрении подобного рода исков исходить из неотвратимости ответственности физических и юридических лиц за совершение коррупционных правонарушений¹.

Существенную определенность в рассматриваемый вопрос внес Приморский краевой суд. Основываясь на положениях Федераль-

¹Решение Клинского городского суда Московской области от 16 сентября 2019 г. по делу № 2-1916/2019 // Клинский городской суд Московской области : офиц. сайт. URL: <https://klin--mo.sudrf.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

ного закона «О противодействии коррупции» и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, Апелляционная коллегия по гражданским делам согласилась с названной позицией судов, поскольку она основана на прямом указании закона: в статье 208 ГК РФ определено, что исковая давность не распространяется на требования о защите нематериальных благ. Именно к таким требованиям относится антикоррупционный иск прокурора, поскольку его заявление, как отметила Коллегия, направлено на охрану общества и установленной им правовой демократии от злоупотреблений и криминализации власти, легитимность которой основывается на доверии общества и репутации лиц, занимающих публичные должности, с тем, чтобы у граждан не рождались сомнения в их нравственных качествах, в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта „а“ пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова»¹).

В обоснование своей позиции Коллегия также сослалась на Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 27.01.1999) и Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 04.11.1999), где указано, что коррупция представляет собой угрозу верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, посягает на принципы государственного управления, моральные устои общества, надлежащее и справедливое функционирование рыночной экономики, т. е. наносит ущерб тем благам, которые безусловно относятся к числу фундаментальных и нематериальных, поскольку закреплены в этом качестве в статьях 1, 2, 8, 17—19, 21, 75.1 и других Конституции Российской Федерации.

Приведенные примеры из прокурорской и судебной практики не оставляют сомнений в том, что коррупционные сделки не являются видом гражданско-правовых сделок. Коррупционный акт тем отличается от частного деликта, что объектом его посягательства

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выступает не только и не столько чье-либо субъективное право, сколько интересы всего общества. На примере дел в отношении бывших глав подмосковных районов четко прослеживается то, как злоупотребление властью ведет к лишению муниципальных образований не только наиболее ликвидного имущества, но и возможности выполнения государством публичных функций, оказания населению жизненно важных и социально значимых услуг, т. е. выполнения своего предназначения.

Последующий ввод чиновниками незаконно изъятого имущества в гражданский оборот под видом объектов частной собственности не компенсирует причиненный обществу ущерб, поскольку ведет исключительно к личному обогащению коррупционеров. Более того, легализация коррупционно нажитого имущества продолжает ухудшать положение, так как добросовестные участники гражданского оборота не могут составить им конкуренцию и вынуждены прекращать заниматься коммерческой деятельностью. Институт исковой давности в этом случае не способен устранить возникшую несправедливость, восстановить доверие общества к власти и стабилизировать гражданский оборот, наполненный коррупционными сделками. Таким образом, имущественный характер требований антикоррупционных исков не должен служить основанием для отождествления этой категории исков с иными заявлениями материального характера и распространения на них положений об исковой давности. Изъятие у чиновников неосновательного обогащения лишь правовое следствие их противоправного поведения и мера ответственности за совершение коррупционного правонарушения [1].

Действие положений закона об исковой давности во времени. Гражданский кодекс Российской Федерации 1994 года в первоначальной редакции по иску о применении последствий недействительности ничтожной сделки предусматривал десятилетнюю давность со дня, когда началось ее исполнение. Федеральным законом от 21.07.2005 № 109-ФЗ, вступившим в силу 26.07.2005, статья 181 ГК РФ изложена в новой редакции, согласно которой срок исковой давности для оспаривания ничтожных сделок сокращался с десяти до трех лет. При этом трехлетний срок применяется и к требованиям, установленная прежним законом исковая давность по которым не истекла до вступления в силу нового закона. Существенно уменьшая срок исковой давности и распространяя его на уже возникшие правоотношения, законодатель создал для

правообладателя наиболее благоприятные условия. Срок исковой давности по возникшему и не заданному до 26.07.2005 требованию о признании недействительной ничтожной сделки и (или) о применении последствий недействительности ничтожной сделки после указанной даты мог завершиться не по вине кредитора, а исключительно из-за принятия нового закона. При этом следует отметить, что указания на объективный срок исковой давности в Гражданском кодексе Российской Федерации до 2013 года не было, подчеркивалось лишь существование субъективного срока, что и явилось одним из оснований реформы гражданского законодательства в 2013 году¹.

При введении объективного десятилетнего срока исковой давности вновь применено обратное действие закона. Новые положения об исковой давности и правила ее исчисления стали применимы и к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законом и не истекли до 01.09.2013. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 15.02.2016 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона „О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Е. В. Потоцкого» рассматриваемый Федеральный закон признан недействительным в части, в которой он задвигает требования по бессрочным обязательствам, срок по которым не истек ко дню вступления в силу норм о десятилетней исковой давности и порядке ее применения к бессрочным обязательствам. Федеральному законодателю предложено установить для кредиторов разумный срок для предъявления должнику требований о принудительном исполнении по бессрочным обязательствам после вступления в силу Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ.

Придание обратной силы закону, сокращающему срок исковой давности, «отменяет или умяляет права и свободы человека и гражданина, ограничивает доступ к правосудию» [11, с. 131], а также «лишает граждан помимо их воли имущества, к которому относятся и права требования обязательственного характера, вытекающие

¹ См. подробнее: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. П. 7.3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

из совершения ничтожных сделок, в истолковании Европейским судом по правам человека статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.» [12].

Таким образом, следует констатировать, что на недействительность ничтожных сделок, совершенных в период с 26.07.2005 по 01.09.2013 объективный срок исковой давности не распространяется; он вообще отсутствует, что предопределяет возможность применения только субъективной исковой давности в три года, начинающей течь с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего субъективного гражданского права.

Природа гражданского иска, предъявленного в уголовном деле. От определения правовой природы гражданского иска, предъявленного в рамках уголовного дела, зависит уяснение применимых к нему норм права. Так, если считать гражданский иск институтом уголовного процессуального права, то применять к нему нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которые посвящены иску и исковой давности, нет оснований. При таком подходе гражданский иск представляет собой самодостаточный институт, относящийся к уголовному процессу, регулируемый в первую очередь нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нигде, кроме как в уголовном процессе, применения не имеющий. Нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации применяются (в том числе по аналогии) к гражданскому иску в той мере, в какой вопросы, связанные с предъявлением и рассмотрением гражданского иска, не урегулированы нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и при условии, что такое применение не противоречит нормам последнего.

Термин «гражданский иск» включает в себя родовое понятие «иск», единое как для гражданского процесса, так и уголовного, а прилагательное «гражданский» просто подчеркивает, что речь идет не об уголовном иске. В процессуальной науке существование в уголовном процессе феномена гражданского иска обосновывается тем, что его предъявление и рассмотрение в уголовном деле обеспечивает скорейшее восстановление прав потерпевшего путем взыскания в его пользу имущественного и морального вреда, причиненного преступлением, избавляет жертву преступления от необходимости по завершении уголовного дела обращаться в суд с иском о возмещении ущерба, а также соображениями процессуальной экономии.

В докладе Председателя Верховного Суда Российской Федерации на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, состоявшемся 11—12 февраля 2020 года обещано, что в 2020 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации примет постановление, посвященное вопросам рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе. Это должно было быть первое разъяснение за весь период существования в российском процессе этого института [13]. Вполне обоснованно, что правоприменители в постановлении ожидали получить ответы на вопросы применения (неприменения) норм гражданского законодательства об исковой давности, их распространения на гражданский иск, заявленный в уголовном деле. Однако в увидевшем свет постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» указанные вопросы не нашли своего разрешения.

Подводя итоги проведенному исследованию, следует сделать следующие выводы. Обзор последних тенденций развития правил об исковой давности в отечественном праве продемонстрировал, что даже в такой консервативной и подверженной редким изменениям сфере частного права, как исковая давность, изменения не только возможны, но и необходимы, поскольку диктуются потребностями гражданского оборота. Нормы об исковой давности не являются раз и навсегда установленными. Принятые в ходе реформы гражданского законодательства изменения, касающиеся правил об исковой давности, в целом отвечают запросам существующего гражданского оборота и находятся в русле современных тенденций развития частного права. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации об исковой давности, призванное разъяснить порядок применения исковой давности, может послужить цели установления единообразного применения норм закона об исковой давности. Тем не менее это не умаляет того обстоятельства, что на повестке дня остается ряд спорных вопросов, имеющих потенциал для дальнейшей доктринальной разработки, а также развития права посредством судебной практики.

На наш взгляд, разумность и адекватность правоприменения необходимы для обеспечения эффективной реализации и защиты прав. Возможные сложности и лакуны в вопросах права и его толкования не могут быть основанием для отказа от исследования и от взвешиваемой оценки всех обстоятельств дела в каждом конкретном случае.

Подытоживая сказанное, можно с сожалением заключить, что ответы на спорные и неоднозначные вопросы, связанные с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности, приходится искать в процессе правоприменения, однако не всегда правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации могут в этом оказать содействие.

Таким образом, проведенное исследование правовой природы института исковой давности позволило выявить как основные проблемы, так и возможные пути их решения. Вместе с тем количество проблем правового регулирования в части исчисления сроков исковой давности требует от законодателя скорейшего совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Список источников

1. Бочкарев С. А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2. С. 8—12.
2. Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль : ЯрГУ, 1997. 83, [1] с.
3. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Новое судебное толкование правил об исковой давности : комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 // Закон. 2015. № 11. С. 87—95.
4. Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. Москва : Статут, 2001. 479, [1] с.
5. Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153—208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва : М-Логос, 2018. 1264 с. (Комментарий к гражданскому законодательству).
6. Гражданское право. Учебник. В 3 т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Н. Н. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. Москва : Проспект, 2008. 844 с.
7. Багаев В. Прокуратуре не дали срок. Принято постановление Пленума ВС об исковой давности // Zakon.ru : сайт. URL: https://zakon.ru/discussion/2015/09/29/prokurature_ne_dali_srok_prinyato_postanovlenie_plenuma_vs_ob_iskvoj_davnosti (дата обращения 17.01.2024).
8. Берлин А. Толкование взвешенное и корректное // ЭЖ-Юрист. 2015. № 40. С. 1, 3.
9. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением // Арбитражные споры. 2014. № 4 (68). С. 73—84.

10. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Можно ли признать заявление об истечении исковой давности злоупотреблением правом? // Закон. 2014. № 8. С. 93—97.

11. Храмцов К. В. Исковая давность и право на справедливое судебное разбирательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2005. № 4. 204 с.

12. Голято О. Г. Обзор по результатам обобщения практики рассмотрения федеральными арбитражными судами округов дел, связанных с применением пункта 1 статьи 181 Гражданского кодекса РФ, устанавливающего сроки исковой давности по ничтожным сделкам : аналитические обзоры судебной практики : сборник статей / отв. ред. Т. Л. Курас. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 82—83.

13. Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук, Москва : ИГиСП, 2019. 204 с.

Информация об авторах

Э. А. Кузбагаров — кандидат юридических наук.

В. А. Максимов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Kuzbagarov — Candidate of Science (Law).

V. A. Maximov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ОПЕРАТИВНО- РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евгений Львович НИКИТИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, nikitin.el@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются наиболее актуальные вопросы организации работы уполномоченных прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности. Автором определяются задачи и наиболее важные направления надзора в указанной сфере, анализируются распространенные нарушения закона, выявляемые при проведении прокурорских проверок. На основе законодательных и ведомственных нормативных источников раскрываются особенности реализации полномочий прокуроров по выявлению, предупреждению и устранению нарушений законов в оперативно-разыскной деятельности, применению правовых средств прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, уполномоченный прокурор, оперативно-разыскная деятельность, исполнение законов в оперативно-разыскной деятельности, организация и осуществление прокурорского надзора

Для цитирования: Никитин Е. Л. Актуальные вопросы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 79—94. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

CURRENT ISSUES OF ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF PROSECUTORAL SUPERVISION OVER THE ENFORCEMENT OF LAWS IN OPERATIVE INVESTIGATIVE ACTIVITY

Evgeny L. NIKITIN

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, nikitin.el@inbox.ru*

Abstract. The author considers the most topical issues of the organisation of the work of authorised prosecutors supervising over the enforcement of laws in operative investigative activity. The author defines the tasks and the most important areas of supervision in this

area, analyses common violations of the law that were revealed during prosecutor's inspections. On the basis of legislative and departmental regulatory sources, the author reveals the features of the implementation of the powers of prosecutors to detect prevent, eliminate violations of laws in operative investigative activity, and use of legal means of prosecutorial supervision.

Keywords: prosecutorial supervision; authorized prosecutor; operative investigative activity; enforcement of laws in operative investigative activity; organization and implementation of prosecutorial supervision

For citation: Nikitin E. L. Current issues of organization and implementation of prosecutorial supervision over the enforcement of laws in operative investigative activity // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 79—94. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Организация и осуществление прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности (ОРД) основываются на законодательном (статьи 29 и 30 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 5 и 21 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») и подзаконном (ведомственном и межведомственном) нормативно-правовом регулировании. Генеральным прокурором Российской Федерации в 2022 году издан отраслевой приказ, определяющий основы организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД¹. В прокуратурах субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратурах особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД регламентированы приказами соответствующих прокуроров, где детализированы и конкретизированы отдельные положения отраслевого приказа Генерального прокурора Российской Федерации.

Периодичность и обязательность проведения прокурорских проверок исполнения законов в ОРД в отношении ее отдельных

¹ Приказ является документом ограниченного доступа с отметкой «для служебного пользования».

сфер устанавливаются в ряде изданных по направлениям деятельности приказов Генерального прокурора Российской Федерации [1]. Например, проверки исполнения законов о выявлении и раскрытии коррупционных преступлений оперативными подразделениями правоохранительных органов предписывается проводить ежеквартально¹, о противодействии экстремистской деятельности, о противодействии терроризму, о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма — не реже одного раза в полугодие², о розыске без вести пропавших лиц — не позднее 10 суток после заведения дела оперативного учета, в последующем с периодичностью не реже одного раза в квартал³ и т. д.

Делопроизводство, учет и формирование отчетности при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД осуществляются на основе требований Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации⁴, отраслевого приказа Генерального прокурора Российской

¹ Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581 : текст с изм. и доп. на 4 окт. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., напр.: Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 156 : текст с изм. и доп. на 24 марта 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17 мая 2018 г. № 295 : текст с изм. и доп. на 24 марта 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 87. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц : утв. Приказом Генеральной прокуратуры № 14, МВД России № 38 и СК России № 5 от 16 января 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации : утв. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 450 : текст с изм. и доп. на 23 янв. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации¹ и приказа Генерального прокурора Российской Федерации о статистическом учете².

Для повышения эффективности организации взаимодействия органов прокуратуры с поднадзорными органами при осуществлении данного надзора приняты совместные межведомственные нормативные правовые акты³: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ФСБ России от 18.04.2002 № 20-27/10 «О порядке осуществления прокурорского надзора за исполнением Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ органами федеральной службы безопасности»; Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 215/69 и МВД России № 1/7818 от 29.09.2008 «О порядке представления органами внутренних дел оперативно-служебных документов с целью осуществления прокурорами надзора за исполнением Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“»; Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности» и др.

Значение и важность надзора за исполнением законов в ОРД декларируются в ежегодных докладах Генерального прокурора Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, решениях коллегий и координационных совещаний, различных организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁴ и подтверждаются

¹ Приказ является документом ограниченного доступа с отметкой «для служебного пользования».

² Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» по форме ОРД и Инструкции по его формированию : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 9 августа 2024 г. № 567. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Все названные в статье нормативные акты и материалы судебной практики, если не указано иное, смотри: КонсультантПлюс : справ.-правовая система : сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

⁴ См., напр.: Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 18.04.2018 «О состоянии законности и правопорядка в 2017 году и о проделанной работе по их укреплению», Доклад Генерального прокурора

статистическими данными о количестве выявляемых нарушений. Так, общее количество нарушений в сфере ОРД в Российской Федерации, выявленных органами прокуратуры в 2023 году, составило 505 863 (2022 — 491 549; 2021 — 494 806), из которых органами внутренних дел (ОВД) в 2023 году было допущено 495 186 нарушений (2022 — 481 405; 2021 — 485 293); органами ФСИН в 2023 году допущено 7 594 нарушения (2022 — 7 238; 2021 — 6 879); органами ФСБ в 2023 году допущено 679 нарушений (2022 — 895; 2021 — 1 027); органами ФТС в 2023 году допущено 2 404 нарушения (2022 — 2 011; 2021 — 1 607).

Указанные нарушения, как показывает обобщение практики надзорной работы в этой сфере (с учетом стереотипного содержания докладных записок и справок о проведенных проверках), во многом обусловлены недостаточным уровнем профессиональной подготовки рядовых сотрудников оперативных подразделений и их руководителей, неумением осуществлять надлежащее планирование своей деятельности и организовывать исполнение мероприятий, предусмотренных планами, отсутствием надлежащих оперативных позиций на обслуживаемых объектах, представляющих оперативный интерес, ненадлежащим состоянием ведомственного контроля.

Осуществление рассматриваемого вида надзора и проведение прокурорских проверок исполнения законов в ОРД возлагается только на специальных субъектов — уполномоченных прокуроров (статья 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Получение статуса уполномоченного прокурора обусловлено наличием специального допуска для работы со сведениями, составляющими государственную тайну: с секретными и совершенно секретными документами и материалами (при необходимости — со сведениями и материалами особой важности). Для этого должностное лицо органов прокуратуры должно пройти процедуру допуска для работы со сведениями, составляющими государственную тайну¹, и быть назначенным в качестве уполномо-

Российской Федерации И. В. Краснова на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 23.04.2021 «О состоянии законности и правопорядка в 2020 году и о проделанной работе по их укреплению», Решения расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18.03.2021, от 25.04.2022, от 15.03.2023 и др. (Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 13.05.2024).)

¹ Правила допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне : утв. Постановлением Правительства Российской

моченного прокурора специальным приказом. Должностные лица, получившие допуск по форме № 2 или № 1 и статус уполномоченного прокурора, получают возможность осуществлять данный надзор.

Организация и проведение прокурорских проверок в сфере ОРД предполагает наличие у уполномоченного прокурора предписания на их проведение по форме № 5, подписанного вышестоящим прокурором¹. Подтверждением наличия у сотрудника прокуратуры допуска к указанным сведениям является справка о форме допуска, выданная и подписанная руководителем режимно-секретного подразделения прокуратуры субъекта Российской Федерации или приравненной к ней прокуратуры (форма № 6). Иные прокурорские работники, не имеющие соответствующего допуска, реализовывать полномочия уполномоченного прокурора, в том числе проводить проверки, применять акты прокурорского реагирования, рассматривать и разрешать поступающие в прокуратуру обращения граждан и юридических лиц в сфере ОРД, не имеют права.

Генеральная прокуратура Российской Федерации в своих организационно-распорядительных документах предписывает уполномоченным прокурорам обеспечивать законность ОРД, для чего на постоянной основе осуществлять выявление, предупреждение и устранение нарушений, допускаемых оперативными подразделениями органов, осуществляющих ОРД, выявлять и по возможности устранять причины и условия возникающих нарушений, устанавливать и обеспечивать привлечение к ответственности должностных лиц, виновных в допускаемых нарушениях. Одновременно, согласно приказу Генерального прокурора Российской Федерации², при оценке состояния надзора за исполнением законов в ОРД учитывается уровень обеспечения соблюдения прав граждан, законность, обоснованность и соблюдение установленного порядка заведения и прекращения дел оперативного учета (ДОУ), иных оперативно-служебных материалов (ОСМ), сроков и порядка их ведения, полнота и всесторонность осуществления оператив-

Федерации от 7 февраля 2024 г. № 132. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Там же.

² Об утверждении Положения о применении общих подходов при подготовке и проведении проверок деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 278 : текст с изм. и доп. на 8 сент. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но-розыскных мероприятий (ОРМ), использование возможностей Росфинмониторинга, эффективность оперативного сопровождения по уголовным делам, исполнения поручений следственных органов, качество ведомственного контроля. Также оценивается эффективность внесенных актов прокурорского реагирования. В практической работе прокуроры должны добиваться решения оперативными подразделениями предусмотренных оперативно-розыскным законодательством задач ОРД, поскольку это ключевой вопрос прокурорского надзора [2] и прокурорской деятельности.

В предмет прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД законодатель включил соблюдение прав и свобод человека и гражданина, соблюдение установленного порядка проведения ОРМ, законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД. Однако прокурор не должен вмешиваться в тактику, организацию, методы и средства ОРД (если нет нарушений законов). Под неправомерным вмешательством рассматриваются указание на недостатки в планировании работы по ДОУ, указание на невыполнение запланированных мероприятий, а также обязанность органа, осуществляющего ОРД, провести конкретные ОРМ¹. Законодательно ограничены возможности доступа прокурора и к сведениям о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках, о лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе (за исключением случаев, указанных в статье 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Объектами прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД выступают специальные оперативные подразделения правоохранительных органов, перечисленных в статье 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Их перечень определяется ведомственными нормативно-правовыми актами открытого и закрытого характера². Наличие отдельных право-

¹ Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О подготовке актов реагирования в рамках прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности». (Материалы кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.)

² См., напр.: Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : Приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов Российской Федерации,

охранительных органов, отличающихся направленностью своей деятельности, вызывает необходимость в определении и дифференциации их компетенции, которая влияет на сроки и содержание проводимых прокурорских проверок. Например, в ОВД правом осуществления ОРД и проведения ОРМ наделены подразделения уголовного розыска (выявление и раскрытие преступлений против личности, собственности, розыск лиц различных категорий и т. д.), экономической безопасности и противодействия коррупции (выявление и раскрытие экономических и коррупционных преступлений), по контролю за оборотом наркотиков (выявление и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств), специальных технических мероприятий (проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан) и др. Вместе с тем, как показывает практика, имеют место случаи организации и проведения ОРМ сотрудниками иных подразделений, не наделенных правом осуществления ОРД¹.

Оценка законности деятельности органов, осуществляющих ОРД, производится уполномоченным прокурором путем истребования и изучения конкретных ДООУ, дел накопительно-наблюдательного производства и иных ОСМ, документов, отражающих ход и результаты ОРД и отдельных ОРМ. Согласно установке Генеральной прокуратуры Российской Федерации ознакомление с ДООУ и иными ОСМ производится в служебных помещениях органов, осуществляющих ОРД. При этом за отчетный период времени должны быть изучены и оценены по содержанию все ДООУ, находящиеся в производстве, а также сданные на архивное хранение.

Согласно статье 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ДООУ заводятся в целях собирания и систематизации сведений, проверки и оценки результатов ОРД, а также принятия на их основе соответствующих решений органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; ДООУ заводятся в соответствии с основаниями, перечисленными в статье 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и прекращаются в случаях решения конкретных задач ОРД,

правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и их полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности : Приказ ФТС России от 17 апреля 2012 г. № 715 : текст с изм. и доп. на 11 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

¹ Материалы кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

предусмотренных статьей 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также установления обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности решения этих задач. Об объективной невозможности решения задач ОРД могут свидетельствовать смерть лица, проверяемого или разрабатываемого по ДОУ, выезд такого лица на постоянное место жительства за рубеж, заболевание проверяемого или разрабатываемого лица, исключающее возможность совершения им планируемого преступления, и др. Если в ходе проведения ОРМ по заведенному ДОУ обнаруживается, что имеет место не преступление, а иное правонарушение, то ДОУ подлежит прекращению.

К распространенным нарушениям при заведении, ведении и прекращении ДОУ относятся факты: необоснованного заведения ДОУ; несоблюдения сроков заведения ДОУ, подлежащих обязательному заведению согласно ведомственным актам; бездействия оперативных сотрудников; несоблюдения сроков ведения ДОУ; необоснованного перевода дел в другую категорию; необоснованного прекращения ДОУ; необоснованного учета дел в качестве «реализованных» с одновременным указанием в статистических карточках на факт раскрытия преступлений по «оперативным данным» при отсутствии надлежащих оснований. Например, на практике имеют место случаи заведения ДОУ при совершении «очевидных» преступлений, когда имеются данные, позволяющие принять процессуальное решение о возбуждении уголовного дела без проведения ОРМ. Как правило, в таких ситуациях преступление выявлялось и пресекалось его очевидцами, например гражданами или сотрудниками охранных предприятий. Материал одновременно регистрируется в Книге учета сообщений о преступлениях (КУСП), копии материалов помещаются в ДОУ (КУСП и ДОУ регистрируются одной датой). Впоследствии ДОУ прекращается как реализованное, на основании приобщения к нему копии обвинительного заключения. При этом оперативными сотрудниками ОРМ не проводились, их результаты в органы предварительного расследования не предоставлялись.

Также нарушением порядка заведения ДОУ является отсутствие фактической информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших. Так, в постановлениях о заведении ДОУ не указываются ссылки на нормы и конкретные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации,

предусматривающие наступление уголовной ответственности за совершение конкретного преступления, а приводятся расплывчатые формулировки о «нарушении законодательства» или иные обстоятельства, не свидетельствующие о совершении преступления. Будет являться нарушением и факт не указания сведений о том, в отношении какого конкретного лица или группы лиц заводится ДОУ, либо указание слишком общей и неопределенной информации, не позволяющей идентифицировать это лицо или группу лиц.

Иногда при производстве по ДОУ оперативным сотрудником осуществляется только накопление полученной оперативной информации. При этом ее анализ и проверка достоверности не проводится и не отражается в справках и рапортах, что является нарушением законодательных требований (статья 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

При прекращении производства по ДОУ нередко встречаются факты неправильного выбора основания принятия этого решения: скажем, вместо прекращения ДОУ в связи с неподтверждением данных, на основе которых начата оперативная проверка или разработка, оно прекращается за истечением срока ведения. Одновременно имеют место случаи необоснованного прекращения ДОУ по истечении срока его ведения при наличии приостановленного, но не прекращенного уголовного дела, что согласно ведомственным актам позволяет осуществлять по нему производство до окончания расследования без продления сроков производства по ДОУ.

Согласно положениям ведомственных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации прокуроры вносят требования об устранении нарушений по конкретным ДОУ и направляют обобщенные представления об устранении нарушений законов в сложившейся практике оперативного подразделения правоохранительного органа.

Достижение целей и решение задач ОРД осуществляется посредством проведения ОРМ, перечисленных в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Уполномоченный прокурор должен оценить законность ОРМ, обращаясь к конкретным оперативно-служебным документам, составленным до, в ходе и по результатам проведения ОРМ. Виды, форма, содержание, реквизиты, сроки изготовления оперативно-служебных документов, составляемых при проведении ОРМ, на законодательном уровне не определены и регламентированы ведомственными подзаконными нормативными правовыми актами, в том числе закрытого

характера. К основным видам оперативно-служебных документов относятся: справка (справка-меморандум), акт, рапорт, сводка, протокол, агентурное сообщение (агентурная записка). Руководители оперативно-разыскных органов также выносят либо утверждают соответствующие постановления. К оперативно-служебным документам должны прилагаться аудиозаписи, видеозаписи и другие технические носители, иные материалы и предметы, полученные при проведении ОРМ. Как правило, документы, отражающие результаты отдельных ОРМ, концентрируются в соответствующих ДООУ, однако они могут находиться и в иных ОСМ. Как показывает оперативно-разыскная практика, к сожалению, многие документы составляются оперативными сотрудниками несвоевременно и некачественно (например, по памяти, спустя значительное время после проведения ОРМ, в спешке, перед проверкой дела оперативного учета и т. п.), а потому они не всегда достоверно отражают полученную оперативную информацию.

Оценивая законность проведения любого ОРМ, прокурор должен определить его соответствие целям и задачам ОРД, констатировать соблюдение положений законодательства о компетенции субъектов (оперативных сотрудников, руководителей оперативно-разыскных служб, оперативных подразделений), уполномоченных на осуществление ОРД (в том числе удостовериться в обладании правом проведения ОРМ в полном либо ограниченном объеме), установить наличие законных оснований проведения ОРМ, признать соблюдение общих, а для некоторых категорий лиц (обладающих особым статусом) и специальных условий проведения отдельных ОРМ, зафиксировать корректность составления конкретных оперативно-служебных документов. При этом особое внимание уполномоченный прокурор должен уделить проверке наличия законных оснований проведения ОРМ, предусмотренных статьей 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и отсутствия со стороны оперативных сотрудников действий провокационного характера. Стоит учитывать, что в рамках складывающейся судебной практики вывод суда об отсутствии надлежащих оснований проведения ОРМ обычно влечет за собой утверждение о наличии провокационных действий со стороны оперативных служб. Такие действия являются прямым нарушением положений части 8 статьи 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», запрещающих «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению

противоправных действий (провокация)» лиц, в отношении которых проводятся ОРМ. Также следует помнить, что отдельные ОРМ должны проводиться с превентивным осуществлением формально выраженного контроля (ведомственного либо судебного), предусмотренного частями 2, 3, 6—8 статьи 8, частями 5 и 8 статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и предполагающего вынесение до проведения некоторых ОРМ разрешающего их проведение постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД (проверочная закупка либо контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение), постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, о неотложном проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, с последующим уведомлением суда о начале и факте их проведения, либо судебного решения (ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища — ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», ОРМ «снятие информации с технических каналов связи»; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, получение компьютерной информации, наблюдение с проникновением в жилое помещение, обследование жилого помещения и др.). Кроме того, именно суд дает разрешение на проведение ОРМ «наведение справок» при необходимости получения от кредитных организаций справок по операциям и счетам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, по операциям, счетам и вкладам физических лиц (часть 8 статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Обстоятельства подготовки и проведения указанных ОРМ должны учитываться уполномоченным прокурором при оценке их законности.

К распространенным нарушениям законности при проведении и документировании ОРМ [3, с. 80—81], требующим внимания уполномоченного прокурора, следует отнести ситуации:

когда действия оперативных сотрудников не соответствуют указанному в оперативно-служебных документах виду ОРМ либо в документах указываются названия проводимых ОРМ, не предусмотренных статьями 6 Федерального закона «Об оперативно-ро-

зыскной деятельности» («обследование и изъятие предметов», «негласная аудиозапись», «детализация списка входящих и исходящих соединений абонента», «снятие информации с телефонных каналов связи», «установление телефонов сотовой связи и номеров сим-карт», «получение справочной информации по кодам сотовых телефонов» и т. п.);

в рапортах и постановлениях о проведении ОРМ не указываются надлежащие основания их проведения, предусмотренные статьей 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», либо указываются сведения, которые не могут рассматриваться в качестве надлежащих оснований;

оперативными сотрудниками допускаются провокационные действия;

постановление о проведении ОРМ («проверочная закупка», «оперативный эксперимент» и др.) не выносится, а если выносится, то несвоевременно либо утверждается ненадлежащим должностным лицом органа, осуществляющего ОРД;

документы, составляемые в ходе и по результатам ОРМ (акты, справки и т. п.), составляют и подписывают лица, не являющиеся сотрудниками оперативных подразделений (сотрудники патрульно-постовой службы, участковые уполномоченные, сотрудники дорожно-патрульной службы и т. п.);

изъятие в рамках проводимых ОРМ денежных средств, наркотических средств, оружия, похищенного имущества оформляется документами, в которых не содержится ссылка на статью 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (однако имеются ссылки на статьи Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации);

изъятые при проведении ОРМ предметы и документы надлежащим образом не описываются и не упаковываются.

К распространенным нарушениям законности при выполнении следственных поручений относятся следующие:

несвоевременная передача на исполнение направляемых в порядке части 1 статьи 152 УПК РФ поручений следователей и дознавателей;

неисполнение следственных поручений надлежащим образом;

неисполнение следственных поручений в десятидневный срок, предусмотренный частью 1 статьи 152 УПК РФ;

ненаправление сведений о проведении ОРМ в органы предварительного расследования при отсутствии положительного результата в части получения в ходе проведения ОРМ значимой для дела оперативной информации.

К распространенным видам нарушений при осуществлении ведомственного контроля в сфере ОРД относятся такие, которые связаны либо с его отсутствием в течение длительного времени, либо с его реализацией в ненадлежащем виде руководителями органов, осуществляющих ОРД:

игнорируется выполнение обязанностей по текущему ведомственному контролю, когда руководителем не изучаются находящиеся в производстве ДОУ;

не проводятся заслушивания оперативных сотрудников (например, о работе по нераскрытым преступлениям, о взаимодействии со следственными органами и т. п.);

не обсуждаются планы проведения ОРМ по ДОУ;

не даются письменные указания о проведении конкретных ОРМ и принятии необходимых мер.

Слабый и неэффективный ведомственный контроль является основной причиной недостаточной организации и низкой результативности ОРД [2, с. 78], что требует соответствующего прокурорского реагирования.

При организации и осуществлении данного надзора для выявления, предупреждения и устранения нарушений законности уполномоченные прокуроры могут применять следующие правовые средства:

истребовать и изучать ДОУ и иные ОСМ;

получать объяснения по поводу нарушений законов;

направлять требования устранения нарушений закона, выявленных по ДОУ и иным ОСМ;

требовать прекращения ОРМ, разрешение на проведение которого дано судом, в случае выявления нарушений при проведении ОРМ или несоответствия обстоятельств производства ОРМ данным, изложенным в постановлении суда;

выносить постановления о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке пункта 2 части 2 статьи 37 УПК РФ;

приносить протесты на незаконные нормативные правовые акты;

вносить представления на допущенные нарушения законов;

выносить предостережения должностным лицам о недопустимости нарушений закона;

оспаривать судебные решения о даче согласия на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, путем внесения кассационных (надзорных) представлений и др.

С целью применения отдельных правовых средств уполномоченные прокуроры организационно взаимодействуют с органами судебной власти, реализующими функцию судебного контроля в сфере ОРД. В рамках своей работы уполномоченные прокуроры знакомятся в судах с журналами учета вынесенных судебных решений (с разрешения председателя суда либо и. о. председателя суда), производят их сверку и в дальнейшем изучают в подразделениях специальных технических мероприятий правоохранительных органов сведения об ОРМ данной категории, проведенных как по судебному решению, так и без него.

Список источников

1. Никитин Е. Л. Специфика прокурорской проверки исполнения законов в оперативно-разыскной деятельности // КриминалистЪ. 2023. № 4 (45). С. 86—93.

2. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2022 год : информационно-аналитическая записка / под общ. ред. И. М. Мацкевича. Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023. 158 с.

3. Прокурорский надзор за законностью проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий : учебное пособие / Е. Л. Никитин, Г. В. Дытченко. 3-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 279, [1] с.

Информация об авторе

Е. Л. Никитин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. L. Nikitin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 347.863

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Яна Константиновна ЧЕПЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, chepenko55@mail.ru*

Аннотация. Проведено исследование конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации в свете конституционных поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также основных позиций Конституционного Суда Российской Федерации, занятых в отношении прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, конституционно-правовой статус, конституционные поправки, Конституция Российской Федерации

Для цитирования: Чепенко Я. К. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарипов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 95—101. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yana K. CHEPENKO

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, chepenko55@mail.ru*

© Чепенко Я. К., 2024

Abstract. The author has investigated the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the light of the constitutional amendments introduced by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FKZ «On Improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power», as well as the main positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of prosecutorial supervision.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation, constitutional and legal status, constitutional amendments, the Constitution of the Russian Federation

For citation: Chepenko Y. K. Constitutional and legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 95—101. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Впервые в истории России прокуратура была учреждена 12.01.1722 Указом императора Петра I. При создании прокуратуры Петром I перед ней была поставлена задача «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония»¹. За прошедшие триста лет в российском государстве в целом и в структуре российской прокуратуры в частности произошло немало изменений, но и сегодня прокуратура остается важнейшим институтом надзора за исполнением российского законодательства.

С момента возникновения прокуратуры в России постепенно складывались и ныне законодательно закреплены следующие направления прокурорской надзорной деятельности: надзор за исполнением законов; надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, адми-

¹ История органов прокуратуры // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/about/history/> (дата обращения: 18.06.2024).

нистрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу; участие в рассмотрении дел судами (с осуществлением уголовного преследования, а также реализацией полномочий как стороны в процессе). В Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Закон о прокуратуре) закреплена еще одна отрасль, а именно надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, которая поглощается предметом надзора и полномочиями прокурора в названных выше отраслях надзора, где права и свободы защищаются равным образом [1, с. 970]. Таким образом, история создания и развития прокуратуры показывает, что поскольку прокуратура наделена соответствующими надзорными и другими полномочиями, уполномочена государством на решение его задач и осуществление функций, действует в установленном законом порядке, то она является государственновластным органом. Непосредственно конституционно-правовой статус, полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются статьей 129 Конституции Российской Федерации и Законом о прокуратуре.

Поправки, которые были внесены в Конституцию Российской Федерации Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», трансформировали конституционно-правовой статус прокуратуры России. Текст статьи 129 Конституции Российской Федерации состоит теперь из шести частей, в первой из которых дано определение и закреплены основные функции прокуратуры; во второй — установлены требования к прокурорам, аналогичные требованиям, предъявляемым к депутатам, судьям и должностным лицам государственных органов; в последующих трех частях изложен порядок назначения Генерального прокурора Российской Федерации, его заместителей и иных руководителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним, в том числе прокуроров военных и других специализированных прокуратур, иных прокуроров [2, с. 44].

Коренные изменения выразились в том, что теперь непосредственно глава государства после консультаций с Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации вправе назначать на должность Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей, в то время как в предыдущей редак-

ции Конституции Российской Федерации этот вопрос относился к компетенции верхней палаты российского парламента. Таким образом, прокуратура Российской Федерации фактически стала инструментом так называемой президентской власти [3, с. 32].

Стоит отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в своем Заключении от 16.03.2020 № 1-З¹ указал, что вышеописанные изменения не могут рассматриваться как ставящие под сомнение независимость деятельности прокуратуры Российской Федерации в рамках ее компетенции и как нарушающие принцип разделения властей. Однако нельзя не заметить, что теперь участие Совета Федерации ограничивается лишь консультативной функцией, окончательное решение принимает Президент Российской Федерации. Это позволяет говорить о значительном уменьшении роли Совета Федерации в процессе назначения на должность Генерального прокурора и возросших полномочиях Президента Российской Федерации.

Однако принятые 01.07.2020 на всенародном голосовании поправки к Конституции Российской Федерации затронули, в частности, те положения, которые определяют многие основополагающие принципы деятельности прокуратуры. Одним из таких ключевых принципов является независимость прокуратуры. Как отметил в своей работе А. Ю. Винокуров, для прокурорской системы это уже вторая за последние годы модернизация, что во многом свидетельствует о серьезном кредите доверия главы государства к данному конституционно-правовому институту [3, с. 31]. Первые существенные изменения произошли в 2014 году, когда, наконец, была переименована глава 7 Конституции Российской Федерации с «Судебная власть» на «Судебная власть и прокуратура»², что окончательно подчеркнуло конституционное значение прокуратуры.

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В новой редакции части 4 статьи 129 Конституции Российской Федерации сказано, что прокуроры субъектов Российской Федерации, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов Российской Федерации, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации. Такое изменение способствует увеличению централизации прокуратуры.

Многие решения Конституционного Суда Российской Федерации связаны с конституционализацией прокурорского надзора. Одним из знаковых решений считаем Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П, связанное с осуществлением общего прокурорского надзора¹.

Профессор А. Ю. Винокуров отмечает, что отдельные положения Закона о прокуратуре, реализация которых на практике прямо или косвенно затрагивает права и свободы человека и гражданина, становились предметом рассмотрения в рамках конституционного судопроизводства, и соответствующие решения, выносимые по результатам такого рассмотрения, имеют важное значение для правоприменителя² [4].

Во-первых, следует выделить Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.2000 № 3-П по жалобе гражданина Б. А. Кехмана, который оспаривал пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»³.

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр „Мемориал“», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество „Мемориал“», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Подробнее об этом изложено в обзоре, сделанном автором по результатам выступления профессора А. Ю. Винокурова на научно-практической конференции.

³ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации установил, что данная норма практически всегда на практике определенным образом препятствует получению информации гражданином, следовательно, она не соответствует Конституции Российской Федерации. Безусловно, жалоба была удовлетворена. Стоит отметить, что только по истечении 13 лет эта проблема была законодательно разрешена: статья 5 Закона о прокуратуре пополнилась в 2013 году пунктом 4, которым определены алгоритм действий прокурора и их результаты, ожидаемые гражданами.

А. Ю. Винокуров поднимает проблему своевременного реагирования законодателя на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные в резолютивной части решений последнего, и говорит о том, что и прокуратуре Российской Федерации в рамках статьи 9 Закона о прокуратуре необходимо проявлять активность [4].

Во-вторых, необходимо также обратить внимание на уже упоминавшееся Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 года № 2-П. Изменения в Закон о прокуратуре были внесены только спустя два года после принятия этого важного Постановления, касающегося прав и свобод человека и гражданина.

В-третьих, заострим внимание на Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 15-П, предметом рассмотрения которого стали четыре нормы Закона о прокуратуре¹. Основной итог принятого решения: фактически благодаря позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которую, с нашей точки зрения, тоже нельзя рассматривать как бесспорную, прокуроры получили право выносить постановления не только в рамках осуществления надзора за исполнением законов, но и в рамках осуществления правозащитного надзора, а также выносить

от 18 февраля 2000 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹ По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», абзаца второго части 6 статьи 28.3 и предложения второго части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П. Н. Лакина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

постановления об административных правонарушениях, в том числе в отношении граждан.

Список источников

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. Москва : Норма, 2013. 1040 с.
2. Виноградова Е. В., Бутрим И. И. Конституционные основы статуса прокуратуры // Образование и право. 2020. № 12. С. 43—50.
3. Винокуров А. Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 31—34.
4. Чепенко Я. К. Актуальные проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Обзор научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию Конституции Российской Федерации // КриминалистЪ. 2024. № 1 (46). С. 153—158.

Информация об авторе

Я. К. Чепенко — кандидат юридических наук.

Information about the author

Y. K. Chepenko — Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.163

ТИПИЧНЫЕ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ К ЦЕНООБРАЗОВАНИЮ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ

Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, s.shurpaev@mail.ru*

Аннотация. Приведена классификация типичных нарушений требований к ценообразованию при осуществлении государственных и муниципальных закупок товаров, работ, услуг. Для каждой

© Шурпаев Ш. М., 2024

классификационной группы приведены типичные примеры соответствующих нарушений.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, НМЦК, ценообразование, типичные нарушения, проверка, прокурорский надзор

Для цитирования: Шурпаев Ш. М. Типичные нарушения требований к ценообразованию при осуществлении государственных и муниципальных закупок товаров, работ, услуг // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 101—112. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

TYPICAL VIOLATIONS OF PRICING REQUIREMENTS WHEN CARRYING OUT STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENTS OF GOODS, WORKS, SERVICES

Shamil M. SHURPAEV

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, s.shurpaev@mail.ru*

Abstract. A classification of typical violations of pricing requirements during state and municipal procurement of goods, works, and services has been given. Typical examples of the corresponding violations for each classification group are provided.

Keywords: government procurement, municipal procurement, pricing, typical violations, inspection, prosecutorial supervision

For citation: Shurpaev Sh. M. Typical violations of pricing requirements when carrying out state and municipal procurements of goods, works, services // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 101—112. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Система правового регулирования надзорной деятельности в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее — сфера закупок) образована Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» и организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации, в том числе приказами¹:

от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»;

от 02.11.2018 № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса»;

от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов»;

от 14.01.2021 № 6 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок»;

от 30.07.2021 № 428 «О формировании и ведении перечня юридических лиц, привлеченных к административной ответственности по статье 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»;

от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции»;

от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности».

В системе правового регулирования надзорной деятельности в сфере закупок отдельное внимание уделяется вопросам соблюдения заказчиками требований к ценообразованию (пункт 2.4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок», абзац 12 пункта 2.4.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса»).

¹Все названные в статье нормативные акты и материалы судебной практики, если не указано иное, смотри: КонсультантПлюс : справ.-правовая система : сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

Система правового регулирования этапа ценообразования закупочной деятельности заказчиков образована:

положениями Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) (в том числе статьями 3, 4, 16, 19, 22, 33, 48, 49, 93, 95). Системообразующую роль при этом играют положения статьи 22 Закона о контрактной системе, устанавливающие общие требования к ценообразованию на закупаемые заказчиками товары, работы, услуги (далее — ТРУ, продукция);

подзаконными актами, определяющими порядок определения и обоснования цены контракта, а также особенности регламентации ценообразования в отдельных сферах закупок (видах деятельности).

Полномочия заказчика и предписания законодательства о контрактной системе в сфере закупок, закрепленные в статье 22 Закона о контрактной системе, определяют порядок обоснования цены контракта. Всю совокупность полномочий можно условно разделить на группы:

1. Полномочия, распространяющиеся на все конкурентные и (или) неконкурентные закупки.

2. Полномочия, возникающие при применении методов обоснования и определения цены контракта, в том числе:

2.1. Полномочия, возникающие при применении метода средних рыночных цен (анализа рынка) (далее — СРЦ (АР)), в том числе:

2.1.1. Полномочия, связанные с определением идентичных, однородных ТРУ, сопоставимых коммерческих и (или) финансовых условий.

2.1.2. Полномочия, возникающие при применении метода СРЦ (АР) при использовании общедоступной информации о рыночных ценах ТРУ (часть 18 статьи 22 Закона о контрактной системе).

2.1.3. Полномочия, возникающие при применении метода СРЦ (АР) при использовании информации, полученной по запросу у поставщика (подрядчика, исполнителя) (далее — ППИ).

2.1.4. Полномочия, возникающие при применении метода СРЦ (АР) при использовании информации, полученной в результате размещения запросов ТРУ в Единой информационной системе (далее — ЕИС).

2.2. Полномочия, возникающие при применении нормативного, тарифного, проектно-сметного, затратного и иных методов.

3. Полномочия, возникающие при определении цены контракта на отдельные ТРУ, в отдельных сферах деятельности.

Сообразно перечисленным выше группам полномочий можно классифицировать типичные нарушения требований к ценообразованию при осуществлении закупок.

1. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, распространяющихся на все конкурентные и (или) неконкурентные закупки. Как показывает анализ правоприменительной практики, среди конкретных примеров таких нарушений могут быть выделены следующие:

заказчик осуществил закупку контейнеров для раздельного накопления ТКО, в отношении которой отсутствовало обоснование цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2024 № 15АП-20150/2023 по делу № А32-39286/2023; Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 01.11.2023 по делу № А32-39286/2023);

применение заказчиком только одного коммерческого предложения при определении цены признано отсутствием обоснования цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2024 № 15АП-20150/2023 по делу № А32-39286/2023; Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 01.11.2023 по делу № А32-39286/2023);

применение заказчиком для обоснования цены контракта нормативного метода при отсутствии утвержденной предельной цены на ТРУ в требованиях к закупаемым ТРУ, установленных в соответствии со статьей 19 Закона о контрактной системе (Письмо ФНС России от 18.06.2019 № АС-4-16/11709@ «Обзор нарушений и недостатков, выявленных во 2 полугодии 2018 года Федеральным казначейством»; Письмо Казначейства России от 29.05.2020 № 07-04-05/21-10615 «О направлении обобщенной информации по результатам контрольных мероприятий»).

2. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с применением методов обоснования и определения цены контракта:

2.1. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с применением метода СРЦ (АР).

Одним из наиболее распространенных нарушений в этой группе является непроведение заказчиком комплекса мер, направленных на исследование (анализ) рынка в целях получения информации о рыночных ценах накупаемые ТРУ, или исполнение этой обязанности ненадлежаще, что приводит к необъективному, недостоверному и некорректному определению цены контракта. При проведении проверок и выборе мер прокурорского реагирования следует учитывать, что судебная практика складывается следующим образом:

количество источников ценовой информации, используемых заказчиком при формировании цены контракта, должно обеспечивать объективный и достоверный анализ цен на ТРУ (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2023 № 17АП-16483/2022-ГК по делу № А60-39833/2022);

направление заказчиком трех запросов о предоставлении ценовой информации не нарушает требований действующего законодательства, если кроме этого действия заказчиком был проведен комплекс иных мероприятий по определению и обоснованию цены контракта и цена контракта не была завышена по отношению к рыночной (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.03.2015 № Ф07-668/2015 по делу № А42-2927/2014).

В качестве примеров неисполнения заказчиками обязанностей по проведению комплекса мер, направленных на исследование (анализ) рынка в целях получения информации о рыночных ценах накупаемую продукцию, можно привести:

использование заказчиком ценовой информации, полученной от заинтересованных, связанных (аффилированных) по отношению друг к другу юридических лиц (Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2022 по делу № 16-4556/2022; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2020 № 16-1320/2020);

использование заказчиком только одного источника информации для определения цены контракта методом СРЦ (АР) (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.04.2016 № 09АП-12073/2016 по делу № А40-206309/15). Из буквального толкования части 2 статьи 22 Закона о контрактной системе следует, что метод СРЦ (АР) заключается в установ-

лении начальной максимальной цен контракта (далее — НМЦК) на основании информации о рыночных ценах, т. е. о двух и более;

при закупке товаров у единственного поставщика цена контракта определена заказчиком в соответствии с ценовым предложением этого же поставщика, при этом имелась возможность проведения анализа рыночных цен на идентичные или однородные товары (письмо ФНС России от 18.06.2019 № АС-4-16/11709@ «Обзор нарушений и недостатков, выявленных во 2 полугодии 2018 года Федеральным казначейством»);

заказчик не провел достаточного исследования цен, сослался на прайс-лист только одного источника; в сети «Интернет» отсутствовала информация о поставщиках, ценовая информация которых использовалась для обоснования цены контракта, у одного из поставщиков основной вид деятельности не соответствовал закупаемой продукции (Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2018 по делу № А15-6281/2017).

2.1.1. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с определением идентичных, однородных ТРУ, сопоставимых коммерческих и (или) финансовых условий.

Одно из распространенных нарушений в данной группе допускается при применении метода СРЦ (АР) — принятие заказчиком к расчету цен на продукцию, которая не является идентичной или однородной закупаемой продукции (описанию объекта закупаемой продукции) (Письмо Казначейства России от 29.05.2020 № 07-04-05/21-10615 «О направлении обобщенной информации по результатам контрольных мероприятий»):

заказчик для определения и обоснования цены контракта использовал ценовую информацию о здании, расположенном за пределами сектора, определенного аукционной документацией, что привело к необоснованному формированию НМЦК выше рыночной стоимости (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2022 № 09АП-2538/2022);

заказчик принял к расчету ценовую информацию о неидентичных и неоднородных товарах (при потребности в блокнотах формата А5 использовалась ценовая информация на блокноты формата А6. Указанная разница является существенной, поскольку не может удовлетворять блокнот формата А6 все те потребности, которые будут удовлетворены при использовании блокнота формата А5, что свидетельствует о невозможности взаимозаменяемости

указанных товаров (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2022 № 17АП-9434/2022-АК по делу № А60-15723/2022);

заказчик при покупке недвижимого имущества принял к расчету ценовую информацию об объектах, не являющихся идентичными объекту закупки (по площади сравниваемых квартир) (Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.2020 № 16-3665/2020).

Другое типичное нарушение в данной группе состоит в принятии заказчиком к расчету ценовой информации на продукцию без учета сопоставимых коммерческих и (или) финансовых условий поставки такой продукции:

заказчиком использовано одно коммерческое предложение о ценах на картофель, не учитывающее сопоставимые условия и (или) финансовые условия поставки картофеля свежего продовольственного; заказчиком не направлялись запросы поставщикам, осуществляющим поставки идентичных товаров, цены анализировались на картофель домашний (Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2021 № 88-4991/2021);

заказчик принял к расчету ценовую информацию о лекарственных препаратах без учета стоимости доставки, разгрузки, расходов на страхование, налогов и другие платежи (Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2023 № 15АП-22681/2022 по делу № А32-39009/2022);

заказчик принял к расчету цены, содержащиеся в коммерческих предложениях, которые невозможно сопоставить на идентичность и однородность с товаром, планируемым к закупке, а также с финансовыми и коммерческими условиями планируемой закупки: отсутствовала информация о гарантийном сроке, месте поставки товара, порядке формирования цены; установлены условия оплаты, отличные от требований заказчика (Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.12.2021 № 16-8183/2021).

2.1.2. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с применением метода СРЦ (АР) при использовании общедоступной информации о рыночных ценах ТРУ (часть 18 статьи 22 Закона о контрактной системе).

Типичным нарушением в данной группе является использование заказчиком при применении метода СРЦ (АР) ценовой информации из реестра контрактов по неисполненным контрак-

там и (или) по контрактам, по которым взыскивались неустойки (штрафы, пени) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных этими контрактами. Например, заказчик для обоснования цены контракта использовал ценовую информацию, полученную из реестра контрактов, по не исполненным в полном объеме контрактам или по контракту, расторгнутому в одностороннем порядке в связи с неисполнением поставщиком своих обязательств по контракту (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2019 № 18АП-2918/2019, 18АП-3260/2019 по делу № А47-13107/2018; Письмо ФНС России от 18.06.2019 № АС-4-16/11709@ «Обзор нарушений и недостатков, выявленных во 2 полугодии 2018 года Федеральным казначейством»; Обзор недостатков и нарушений, выявленных Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере в субъектах Российской Федерации в 1 полугодии 2022 года; Письмо Казначейства России от 31.10.2022 № 07-04-05/21-27186 «О направлении Обзора недостатков и нарушений»).

Также на практике распространены случаи определения цены контракта с применением метода СРЦ (АР) на основе информации о ценах продукции, содержащихся в источниках, не обладающих признаками публичной оферты, закрепленными в гражданском законодательстве (Методические рекомендации по осуществлению в Федеральном казначействе (его территориальных органах) деятельности, выполняемой в рамках возбуждения дел об административных правонарушениях, выявляемых при осуществлении контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд. Утверждены Казначейством России 25.04.2019).

2.1.3. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с применением метода СРЦ (АР) при использовании информации, полученной по запросу у ППИ.

В данной группе нарушений распространены случаи, когда заказчик при применении метода СРЦ (АР) принимает к расчету ценовую информацию на ТРУ, не соответствующую описанию объекта закупки, полученную в коммерческих предложениях ППИ. Например, заказчик направил запросы о предоставлении ценовой информации без указания характеристик закупаемого жилья, что привело к получению коммерческих предложений о цене товаров

(квартир) без указания стоимости 1 м², а также в строящихся домах, планируемых к сдаче; указанная информация не могла быть использована при обосновании НМЦК. Кроме того, при расчете НМЦК заказчиком использована не стоимость 1 м² и размер приобретаемого жилья, а общая стоимость предложенных квартир без учета их размера. Таким образом, НМЦК обоснована как средняя арифметическая цена между несопоставимыми объектами (Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 № 16-4012/2021).

Другое распространенное нарушение выражается в принятии заказчиком к расчету ценовой информации из коммерческих предложений от лиц, не обладающих опытом поставок идентичной или однородной продукции (не осуществляющих поставку идентичной или однородной продукции). Например, заказчик при определении и обосновании цены контракта для закупки услуг по уборке помещений использовал ценовую информацию от индивидуального предпринимателя, осуществлявшего деятельность, согласно выписке из ЕГРИП, по коду ОКВЭД 56.10 «Деятельность ресторанов и услуги по доставке продуктов питания» (Письмо Казначейства России от 30.10.2020 № 07-04-05/21-22278 «О направлении обобщенной информации по результатам контрольных мероприятий»).

Имеют место случаи, когда заказчики при применении метода СРЦ (АР) принимали к расчету ценовую информацию из коммерческих предложений от лиц, не обладавших юридической возможностью направить коммерческие предложения (например, не зарегистрированных в соответствующем статусе: индивидуального предпринимателя, юридического лица). Так, заказчик при обосновании цены контракта использовал ценовую информацию индивидуального предпринимателя, не зарегистрированного в соответствующем статусе на момент подачи коммерческого предложения (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.09.2022 № 18АП-8782/2022)¹.

2.2. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с применением нормативного, тарифного, проектно-сметного, затратного и иных методов.

¹ Следует учитывать, что если другие запросы поставщикам были надлежащими, заказчик осуществил иные действия, которые позволяли объективно и достоверно определить цену контракта, то определение и обоснование цены контракта признается надлежащим, состава нарушения в действиях заказчика не содержится.

Распространенными в данной группе нарушений являются случаи, когда заказчики при применении методов, отличных от перечисленных в части 1 статьи 22 Закона о контрактной системе (иных методов), не включают в обоснование цены контракта обоснование невозможности применения таких методов (Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2022 № 14АП-4652/2022).

Применение заказчиком иных методов в условиях, когда имела возможность применить методы обоснования цены контракта, указанные в части 1 статьи 22 Закона о контрактной системе (Письмо ФНС России от 18.06.2019 № АС-4-16/11709@ «Обзор нарушений и недостатков, выявленных во 2 полугодии 2018 года Федеральным казначейством»), образует другую группу характерных нарушений требований к ценообразованию закупаемой продукции. Например, заказчик некорректно применил тарифный метод при осуществлении закупок услуг охраны (Письмо ФНС России от 18.06.2019 № АС-4-16/11709@ «Обзор нарушений и недостатков, выявленных во 2 полугодии 2018 года Федеральным казначейством»). В другом случае заказчик некорректно применил тарифный метод при осуществлении закупок услуг по санаторно-курортному лечению граждан с особым социальным статусом (Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2019 по делу № А52-3340/2018).

Широко распространены нарушения, допускаемые заказчиками, при применении проектно-сметного метода определения и обоснования цены контракта. Одно из типичных — применение проектно-сметного метода на работы, которые не перечислены в частях 9, 9.1 статьи 22 Закона о контрактной системе. Например, заказчик необоснованно применил проектно-сметный метод при закупке работ по монтажу и поставке мебели для оснащения плавательного бассейна (Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2022 № 16-1231/2022).

3. Нарушения, допускаемые при исполнении заказчиками полномочий, связанных с определением и обоснованием цены контракта на отдельные ТРУ, в отдельных сферах деятельности.

Одно из распространенных нарушений в данной группе состоит в том, что заказчик не применил специальный порядок определения цены контракта в отдельных сферах деятельности, либо

применил его некорректно. Например, заказчиком в нарушение Порядка, утвержденного приказом Росгвардии от 15.02.2021 № 45, при осуществлении закупки охранных услуг применен метод СРЦ (АР) (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.09.2022 № Ф03-4311/2022 по делу № А04-323/2022; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 07.06.2022 № 06АП-2454/2022 по делу № А04-323/2022; Решение Арбитражного суда Амурской области от 23.03.2022 по делу № А04-323/2022). В другом случае заказчик не применил специальный порядок определения цены контракта на оказание услуг по закупке, приемке, хранению, учету и отпуску лекарственных препаратов, медицинских изделий, специализированных продуктов лечебного питания (Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.07.2021 № 16-1027/2021).

Подводя итог, можно предложить самый общий алгоритм выявления нарушения требований к ценообразованию при осуществлении государственных и муниципальных закупок товаров, работ, услуг. Во-первых, на основе анализа отраслевого законодательства требуется установить порядок регулирования ценообразования, подлежащий применению в отношении проверяемой закупки (предмет закупки) (общий или специальный). Во-вторых, исходя из примененных заказчиком методов, следует провести анализ соответствия действий заказчика установленным законодательством требованиям, в том числе проверить корректность, объективность и достоверность определения цены контракта в соответствии с общим или специальным методом.

Информация об авторе

Ш. М. Шурпаев — кандидат экономических наук, кандидат юридических наук.

Information about the author

Sh. M. Shurpaev — Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Луиза Сираджеддиновна БУЛГАКОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, bluiza@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены вопросы административной ответственности за правонарушения, которые совершаются при помощи информационных технологий, цифровой техники и т. п. Исследована законодательная база, устанавливающая административную ответственность за правонарушения в указанной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютерная информация, административные правонарушения в области связи и информации

Для цитирования: Булгакова Л. С. Административная ответственность в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 113—121. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND COMPUTER INFORMATION

Luiza S. BULGAKOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, bluiza@mail.ru*

© Булгакова Л. С., 2024

Abstract. The issues of administrative responsibility for offenses committed by using information technologies, digital technology, etc. have been discussed. The legislative framework establishing administrative responsibility for offenses in this area has been studied.

Keywords: administrative responsibility, information and telecommunication technologies, computer information, administrative offenses in the field of communication and information

For citation: Bulgakova L. S. Administrative responsibility for using information and telecommunication technologies and computer information // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 113—121. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Развитие цифровых технологий и цифровая трансформация приводят к тому, что значительный объем данных становится общедоступным и хранится в цифровой форме. Это предоставляет больше возможностей для использования информации, но также увеличивает риски безопасности.

Перечень посягательств на общественные отношения в области связи и информации установлен главой 13 «Административные правонарушения в области связи и информации» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Необходимо добавить, что в действовавшем ранее Кодексе РСФСР об административных правонарушениях (КоАП РСФСР) аналогичная глава отсутствовала. В утратившем силу нормативном правовом акте имелись глава 10 «Административные правонарушения на транспорте и в области дорожного хозяйства и связи» и глава 14 «Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок управления», часть составов из которых перенесены в КоАП РФ. Следует отметить, что за последние несколько лет глава 13 КоАП РФ была существенно обновлена, что не может не свидетельствовать об актуальности рассматриваемой сферы.

В сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации административная ответственность в России предусматривается рядом статей, а именно: *нарушение законодательства в области связи* включает в себя

различные правонарушения, касающиеся использования средств связи (статья 13.2 КоАП РФ); *за нарушение правил использования средств связи* устанавливается ответственность за несоблюдение правил, регулирующих использование телекоммуникационных услуг (статья 13.11 КоАП РФ); *нарушение законодательства о персональных данных* связано с вопросами обработки и защиты персональных данных пользователей (статья 13.15 КоАП РФ); *нарушение законодательства о распространении информации в сети «Интернет»* влечет ответственность организаторов распространения информации (статья 13.15 КоАП РФ); *за нарушение законодательства владельцами новостных агрегаторов* следует ответственность за распространение недостоверной информации (статья 13.32 КоАП РФ); *за нарушение законодательства организатором сервисов обмена мгновенными сообщениями* установлена ответственность за несоблюдение норм в данной области (статья 13.39 КоАП РФ); *нарушение законодательства операторами поисковых систем* связано с вопросами предоставления информации и соблюдения прав пользователей (статья 13.40 КоАП РФ).

Родовым объектом правонарушений, предусмотренных главой 13 КоАП РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу установленного порядка деятельности в области связи и информации.

С объективной стороны рассматриваемые правонарушения предполагают совершение как активных действий (самовольное подключение, строительство, незаконный сбор, хранение, распространение, использование и т. д.), так и бездействие (несоблюдение установленных правил, непредставление информации). Большинство составов административных правонарушений в области связи и информации носят формальный характер. Причинение материального ущерба не является обязательным признаком.

С субъективной стороны правонарушения в области связи и информации совершаются с прямым умыслом либо по неосторожности. Виновное лицо может осознавать противоправный характер своих действий или бездействия, предвидеть их вредные последствия и желать их наступления либо относиться к ним безразлично (например, при воспрепятствовании уверенному приему радио- и телепрограмм).

Ряд правонарушений совершается по неосторожности, когда лицо предвидело наступление вредных последствий, но самона-

деянно рассчитывало на их предотвращение. Примером в данном случае может служить статья 13.12 «Нарушение правил защиты информации» КоАП РФ.

Субъектом административных правонарушений в области связи и информации выступают, как правило, граждане, должностные лица и юридические лица.

За совершение административных правонарушений в области связи и информации предусмотрено наказание в виде административного штрафа; важно отметить, что практически санкцией каждой статьи главы 13 КоАП РФ предусмотрена конфискация средств, явившихся предметом правонарушения.

Дела об административных правонарушениях в области связи и информации рассматривают судьи, органы, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, и органы внутренних дел.

Рассмотрим один из примеров возбуждения прокуратурой района дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 13.2.1 КоАП РФ.

Так, прокуратурой района проведена проверка по факту неисполнения ООО <...> (далее — Общество) требований законодательства о связи при оказании услуг телефонной связи. Установлено, что Общество осуществляет деятельность оператора междугородной и международной телефонной связи на основании лицензии Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), срок действия которой — до 15.12.2026.

Общество 26.04.2024 в 18:12:38 оказывало услуги связи при инициированных с сети связи иностранного оператора связи соединениях, сопровождающихся нумерацией, распознанной аппаратурой ПАО <...> и Общества как международное соединение. Данный факт подтверждается материалами уголовного дела, возбужденного по признакам совершения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 159 УК РФ. Потерпевшей Г. в результате мошеннических действий третьих лиц причинен ущерб 200 тыс. рублей.

Через техническое оборудование Общества 26.04.2024 в 18:12:38 от оператора связи <название> прошел вызов, который не распознан оборудованием Общества как международный, на но-

мер оператора связи ПАО <...>, сопровождающийся нумерацией: +8 <...>.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» оператор связи — юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии. Согласно пункту 1 статьи 46 Федерального закона «О связи» оператор связи обязан оказывать пользователям услугами связи услуги связи в соответствии с законодательством Российской Федерации, техническими нормами и правилами, лицензией, а также договором об оказании услуг связи, соблюдать требования, касающиеся организационно-технического взаимодействия с другими сетями связи, пропуска трафика и его маршрутизации и устанавливаемые федеральным органом исполнительной власти в области связи.

В соответствии с положениями пунктов 8, 9 статьи 46 Федерального закона «О связи» оператор, с сети связи которого иницируется телефонный вызов (передача короткого текстового сообщения), обязан передавать в сеть связи другого оператора связи, участвующего в установлении телефонного соединения, в неизменном виде абонентский номер, выделенный на основании договора об оказании услуг связи абоненту, инициировавшему телефонный вызов (передачу короткого текстового сообщения). Оператор связи, участвующий в установлении телефонного соединения, обязан передавать в сеть связи другого оператора связи в неизменном виде полученный абонентский номер.

На основании пункта 10 статьи 46 Федерального закона «О связи» оператор связи прекращает оказание услуг по пропуску трафика на свою сеть связи в случае выявления при оказании услуг по пропуску трафика нарушений требований, установленных пунктами 8, 9 статьи 46 указанного Закона. Оператор связи обязан прекратить оказание услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи в тех случаях, если (1) при использовании системы обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования установлено отсутствие информации об иницировании соединения абонентом, в том числе для отправки короткого текстового сообщения (за исключением случая, если соединение иницировано с сети связи иностранного оператора связи и сопровождается нумерацией, соответствующей иностранной

системе и плану нумерации); (2) у оператора связи, участвующего в установлении соединения, в том числе для передачи короткого текстового сообщения, отсутствует информация об абонентском номере или уникальном коде идентификации абонента, инициировавшего это соединение.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 09.12.2014 № 1342 «О порядке оказания услуг телефонной связи» утверждены Правила оказания услуг телефонной связи¹, которые регулируют отношения между абонентом и (или) пользователем услуг телефонной связи и оператором связи при оказании услуг местной, внутризоновой, междугородной и международной телефонной связи в сети связи общего пользования, а также при оказании услуг подвижной радиосвязи, услуг подвижной радиотелефонной связи и услуг подвижной спутниковой радиосвязи в сети связи общего пользования.

В пункте 2 Правил даны понятия:

абонент — это пользователь услуг телефонной связи, с которым заключен договор об оказании услуг телефонной связи при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации;

абонентский номер — телефонный номер, однозначно определяющий (идентифицирующий) оконечный элемент сети связи или подключенную к сети подвижной связи абонентскую станцию (абонентское устройство) с установленным в ней (в нем) идентификационным модулем;

международное телефонное соединение — телефонное соединение между пользовательским (оконечным) оборудованием, когда одно пользовательское (оконечное) оборудование подключено к сети местной телефонной связи и размещено в пределах территории Российской Федерации, а другое пользовательское (оконечное) оборудование размещено за пределами территории Российской Федерации, или телефонное соединение между пользовательским (оконечным) оборудованием, подключенным к сети местной телефонной связи в пределах территории Российской Федерации, и пользовательским (оконечным) оборудованием, подключенным к сети подвижной связи, когда соответствующему абоненту этой сети подвижной связи выделен абонентский номер, не входящий в ресурс нумерации, закрепленный за Российской Федерацией.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, оператор связи обязан прекратить оказание услуг по пропуску по своей сети трафика, содержащего осуществляемую с нарушением требований Федерального закона «О связи» рассылку, в частности если у оператора связи, участвующего в установлении соединения, в том числе для передачи короткого текстового сообщения, отсутствует информация об абонентском номере или уникальном коде идентификации абонента, инициировавшего это соединение.

Согласно пунктам 2, 3 Приказа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31.01.2022 № 75 «Об утверждении российской системы и плана нумерации» (далее — Приказ Минцифры России) для идентификации конечных элементов телефонных сетей связи используются комбинации цифровых обозначений:

а) код страны (Кс) состоит из комбинации от одной до трех цифр (Российская Федерация, Кс = 7);

б) коды зоны нумерации ABC используются для географически определяемой зоны нумерации, коды зоны нумерации DEF используются для географически не определяемой зоны нумерации. Указанные коды состоят из комбинации трех цифр.

Зоновый телефонный номер ($x_1x_2x_3x_4x_5x_6x_7$) состоит из комбинации семи цифр.

Местный телефонный номер может включать от трех до семи или десять цифр и совпадать по значности с зонавым, национальным (значащим) телефонным номером или быть более коротким.

Международный телефонный номер (Нмн) последовательно образуется из кода страны, кода зоны нумерации и зонавого телефонного номера. Максимальное число цифр в международном номере равно 15 без учета международного префикса Пмн.

В соответствии с пунктом 5 Приказа Минцифры России с использованием международного телефонного номера определяется конечный элемент сети связи в пределах мировых сетей связи.

Пунктом 10 Приказа Минцифры России установлено, что для установления международного телефонного соединения используется индикатор Пмн = 810, являющийся международным префиксом, который образован национальным префиксом и двумя цифрами, при осуществлении выполнения I этапа идентификации в соответствии с пунктом 2 рассматриваемого Приказа, Пмн = 00.

Согласно пунктам 9, 10 Приказа для установления международного телефонного соединения используется индикатор Пмн = 810, являющийся международным префиксом, который образован национальным префиксом и двумя цифрами, при осуществлении выполнения I этапа идентификации в соответствии с пунктом 2 Приказа Минцифры России, Пмн = 00.

В соответствии с пунктом 24 Приказа Минцифры России при установлении международного или междугородного телефонного соединения способом выбора оператора связи, оказывающего услуги междугородной и международной телефонной связи, при каждом вызове используется код доступа (Кд), образованный двумя цифрами, и код выбора оператора связи, оказывающего услуги междугородной и международной телефонной связи (ХУ), образованный двумя цифрами. Значения кода выбора оператора связи, оказывающего услуги междугородной и международной телефонной связи, указаны в приложениях № 2 и 3 к настоящим российской системе и плану нумерации.

Согласно пункту 28 Приказа Минцифры России международный номер абонентской станции последовательно образуется из кода страны подвижной связи, кода сети подвижной связи и опознавательного номера абонентской станции, используемый для идентификации абонентской станции подвижной связи в глобальных сетях подвижной связи. Максимальное число цифр в международном номере равно 15.

В соответствии с пунктом 37 Приказа Минцифры России формат номера при установлении международного телефонного соединения абонентов сетей фиксированной телефонной связи при использовании способа предварительного выбора оператора связи, оказывающего услуги междугородной и международной телефонной связи, имеет вид: а) Пмн Кс Ннац; б) Пмн Кс Нгл; в) Пмн Кс Ки На; г) Пмн Кс Киг На; д) Пмн 800 GSN, где: Пмн — международный префикс; Кс — код страны или группы стран в сводном плане нумерации, код страны для Глобальной службы, код страны для сети; Ннац — национальный (значащий) номер абонента; Нгл — номер абонента Глобальной службы; Ки — код идентификации сети; Киг — код идентификации группы стран; На — номер абонента; GSN — глобальный номер абонента услуги бесплатного международного телефона.

Вместе с тем при проведении проверки прокуратурой района осуществить телефонный звонок по номеру +7<...> не представилось возможным, так как данного номера не существует. Следовательно, Общество передало набор цифр, под видом абонентского (телефонного) номера, идентифицировав его как номер телефона с нумерацией: +7<...>, не позволяющий однозначно определить (идентифицировать) окончательный элемент сети связи, а также не соответствующий формату номера при установлении международного телефонного соединения, т. е. не прекратил оказание услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи в отсутствии информации об абонентском номере или уникальном коде идентификации.

Как следствие, в отношении Общества прокуратурой района возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 13.2.1 КоАП РФ, т. е. неисполнение оператором связи обязанности по прекращению оказания услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области связи.

Суд, рассмотрев постановление прокурора, привлек Общество к административной ответственности и назначил наказание в виде административного штрафа в размере 600 тыс. рублей¹.

В связи с вышеизложенным можно сказать, что в современном мире, где информация стала ценным активом, кибербезопасность играет важную роль.

Защита информации необходима для предотвращения угроз, защиты бизнеса, обеспечения личной безопасности и приватности, а также для обеспечения национальной безопасности и поддержания доверия в цифровом мире.

¹ Материалы кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Научная статья
УДК 347.963

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Светлана Игоревна КОРЯЧЕНЦОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, sv3833308@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы оценки законности документов территориального планирования, проблемы, вызванные отсутствием установленных границ муниципальных образований. Автором использован метод анализа документов и официальных материалов, установление особенностей в сфере градостроительства и землепользования с учетом законодательства о документах территориального планирования. Обоснована необходимость учета недостатков, допускаемых органами местного самоуправления при реализации ими полномочий по разработке документов территориального планирования, предложены рекомендации, которые могут применяться при оценке законности документов территориального планирования, а также необходимость применения комплексного подхода при проведении проверки.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, градостроительная деятельность, градостроительная документация, территориальное планирование, земли населенных пунктов, установление границ земельного участка

Для цитирования: Коряченцова С. И. Особенности прокурорской проверки градостроительных и землеустроительных документов // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры

Российской Федерации, 2024. С. 122—131. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

PECULIARITIES OF PROSECUTOR'S INSPECTION OF TOWN-PLANNING AND LAND-PLANNING DOCUMENTS

Svetlana I. KORYACHENTSOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, sv3833308@mail.ru*

Abstract. Topical issues of assessment of legality of territorial planning documents, problems caused by the lack of established boundaries of the municipalities are considered. The method of analysing documents and official materials, establishing features in the field of urban planning and land use, taking into account legislation on territorial planning documents, has been applied. The need to take into consideration the shortcomings made by local governments in the exercise of their powers in developing territorial planning documents is justified; recommendations that can be used in assessing legality of territorial planning documents, as well as the need for a comprehensive approach during the inspection have been proposed.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, urban planning activity, urban planning documentation, territorial planning, lands of settlements, determination of land boundaries

For citation: Koryachentsova S. I. Peculiarities of prosecutor's inspection of town-planning and land-planning documents // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 122—131. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

В современной России сфера градостроительства — это особый сектор экономики, которая получила широкое развитие. С развитием общественных отношений в названной сфере, с появлением на строительном рынке новых участников, повлекших увеличение объемов строительства, неукоснительно растет и чис-

ло нарушений законов. Повсеместно в ходе проведения проверок контролирующими органами и прокурорами выявляются нарушения как в градостроительной сфере при строительстве нежилых зданий, многоквартирных жилых домов, так и в смежных сферах деятельности, например в сфере земельно-правовых отношений, бюджетной и экологической сферах. Так, нарушения закона выявляются на всех этапах строительной деятельности, включая выделение земельных участков для строительства, проведение государственной экспертизы проектной документации, выдачу разрешений на строительство, осуществление строительного надзора и ввод объектов в эксплуатацию.

Вопросы законности установления границ населенных пунктов в муниципальных образованиях также являются актуальными на протяжении длительного времени. Процесс установления границ сопровождают различного рода сложности, что видно по регулярно вносимым изменениям в действующее законодательство.

Представляется, что градостроительная деятельность должна быть подчинена целям создания и функционирования, сохранения в надлежащем состоянии инфраструктуры и самих объектов строительства. Регулирование строительства объектов прежде всего должно заключаться в оптимальной организации территории, что, наряду с социально-экономическими и географическими факторами, является необходимым условием успешной организации социальной и промышленной инфраструктуры.

К наиболее негативным последствиям неурегулированной градостроительной деятельности, особенно в части жилищного строительства, относится увеличение плотности населения, значительно превышающей возможности социальных объектов, имеющих предельную демографическую нагрузку [1, с. 100].

Эффективным способом избежать градостроительных, земельных, социально-экономических и экологических проблем является надлежащее территориальное планирование и зонирование территории населенных пунктов, безопасное размещение указанных объектов. В связи с этим представляется, что прокурорская проверка градостроительной и землеустроительной документации должна проводиться по нескольким направлениям, приоритетность и содержание которых в конкретном населенном пункте зависит от состояния окружающей среды, социально-экономической ситуации, а также уровня эколого-правовой культуры соответствующих должностных лиц.

Надзор за исполнением законов в градостроительной сфере следует рассматривать как систему действий, направленных на достижение целей осуществления надзорной деятельности в указанной сфере. В свою очередь, определенные законом цели прокурорской деятельности заключаются в обеспечении верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Поскольку основой, например, для развития застроенных территорий являются документы территориального планирования, градостроительного зонирования и документация по планировке территории, одной из составляющих прокурорского надзора должно являться соблюдение порядка и сроков проведения государственных экспертиз таких документов и разрешительных процедур, связанных с возведением объектов строительства. Но, как показывают результаты правоприменительной практики, основную часть нарушений, выявляемых прокурорами в градостроительной сфере, составляют факты строительства без полученных в установленном порядке правоустанавливающих документов на земельный участок и разрешений на строительство. Законодательство, регламентирующее порядок разработки, согласования и утверждения градостроительной и землеустроительной документации, относит разрешение ряда вопросов в области градостроительной деятельности к компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного значения и закрепляет за ними соответствующие полномочия в указанной сфере, а значит, основные усилия прокурора в этой области должны быть сосредоточены именно на деятельности указанных органов. Кроме того, один из показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления непосредственно связан с градостроительной сферой, что свидетельствует о большом значении градостроительной деятельности для развития муниципальных образований и государства в целом.

В настоящее время можно выделить ряд проблемных вопросов, возникающих при внесении сведений из градостроительной документации в государственные реестры.

1. Отсутствие финансовых средств у муниципальных образований на проведение работ по внесению границ муниципальных образований, населенных пунктов, территориальных зон в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН).

В соответствии со статьей 9 Бюджетного кодекса Российской Федерации к полномочиям муниципальных образований относится установление порядка составления, рассмотрения, утверждения и исполнения местного бюджета; установление и исполнение расходных обязательств муниципального образования; определение порядка предоставления межбюджетных трансфертов из местных бюджетов, предоставление межбюджетных трансфертов из местных бюджетов. Кроме того, согласно перечню поручений Президента Российской Федерации от 11.08.2022 № Пр-1424 высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации рекомендовано предусмотреть финансирование на выполнение работ по установлению границ муниципальных образований, населенных пунктов и территориальных зон. Таким образом, при проведении проверки работник прокуратуры, осуществляющий надзор за законностью правовых актов, на стадии изучения проекта решения о бюджете должен обратить внимание органов местного самоуправления муниципальных образований на необходимость формирования местных бюджетов с учетом стоимости проведения работ по внесению границ муниципальных образований, населенных пунктов, территориальных зон в ЕГРН.

Особого внимания со стороны органов прокуратуры требуют факты наличия пересечений границ муниципальных образований с границами муниципальных образований смежных субъектов Российской Федерации, а также с границами земельных участков, сведения о которых внесены в ЕГРН, в том числе с границами земельных участков лесного фонда, расположенных одновременно в нескольких муниципальных образованиях.

Несомненно, первой, кто должен выявить указанные факты, является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). В случае выявления реестровых ошибок требуется проведение мероприятий по их исправлению в базах данных ЕГРН в соответствии с положениями части 3 статьи 61 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (Закон о регистрации). Региональные органы власти и органы местного самоуправления обязаны инициировать исправление реестровых ошибок, для чего необходимо обращаться в орган регистрации прав. При этом в случае наличия в ЕГРН сведений о границах земельных и (или) лесных участков и границах муниципальных образований орган регистрации прав исправляет реестровые ошибки самостоятельно.

но в порядке, установленном частями 6—7.3 статьи 61 Закона о регистрации.

Кроме того, при выявлении фактов пересечения границ также подлежит проверке деятельность территориальных органов Росреестра, которые должны согласовывать местоположение границ муниципальных образований, границы которых совпадают с границами между субъектами Российской Федерации, с уполномоченными органами государственной власти и органами местного самоуправления смежного субъекта Российской Федерации для обеспечения корректного описания прохождения границ муниципальных образований и исключения пересечения их границ с границами других муниципальных образований, расположенных в смежных субъектах Российской Федерации. На органы прокуратуры же ложится обязанность проведения анализа на предмет выявления причин, послуживших основанием возникновения пересечений указанных границ.

В случае невыполнения требований закона необходимо рассмотреть вопрос о внесении актов прокурорского реагирования не только в региональные органы власти, органы местного самоуправления, но и в территориальные органы Росреестра.

2. Решение вопроса о необходимости (или ее отсутствии) в направлении уведомлений в случае пересечения границ муниципальных образований с границами других муниципальных образований, населенных пунктов, территориальных зон и земельных участков.

Законодательно направление таких уведомлений не предусмотрено.

Напомню, что в соответствии с пунктами 2 и 13 статьи 11 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

территории всех поселений, а также возникающие на территориях с низкой плотностью сельского населения и (или) на территориях упраздняемых поселений межселенные территории входят в состав муниципальных районов;

территория муниципального образования не может входить в состав территории другого муниципального образования, за исключением случаев вхождения поселений и внутригородских районов в состав соответственно муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением.

Учитывая изложенное, установление правила о направлении уведомлений повлечет несоответствие положениям указанного Федерального закона и в этой связи нами не поддерживается. Более того, считаем, что прокурорам необходимо дополнительно оценивать законность действий органов Росреестра и органов местного самоуправления на предмет законности и организации межведомственного взаимодействия.

Также стоит отметить, что до внесения в ЕГРН сведений о границах муниципальных образований землеустроительная документация проходит государственную экспертизу в территориальных органах Росреестра. Если содержание указанной документации противоречит требованиям законодательства Российской Федерации, в отношении такой землеустроительной документации выдается отрицательное экспертное заключение, а сама документация не должна быть включена в государственный фонд данных, полученных в результате проведения землеустройства, и, соответственно, сведения не подлежат внесению в ЕГРН.

3. Наличие в настоящее время правовой неопределенности при внесении в ЕГРН сведений о границах населенных пунктов в случае выявления пересечения их границ с границами лесничеств, сведения о которых также содержатся в ЕГРН¹.

В соответствии с частью 7.1 статьи 10 Федерального закона от 29.07.2017 № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров и установления принадлежности земельного участка к определенной категории земель» с даты внесения в ЕГРН сведений о местоположении границ лесничеств в соответствии с частями 15 и 15.1 статьи 34 Закона о регистрации для осуществления территориального планирования, оказания государственных услуг и осуществления государственных функций в сфере лесных отношений применяются сведения о границах лесничеств, внесенные в ЕГРН.

Вместе с тем, согласно части 1 статьи 8 Федерального закона от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», установление или изменение границ населенных пунктов, а также включение земельных участков в границы населенных пунктов либо исключение земельных

¹ О направлении информации : Письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 22 марта 2023 г. № 18-2332-ТГ/23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

участков из границ населенных пунктов является переводом земель населенных пунктов или земельных участков в составе таких земель в другую категорию либо переводом земель или земельных участков в составе таких земель из других категорий в земли населенных пунктов.

Кроме того, при проведении проверки необходимо обратить внимание, что в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации проект генерального плана подлежит согласованию с уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти в порядке, установленном этим органом, в том числе если предусматривается включение в соответствии с указанным проектом в границы населенных пунктов (в том числе образуемых населенных пунктов), входящих в состав поселения, городского округа, земельных участков из земель лесного фонда, за исключением случаев, предусмотренных частью 19 статьи 24 Градостроительного кодекса Российской Федерации.

При проведении проверок работникам прокуратуры следует применять комплексный подход, оценивая действия по согласованию и размещению градостроительной и землеустроительной документации в государственных реестрах совместно с результатами проверочных мероприятий, охватывающих вопросы определения гражданско-правовой ответственности органов местного самоуправления и исполнителей работ. Так, при внесении в ЕГРН данных о границах населенных пунктов и территориальных зон следует оценить наличие (отсутствие) в договоре об оказании услуг сведений об ответственности исполнителей работ по определению границ за невнесение указанной информации, в частности за отсутствие учета уведомлений о невозможности внесения в статистику выполненных кадастровым инженером работ, поскольку это приводит к тому, что для внесения сведений в реестр границ заведомо передаются несформированные («сырые») сведения. Как правило, это делается с целью соблюдения сроков исполнения соответствующих договоров и сроков направления сведений, предусмотренных Законом о регистрации.

Исходя из содержания части 4 статьи 1 Федерального закона от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» (Закон о кадастровой деятельности) выполнение работ по определению координат характерных точек объектов реестра границ ЕГРН с целью подготовки документов, необходимых для внесения сведений

о таких объектах в реестр границ ЕГРН, не является кадастровой деятельностью. Указанные мероприятия могут быть выполнены любым лицом, за исключением случаев, когда для выполнения работ требуется наличие лицензии (законодательством не установлены какие-либо требования к таким лицам, а также условия, при которых эти работы могут быть выполнены). Гражданским законодательством предусмотрена обязанность исполнителя по договорам подряда бесплатно устранять замечания, возникшие относительно изготовленной им документации, в том числе после окончания срока исполнения договора (контракта). Представляется, что ненадлежащее исполнение обязательств по договорам (контрактам), на основании которых осуществляется подготовка описания границ населенных пунктов и территориальных зон, является основанием для привлечения исполнителей по таким договорам к гражданско-правовой ответственности. Условиями исполнения обязательств по договору (контракту) могут быть названы не только передача заказчику соответствующей документации, но и результат внесения сведений о границах населенных пунктов и территориальных зон в ЕГРН, — например, выписка из ЕГРН.

В завершение обратим внимание, что в случае получения отказа во внесении сведений в ЕГРН отсутствует упрощенная процедура внесения в документы градостроительного зонирования изменений, связанных с коррекцией координат границ, после процедуры публичных слушаний. Чтобы внести изменения в координатное описание, необходимо проведение всего комплекса мероприятий заново.

Рассмотренные вопросы не исчерпывают всего перечня имеющихся сложных проблем, которые необходимо разрешить при проведении проверки градостроительной и землеустроительной документации. В данной ситуации хочу акцентировать внимание предметных прокуроров на том, что в настоящее время не установлен упрощенный порядок (без проведения обязательных процедур, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации, в том числе без проведения публичных слушаний) для внесения изменений в документы территориального планирования и градостроительного зонирования в части приведения карт границ населенных пунктов, территориальных зон в соответствие с содержащимися в ЕГРН сведениями о таких границах.

Примеры из практики свидетельствуют о том, что допускаемые нарушения при разработке, согласовании, утверждении градостроительной и землеустроительной документации носят комплексный характер, включают в себя, как правило, нарушения не только зе-

мельного и градостроительного законодательства, но также норм иных отраслей права, что повышает необходимость усиления межведомственного взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными органами, а также с органами контроля и надзора, обеспечивающего в рамках совместных проверок выявление, пресечение указанных фактов, а также восстановление публично-правовых интересов.

Проблемы законодательного регулирования [2; 3], наличие большого количества смежных правоотношений в земельной и градостроительной сферах и, как следствие, широкого спектра нарушений в ходе правоприменения вызывают необходимость выработки адекватных решений по их устранению.

Список источников

1. Защита прокурором прав несовершеннолетних : практическое пособие / Т. А. Васильева, И. И. Головки, Э. Р. Исламова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. Москва : Новая юстиция, 2021. 588 с.
2. Шепелев В. В. Несовершенство понятия «градостроительная деятельность», закрепленного в Градостроительном кодексе Российской Федерации // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 1 (3). С. 142—147.
3. Коршунова О. Н., Коряченко С. И. Отдельные аспекты организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних в сфере градостроительной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 49—63.

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.9

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРОФИЛАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Лариса Владимировна ГОТЧИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, lgotchina@yandex.ru*

Аннотация. Российская преступность отражает общие отрицательные тенденции: рост преступности несовершеннолетних, увеличение ее рецидивности и числа террористических актов. Все это вызывает потребность в общей профилактике правонарушений среди подростков и молодежи. Основными направлениями такой профилактики являются: информационное направление, снижение миграционной, информационной, военной преступности, наркопреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, терроризм, специальная военная операция, миграция, несовершеннолетние

Для цитирования: Готчина Л. В. О некоторых основных направлениях профилактики российской преступности // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 132—139. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

ON SOME MAIN DIRECTIONS OF CRIME PREVENTION IN RUSSIA

Larisa V. GOTCHINA

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, lgotchina@yandex.ru*

Abstract. Criminality in Russia shows general negative trends: an increase in juvenile delinquency, an increase in its recidivism, and a number of terrorist acts. All this causes a need for general prevention of crimes among adolescents and youth. The main directions of such prevention are: information direction, reduction of migration, information, military crime, drug crime.

Keywords: cybercrime, terrorism, special military operation, migration, minors

For citation: Gotchina L. V. On some main directions of crime prevention in Russia // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 132—139. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Анализируя российскую демографическую ситуацию, можно спрогнозировать сокращение населения нашей страны, особенно детей, несовершеннолетних и молодежи, а также увеличение показателя старения граждан: падает рождаемость, численность молодежи сокращается в условиях проводимой специальной военной операции (СВО), увеличивается количество неполных семей и детей-сирот. Также наблюдается ухудшение социально-экономических условий жизни российского общества, снижение образовательных и социокультурных возможностей развития несовершеннолетних и молодежи. В таких условиях и на фоне сохраняющегося рецидива преступлений на протяжении последних лет (более 50 %; в 2023 году выявлено лиц, ранее совершавших преступления, — 58,6 %) доля ранее судимых из числа ранее совершавших преступления среди несовершеннолетних достигла 38,6 %. «Зачастую подростки, состоящие на учете, совершают

преступления не два раза, а 10 или 13 раз подряд, — отметил глава Комитета Государственной Думы Российской Федерации по молодежной политике А. Метелев и резюмировал: — Система профилактики преступности в отношении подростков и молодежи не помогает им поменять свою модель поведения, поэтому нуждается в совершенствовании»¹.

Только официально на профилактическом учете в России состоит 420 тысяч детей и подростков. Учитывая вышеназванные факторы преступности, оценивая в комплексе происходящие негативные события (пандемия COVID-19, проведение СВО, террористические акты в Санкт-Петербургском метрополитене, в баре на Университетской набережной Санкт-Петербурга, в «Крокус Сити Холле», Дагестане), осложнившие условия жизни всего населения России, необходимо констатировать, что общество нуждается в усилении работы по общей профилактике подростковой и молодежной преступности.

Прежде всего следует определить основные приоритетные направления профилактики. В процессе осуществления профессиональной юридической деятельности на этих направлениях необходимо доносить информацию до аудитории о важности деятельности по профилактике, что поможет сформировать правильное понимание детерминации преступности, особенностей личности преступников в современных российских условиях, снизить напряжение в обществе, верно расставить приоритеты.

Информационное направление. Переориентация «криминальных» навыков на социально допустимые в условиях мирной жизни возможна и необходима, однако только при социальном принятии таких лиц.

Снижение в 2023 году числа лиц, ранее совершавших преступления (–9,1 %) и ранее судимых (–7 %), — это, с нашей точки зрения, результат воздействия нового фактора. Позволю высказать гипотезу о позитивном профилактическом воздействии СВО и ее сопутствующих факторов на указанную категорию граждан. На наших глазах отрицательная девиация утрачивается и даже переходит в позитивную; наблюдается изменчивость направлений зависимостей с криминальных на социально одобряемые. По итогам

¹ Метелев заявил, что в России 420 тыс. трудных подростков // ТАСС : информ. агентство России : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20365951?ysclid=ljwj8fhtgac373253151> (дата обращения: 04.06.2024).

2022 года, в условиях проведения специальной военной операции, выявлено на 1,3 % меньше ранее судимых лиц, вновь совершивших преступления, и на 7,8 % меньше лиц, совершивших преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ)¹. Эти же показатели за 2021 год, по сравнению с АППГ, составляли рост на 0,1 % и спад на 2 % соответственно.

В современных реалиях подвергается критике героизм лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и изъявивших желание отстаивать интересы России в ходе проведения СВО; в средствах массовой информации ставится под сомнение возможность проявления этими лицами преданности Родине в их пост-преступном поведении, обладания ими смелостью, высказываются мнения о невозможности самопожертвования ими на поле боя.

Сегодня СВО надо рассматривать как серьезный фактор, способствующий социализации лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы и добровольно оказавшихся в зоне максимального риска для своей жизни и здоровья с оружием в руках [1, с. 77]. Такая трансформация личности социально востребуема в российском обществе и должна вызывать у населения уважение. Определенный процент лиц, освободившихся из мест лишения свободы и участвовавших в СВО, совершают преступления. Это обычный криминологический показатель. Преступность — социальный конструкт, сколько существует общество, столько и будет существовать преступность.

Снижение миграционной преступности. За двенадцать месяцев 2023 года иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено на 3 % преступлений меньше, чем за 2022 год. На 12,4 % сократилось количество преступлений в отношении иностранцев. После ряда террористических актов, совершенных на территории России иностранными гражданами, правоохранительные органы активизировали работу по усилению контроля за миграционными потоками, что привело к снижению иностранной преступности и оттоку мигрантов. Однако население России без мигрантов обойтись не сможет.

Еще в 2008 году Фонд Организации Объединенных Наций по народонаселению, прогнозируя численность российских граждан к 2050 году, озвучил цифру в 107,8 млн человек с сокращени-

¹ Удельный вес от числа лиц, ранее совершавших преступления.

ем численности населения на 34 млн¹. По скорости сокращения численности населения России отводилось первое место. Естественные и вынужденные мигранты в одном случае помогают прокормить местное население, в другом — вызывают в обществе социальное напряжение, так как, социализируясь, участвуют в совершении преступлений. При этом уголовно-правовые деяния совершаются как самими мигрантами, так и в отношении их, поскольку мигрантами новая культура не всегда принимается, традиции и обычаи разнятся, языковые барьеры и поведенческие особенности не способствуют сближению народов. Мигрируют и преступные группы, объединенные на этнической основе и имеющие преступные специализации [2, с. 93], рассматриваемые как средство для зарабатывания денег. Стоит ли говорить, что от продуманной миграционной политики зависит уровень влияния миграционного фактора на российскую преступность? Кто едет в Россию сегодня? В основном это выходцы из бывших республик СССР, мигрирующие в поисках работы. Трудовая миграция погрязла в коррупции. Расследование совершенного террористического акта в «Крокус Сити Холле» и последовавшие правоохранные рейды уже дали первые результаты: выявлены фиктивные сертификаты о знании русского языка, незаконно оформленные трудовые патенты.

Снижение наркопреступности. Согласно статистике, в 2023 году совершено преступлений в состоянии наркотического опьянения на 9,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Особенностью российской молодежной наркопреступности является то, что она имеет высокий процент лиц ВИЧ/СПИД-инфицированных. Использование одной иглы на всех — не рядовой случай. Другой распространенный в этой среде сопутствующий диагноз — гепатит С. В разные временные периоды в России практиковалось умышленное распространение среди наркоманов зараженных игл, укалывание ими в местах скопления молодежи (дискотеки, бары), подбрасывание в почтовые ящики с целью наступления заражения.

В январе 2023 года в России резко выросла заболеваемость гепатитами, сифилисом (на 42 %), ВИЧ (на 20 %) и другими инфекционными болезнями. Эти данные были опубликованы на сайте

¹ Население России сократится к 2050 году на 34 млн человек : доклад ООН // РИА Новости : сетевое издание : офиц. сайт. URL: <https://ria.ru/20081113/154914602.html?ysclid=lugofrjoxz424501693> (дата обращения: 07.06.2024).

«Медвестник» со ссылкой на отчеты Росстата и Роспотребнадзора. Среди возможных причин роста заболеваемости эксперты называют пандемию COVID-19, ужесточение требований к сбору статистических данных и проведение спецоперации [3].

Молодой человек, еще не реализовавший себя в жизни, получив один из таких диагнозов, не всегда может психологически и физически справиться с болезнью, наступает ожесточение личности, повышается агрессия, появляется чувство безысходности. Поэтому фактор «избранной» заболеваемости остается постоянным фактором молодежной наркопреступности, а лица, объединенные на основе этого фактора, должны постоянно профилактироваться. Такая работа с группой риска, представленной лицами с «избранной» заболеваемостью, крайне необходима.

Снижение информационной преступности. Еще одним фактором, оказавшим существенное влияние на российскую преступность, стал непрогнозируемый, пережитый нами ковид [4, с. 39]. В тот двухлетний изоляционный период многие молодые люди лишились работы либо ее оплачиваемость упала до минимума, а преступность «переобулась», «встала на компьютерные рельсы». С помощью информационно-телекоммуникационных технологий криминальному воздействию подвергалась молодежь и несовершеннолетние [5, с. 32], активно реализовывались нарко-, порнобизнес, торговля оружием, людьми; всплеск получила экономическая преступность, особенно мошенничество. Такое воздействие на молодежь правомерно рассматривать как угрозу национальной безопасности, поэтому необходима система противодействия такой угрозе в сети «Интернет».

Снижение «военной» преступности. Специальная военная операция — сильнейший фактор молодежной преступности: участились факты совершения военных преступлений, корыстно-насильственных преступлений; выделились группы риска детей-сирот, оставшихся без отцов в результате их гибели в ходе проведения СВО, детей приграничных регионов, где военные действия реализуются.

Первостепенна система профилактических регулярных мероприятий в виде психологического сопровождения детей и молодежи, требующая введения дополнительных ставок психологов; разработки и внедрения среди педагогов курсов терпимости и толерантности с целью снижения ожесточения людей по отношению друг к другу, страха, тревог. В связи с ухудшением условий безопасно-

сти видится перспективной и временная мера в виде отсутствия публикации на официальных сайтах образовательных организаций приграничных регионов информации о планируемых очных массовых мероприятиях и местах вывоза детей.

Снижение подростковой преступности. Проблемой подростковой преступности является не только социальное неблагополучие. «Практически треть несовершеннолетних, нарушивших уголовный закон, воспитывалась в благополучных семьях, никогда не состояла на профилактическом учете и совершила общественно опасное деяние впервые. Что стало своеобразным триггером их поведения, как показывает следственная практика, — в практически половине случаев влияние группы, в составе которой и было совершено преступление. Отсутствие родительского контроля названо одной из причин подростковой преступности», — отметил А. И. Бастрыкин [6]. Не надо забывать и про криминализовавшиеся семьи, например, наркотизированные [7, с. 304].

Эти тезисы подтверждают актуализацию фактора социальной среды (семьи, микроокружения). Мало времени родители, к сожалению, проводят с детьми, в переходный период взросления несовершеннолетним свойственно «кучковаться», правила группы быстро ими принимаются как допустимые.

Перспективным содержанием направления профилактики преступности несовершеннолетних, на мой взгляд, сегодня является:

- 1) комплексный анализ опыта противодействия такой преступности различных, в том числе упраздненных, силовых структур;
- 2) разработка единой программы повышения квалификации по профилактике для системы силовых и несиловых ведомств, обучение по единым программам специалистов, работающих с несовершеннолетними;
- 3) групповая работа с группами риска и индивидуальная с каждым ее представителем.

Список источников

1. Готчина Л. В. О постпенитенциарной пробации «судимых, помилованных на войне» в условиях специальной военной операции // Петербургские пенитенциарные конференции. Сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций, Санкт-Петербург—Пушкин, 17—19 мая 2023 г. В 2 т. / Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний. СПб., 2023. Т. 2. С. 76—78.
2. Готчина Л. В. Молодежный наркотизм: состояние и проблемы профилактики (на материалах социологического исследования в Централь-

ном федеральном округе России) : монография. Белгород : БелЮИ МВД России, 2006. 252 с.

3. Шамардина Л. Росстат зафиксировал резкий рост заболеваемости острыми гепатитами и сифилисом в начале года // Медвестник : портал. URL: <https://medvestnik.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

4. Готчина Л. В. Коронавирус и изменения в структуре преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (57). С. 40—43.

5. Готчина Л. В. Цифровизация наркопреступлений и противодействия им // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 32—36.

6. Бастрыкин А. И. Опасный возраст // Российская газета. 2023. 31 мая.

7. Готчина Л. В. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (2). С. 304—313.

Информация об авторе

Л. В. Готчина — доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Information about the author

L. V. Gotchina — Doctor of Science (Law), Candidate of Science (Sociology), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/.7

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Роман Дмитриевич ШАРАПОВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, srd72@mail.ru*

Аннотация. Анализируются различные позиции судов о виде умысла как признака субъективной стороны в преступлениях,

связанных с распространением порнографических материалов в сети «Интернет». Демонстрируются преимущества и недостатки каждой позиции, различия между ними, зависящие от оценки объективной стороны преступления. Аргументируется вывод, что при оценке вины следует опираться на законодательную конструкцию интеллектуального элемента прямого умысла.

Ключевые слова: порнография, оборот порнографии, распространение порнографии, квалификация преступлений, судебная практика, умысел

Для цитирования: Шарапов Р. Д. Субъективная сторона распространения порнографических материалов в сети «Интернет» // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 139—152. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

THE MENS REA OF DISTRIBUTION OF PORNOGRAPHIC MATERIALS ON THE INTERNET

Roman D. SHARAPOV

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, srd72@mail.ru*

Abstract. The various positions of the courts on the type of intent as a sign of subjective element in crimes related to the distribution of pornographic materials on the Internet are analysed. The advantages and disadvantages of each position are shown, as well as the differences between them, depending on the assessment of the objective element of the crime. The author argued the conclusion that when assessing guilt, one should rely on the legislative construction of the intellectual element of direct intent.

Keywords: pornography, turnover of pornography, distribution of pornography, qualification of crimes, judicial practice, intent

For citation: Sharapov R. D. The mens rea of distribution of pornographic materials on the Internet // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 139—152. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

В соответствии с пунктом 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“»¹ «при квалификации преступлений, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“, должно быть установлено, что лицо осуществляло такие деяния умышленно, осознавало содержание и общественную опасность соответствующих действий, включая характер распространяемой, рекламируемой или демонстрируемой информации, предоставление доступа к ней широкому кругу лиц, а также должны быть установлены другие обстоятельства, имеющие значение для юридической оценки содеянного».

Указание Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум) на необходимость установления умышленной формы вины для квалификации данных преступлений без уточнения вида умысла, а также концентрация внимания на содержании интеллектуального элемента умышленной формы вины («...осознавало содержание и общественную опасность соответствующих действий, включая характер распространяемой, рекламируемой или демонстрируемой информации, предоставление доступа к ней широкому кругу лиц...») без упоминания волевого элемента могут послужить основанием для вывода о возможности совершения преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», не только с прямым умыслом, но и с косвенным умыслом. Такой

¹ Все названные в статье нормативные акты и материалы судебной практики, если не указано иное, смотри: КонсультантПлюс : справ.-правовая система : сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

вывод можно сделать и после анализа судебной практики по делам о незаконном распространении порнографических материалов в сети «Интернет».

Как среди правоприменителей, так и среди представителей уголовно-правовой доктрины преобладает точка зрения, согласно которой с субъективной стороны незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, в том числе их распространение (статьи 242, 242¹ УК РФ), характеризуются прямым умыслом¹ [1, с. 190—191; 2; 3, с. 128, 130; 4, с. 120, 124; 5, с. 635; 6, с. 138, 142].

Разделяя это мнение, Верховный Суд Российской Федерации обозначил позицию, в соответствии с которой действия пользователей информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»), связанные с размещением порнографических материалов на общедоступных ресурсах для личного просмотра (в файлообменных программах, на страницах социальных сетей и т. п.), если при этом не совершались другие действия, направленные на передачу указанных материалов неограниченному кругу лиц, не расцениваются как распространение порнографических материалов, в том числе тогда, когда пользователи осознают факт общедоступности размещенных порнографических материалов (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2019 № 16-УД19-7, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 № 77-291/2020). В одном из решений Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «по смыслу закона преступления, предусмотренные ст. 242 и ст. 242¹ УК РФ, могут быть совершены только с прямым умыслом, когда виновный осознает, что незаконно распространяет материалы порнографического характера, и желает этого», то обстоятельство, что подсудимому «было известно о сохранении скачанных на компьютер файлов порнографического содержания и особенностях программы, позволяющей другим пользователям скачивать данные файлы, само по себе не свидетельствует о прямом умысле осужденного на их распространение, а при косвенном умысле, если виновное лицо

¹ Обзор судебной практики Кемеровского областного суда от 23 июня 2005 г. № 01-19/320 по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ. Доступ через информ.-правовой портал «Гарант» ; Апелляционное определение Пензенского областного суда от 14 декабря 2016 г. № 22-1278/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не желает, а только допускает возможность наступления общественно опасных последствий, состав преступления ст. 242¹ УК РФ отсутствует» (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2021 № 89-УД21-8-К7). Такие же решения имеются в практике кассационных судов общей юрисдикции¹.

Благодаря такому подходу в доктрине сформулирован тезис, который с теоретической точки зрения объясняет позицию высшей судебной инстанции по сужению рамок субъективной стороны преступных действий, связанных с распространением порнографии: «Поскольку факт общедоступности порнографии, являющийся неизбежным в таких случаях последствием действий пользователя информационно-телекоммуникационной сети, в совокупности с вытекающим из ч. 2 ст. 25 УК выводом о наличии у него прямого умысла не считается достаточным основанием уголовной ответственности за распространение порнографических материалов, постольку следует признать, что с субъективной стороны распространение порнографических материалов или предметов характеризуется специальной целью — получение таких материалов или предметов группой или неограниченным кругом лиц» [7, с. 47].

Изложенной позиции придерживается в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, который отметил, что статья 242 УК РФ «указывает на наличие прямого умысла, направленного на незаконное распространение порнографических материалов или предметов, как обязательного условия привлечения правонарушителя к ответственности» (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.01.2009 № 41-О-О), в связи с чем данная норма отвечает требованию определенности, «не придан ей иной смысл и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 „О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Ин-

¹ Обобщение кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за второй квартал 2020 г. (типичные ошибки, допускаемые судами, входящими в кассационный округ) : утв. Президиумом Первого кассационного суда общей юрисдикции 3 сентября 2020 г. Определение от 30 июня 2020 г. № 77-950/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 2 марта 2021 г. № 77-995/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тернет“» (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2023 № 1757-О).

Вместе с тем по одному из уголовных дел о преступлении, предусмотренном пунктами «а», «г» части 2 статьи 242¹ УК РФ, Второй кассационный суд общей юрисдикции, отменяя решение суда апелляционной инстанции об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления, допустил, что указанное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Суть дела сводилась к тому, что районным судом Т. осужден за приобретение, хранение в целях распространения и распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, совершенные в отношении лица, не достигшего 14-летнего возраста. Судом установлено, что подсудимый в имеющийся в личном пользовании компьютер с целью распространения материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, используя информационную сеть «Интернет», загрузил на жесткий магнитный диск через программу «eMule» 1 944 файла, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, хранил указанные файлы с целью последующего распространения, достоверно зная о том, что они являются доступными для других пользователей сети «Интернет», тем самым распространял указанные материалы.

Суд апелляционной инстанции, оправдывая подсудимого, исходил из того, что преступление, предусмотренное статьей 242¹ УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом, и сослался на то, что, скачивая и храня файлы на своем компьютере, сам Т. никому их не передавал и не предлагал.

Однако суд кассационной инстанции принял во внимание то обстоятельство, что подсудимый владеет компьютером на уровне уверенного пользователя и осведомлен о том, что программа «eMule» скачивала и раздавала файлы, наименование которых отображается в программе. Отвергая довод суда апелляционной инстанции о том, что преступление, предусмотренное статьей 242¹ УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом, суд кассационной инстанции, ссылаясь на разъяснение, содержащееся в пункте 23 постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникацион-

ных сетей, включая сеть „Интернет“, заключил: «Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях указал, что преступные действия должны быть совершены умышленно, не утверждая, что умысел должен быть исключительно прямым, тем самым допуская и безразличное отношение виновного лица к наступившим последствиям, то есть совершение преступления с косвенным умыслом» (Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.01.2023 № 77-11/2023).

Дословное воспроизведение рассмотренной позиции встречается в решениях других кассационных судов общей юрисдикции по аналогичным делам (см., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2023 № 77-1206/2023, Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2023 № 77-908/2023).

Представляется, что обе указанные позиции судов имеют под собой основания, которые связаны с ответом на вопрос о том, включать или не включать факт использования другими лицами доступной в сети порнографической информации в число признаков объективной стороны преступления? Для оценки обсуждаемых здесь позиций судов указанный вопрос приобретает значение, потому как содержание форм вины (совокупность интеллектуального и волевого элементов) определяется психическим отношением привлекаемого лица к таким общественно опасным последствиям, которые входят в состав преступления [8, с. 68—69; 9, с. 374; 10, с. 104—105], вне зависимости от того, связан юридический момент окончания преступления с наступлением данных последствий или не связан (перенесен, исходя из конструкции состава, на более раннюю стадию преступной деятельности — так называемый усеченный состав).

Объективная сторона распространения порнографических материалов, по версии Пленума (пункт 22 постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“»), исчерпывается незаконным предоставлением конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности использования таких материалов, в частности путем размещения их на личных страницах и на страницах групп пользователей, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, ссылки для загрузки

(скачивания) файлов порнографического содержания. Преступление следует считать юридически оконченным с момента предоставления виновным лицом другим лицам доступа к указанным файлам¹.

Так, М. признан виновным в том, что, являясь пользователем локальной файлообменной сети интернет-провайдера, умышленно хранил в целях распространения и распространял путем обеспечения общего доступа неограниченному количеству пользователей материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также лиц, не достигших 14-летнего возраста. В ответ на доводы кассационной жалобы защитника о том, что осужденный не совершал активных действий по распространению порнографических материалов, а лишь создал возможность для их приобретения, поскольку люди сами принимали решение о скачивании данных материалов и самостоятельно совершали действия по их приобретению, суд кассационной инстанции указал, что действия М. по пункту «б» части 2 статьи 242¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 27.07.2009 № 215-ФЗ) квалифицированы судом первой инстанции верно. Состав преступления, предусмотренного статьей 242¹ УК РФ, является формальным. Распространение порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних и лиц, не достигших 14-летнего возраста, выразилось в обеспечении осужденным открытого общего доступа неограниченному количеству пользователей к своему компьютеру, где хранились файлы с указанной информацией (Кассационное определение Тульского областного суда от 26.10.2011 № 22-2581/2011).

В одном из решений Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «согласно диспозиции статьи 242¹ УК РФ инкриминируемое осужденному преступление не предполагает в качестве обязательного признака фактический просмотр кем-либо из посетителей страницы с размещенным на ней порнографическим сайтом; достаточно того, что, размещая в социальной сети „ВКонтакте“ такой сайт, осужденный исходил из того, что он может быть просмотрен неопределенным кругом лиц» (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2021 № 77-2121/2021, Определение Первого кассационного суда об-

¹ Доступ к информации — возможность получения информации и ее использования (пункт 6 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

щей юрисдикции от 19.07.2023 № 77-3319/2023)¹. Есть и такая позиция: «Поскольку диспозиция инкриминируемых преступлений заключается в приобретении, хранении и распространении материалов порнографического характера посредством сети „Интернет“, без обязательного наступления каких-либо иных последствий их распространения, неустановление органами предварительного следствия лиц, на аккаунты которых в социальной сети „В контакте“ осужденным данные материалы направлялись, не свидетельствует, вопреки доводам кассационной жалобы, об отсутствии в действиях осужденного составов преступлений» (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2022 № 77-2031/2022).

Таким образом, наличие или отсутствие факта того, что другие пользователи информационно-телекоммуникационной сети воспользовались предоставленным доступом (перешли по гиперссылке, сохранили или переслали ее, скопировали информацию на запоминающее устройство своего оборудования или просто ознакомились с размещенной информацией), не имеет значения для уголовно-правовой оценки содеянного, так как это последствие лежит за границей юридически оконченного состава преступления. Если представить, что по независимым от виновного обстоятельствам размещенный им в сети общедоступный порнографический контент никем не использован (не просмотрен, не скачан), то содеянное является юридически оконченным преступлением, а не покушением на него. Напротив, если по независимым от виновного обстоятельствам ему не удалось предоставить другому лицу доступ к порнографической информации (скажем, при безуспешной попытке отправить содержимое по электронной почте на несуществующий адрес), то имеются основания для квалификации таких действий как покушение на преступление.

Вместе с тем приведенные положения не исключают возможности оценки того обстоятельства, что другие пользователи информационно-телекоммуникационной сети воспользовались предоставленным доступом, в качестве такого общественно опасного последствия распространения порнографических материалов, которое охватывается объективной стороной составов преступлений, предусмотренных статьями 242 и 242¹ УК РФ, и фиксируют

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 июля 2023 г. П. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

момент не юридического, а фактического окончания преступления. Наступление отмеченного последствия, его масштаб (количество скачиваний или просмотров) влияют на даваемую при квалификации преступления оценку степени общественной опасности распространения порнографии и не требуют отдельной уголовно-правовой оценки этого последствия по другой статье Особенной части УК РФ (о проблеме дополнительной квалификации по пункту «а» части 3 или пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ либо по статье 135 УК РФ, если способом полового преступления было распространение порнографических материалов, смотри [11, с. 143, 176]) или в качестве обстоятельства,отягчающего наказание (пункт «б» части 1 статьи 63 УК РФ).

На этом основании не исключается возможность установления умысла по уголовным делам о распространении порнографии в зависимости от психического отношения субъекта к указанному последствию. И тогда психическое отношение виновного может выражаться не только в стремлении (желании) того, чтобы другие пользователи сети воспользовались предоставленным доступом к порнографическим материалам (прямой умысел), но и в сознательном допущении такого результата или в безразличном к нему отношении (косвенный умысел). Последнее актуально при рассмотрении уголовных дел, в которых сторона обвинения сталкивается с трудностями в опровержении версии стороны защиты, заявляющей о том, что, несмотря на установленный факт осознания обвиняемым общедоступности размещенных им порнографических материалов, его действия по их размещению совершены в целях личного просмотра и не сопровождались другими действиями, направленными на передачу указанных материалов неограниченному кругу лиц.

Если при оценке объективной стороны распространения порнографических материалов исходить из противоположного представления, выводя факт использования другими лицами находящихся у них в доступе материалов за пределы состава преступления, то форму вины субъекта следует определять по психическому отношению к первичному последствию действий субъекта, т. е. наличию у других лиц возможности использования запрещенной информации (доступа к ней).

Вторичное последствие, т. е. фактическое использование другими лицами доступной им информации (использование доступа), может охарактеризовать цель противоправных действий виновного

(не обязательно достижимую, что, как признают суды, не влияет на момент окончания преступления), если по уголовному делу будет установлено, что предоставление другим лицам возможности использования порнографических материалов сопровождалось такими целенаправленными действиями (или выражалось в таких целенаправленных действиях), как, например, прямое предложение воспользоваться размещенным на интернет-странице контентом, пересылка материалов другому лицу в личном сообщении или рассылка их в чате мессенджера ограниченному или неограниченному кругу пользователей, сохранение файлов в файлообменной сети под названиями, однозначно свидетельствующими о том, что на них содержатся порнографические изображения, и т. п.

Если указанная цель совершения действий с оказавшейся в общем доступе информацией порнографического содержания по делу не установлена, то это не может служить поводом к тому, чтобы считать такие действия преступлением, совершенным с косвенным умыслом. Довод о том, что лицо не желало, но сознательно допускало реальное использование другими пользователями сети ставшей для них доступной порнографической информации, вряд ли пригоден, потому что психическое отношение к этому находящемуся за рамками состава преступления последствию не может составлять интеллектуального и волевого элемента умысла.

Проблема может решаться при помощи другого инструмента.

По уголовным делам данной категории Пленум ориентировал суды на то, что в числе обстоятельств, указывающих на умышленную форму вины, должно быть установлено осознание виновным факта предоставления доступа к запрещенной информации широкому кругу лиц, что может подтверждаться такими обстоятельствами, как обладание знаниями в области информационных технологий и навыками пользователя компьютерной техники, осведомленность об автоматическом размещении добавленных на свою страницу видеофайлов в новостной ленте «друзей» и о возможности свободного просмотра таких файлов, что подтверждается отметкой об ознакомлении с правилами пользования интернет-сайтом социальной сети при регистрации в ней, несовершением действий по запрету доступа другим пользователям социальной сети к своей странице, на которой размещены порнографические материалы¹, указание пользователем папок с файлами, из кото-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) ; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации

рых он разрешает другим пользователям скачивание информации при помощи файлообменной программы (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2022 № 47-УДп22-3-К6) и т. п. В таком случае, несмотря на то, что порнографический материал размещен на общедоступном ресурсе для личного использования и не установлено, что субъект его передавал или предлагал другим лицам, интеллектуальный элемент умысла при распространении порнографии состоит в предвидении виновным не только возможности, но и неизбежности факта общедоступности порнографии для других лиц, что предопределяет, согласно предписанию части 2 статьи 25 УК РФ, вывод о совершении преступления не с косвенным, а с прямым умыслом.

В свою очередь, копирование (скачивание) порнографической информации с сохранением ее в заведомо для виновного общедоступных местах на запоминающих устройствах или в интернет-ресурсах дает основание для квалификации содеянного не только как распространение порнографических материалов, наказуемое согласно статьям 242, 242¹ УК РФ, но и как их приобретение и хранение в целях распространения или публичной демонстрации, наказуемые согласно статье 242¹ УК РФ, если предметом преступных действий являются материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Решение обсуждаемого вопроса с опорой на законодательную конструкцию интеллектуального элемента прямого умысла — лицо предвидело неизбежность наступления общественно опасных последствий («такое предвидение может иметь место, как правило, при наличии прямой (однозначной) причинной связи между деянием и последствием», когда «сознанием виновного исключаются какие-либо обстоятельства, в соответствии с которыми желаемые последствия могут не наступить» [12, с. 91; 9, с. 374]) — позволяет избежать противоречия с позицией Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, допускающих основание уголовной ответственности за распространение порнографии при условии прямого умысла, оставаться в русле разъяснений Пленума и других решений Верховного Суда Российской Федерации относительно границ объективной стороны, момента окончания и формы вины в составе распространения

от 8 декабря 2022 г. № 1-УДП22-10-К. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

порнографии с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, не вступать в диссонанс с позицией уголовно-правовой доктрины, отстаивающей тезис о невозможности совершения преступлений с формальными составами кроме как с прямым умыслом.

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 3. Особенная часть. Раздел I / В. А. Давыдов, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2024. 298 с.
2. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2010. 576 с.
3. Кобзева Е. В. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности : учебное пособие. Москва : Юрлитинформ, 2014. 165, [1].
4. Шалагин А. Е. Преступления, связанные с организацией проституции и распространением порнографии (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 200 с.
5. Филиппов П. А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности : монография. Москва : Проспект, 2022. 680 с.
6. Бурлаков В. Н., Готчина Л. В., Плоткина Л. Н., Семенова В. В. Защита здоровья населения и общественной нравственности в уголовном праве : учебное пособие / под ред. В. Н. Бурлакова. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2023. 320 с. (Учебники и учебные пособия).
7. Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43—48.
8. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. Москва : Проспект, 2006. 220 с.
9. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2007. 736 с.
10. Квалификация преступлений : учебное пособие для вузов / А. В. Наумов, К. В. Ображиев, С. В. Пархоменко [и др.] ; под ред. О. С. Капинус. 2-е изд. Москва : Юрайт, 2024. 204 с.
11. Хромов Е. В. Разграничение развратных действий и распространения порнографических материалов среди несовершеннолетних в сети Интернет // Уголовное право. 2024. № 5. С. 62—75.

12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 1. Общая часть / В. А. Давыдов, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2024. 316 с.

Информация об авторе

Р. Д. Шарапов — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

R. D. Sharapov — Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.3/.7

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА
ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ**

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, roman888rus2016@yandex.ru*

Аннотация. Представлен анализ некоторых признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 291.1 УК РФ. Изучены положения отечественного законодательства, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, научные труды, посвященные рассматриваемой теме, а также практика судов общей юрисдикции. На основании результатов проведенного анализа выявлены проблемные вопросы, связанные с квалификацией указанного состава преступления, в частности вопросы неоконченного посредничества, самовознаграждения посредника и влияния размера взятки на квалификацию деяния посредника. Сформулированы рекомендации по разрешению квалификационных трудностей, возникающих при применении нормы статьи 291.1 УК РФ.

Ключевые слова: взяточничество, посредничество, статья 291.1 УК РФ, объективная сторона, обещание посредничества, предложение посредничества

Для цитирования: Кравченко Р. М. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 152—159. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MEDIATION IN BRIBERY

Roman M. KRAVCHENKO

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, roman888rus2016@yandex.ru*

Abstract. The analysis of some signs of the objective aspect of the corpus delicti provided for by Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation has been presented. The provisions of domestic legislation, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific papers on the topic under consideration, as well as practice of courts of general jurisdiction have been studied. Based on the results of the analysis, the author has identified problematic issues related to the qualification of the mentioned above corpus delicti, in particular, the issues of unfinished mediation, self-reward of the mediator and the influence of the size of the bribe on the qualification of the mediator's act. Recommendations on the resolution of qualification difficulties arising from the application of the norm of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation have been formulated.

Keywords: bribery, mediation, article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, objective aspect, the promise of mediation, proposal in mediation

For citation: Kravchenko R. M. Problems of qualification of mediation in bribery // Pressing problems of procuratorial activities :

lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 152—159. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Криминализация посреднических действий, совершаемых в интересах взяткодателя и взяткополучателя, в рамках самостоятельного состава преступления, предусмотренного статьей 291.1 УК РФ, обоснованно вызвала вопросы у правоприменителя в части толкования признаков данного деяния. В частности, это обусловлено формулировкой диспозиции части 1 статьи 291.1 УК РФ, которая расширила перечень пособнических действий, совершаемых при взяточничестве, по сравнению с перечнем, предусмотренным частью 5 статьи 33 УК РФ.

Действующей редакцией статьи 291.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за физическое посредничество (непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя) и интеллектуальное посредничество (иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки). Альтернативная конструкция диспозиции существенно ограничила возможность квалификации деяния посредника как неоконченного преступления. По справедливому утверждению П. С. Яни, «если в качестве предмета выступает вещь, которую лицо... так и не передало должностным лицам, то такое лицо несет ответственность лишь за покушение на физическое посредничество. Если, конечно, помимо этого не совершило действий, образующих оконченное интеллектуальное посредничество» [1, с. 56].

В соответствии с правилами квалификации преступлений с альтернативной диспозицией состава посредник может не довести преступление до конца лишь в тех случаях, когда его роль заключалась исключительно в физической передаче предмета незаконного вознаграждения. Когда же посредник участвует во взяточничестве не только в физической форме, но и, например, организует встречи участников коррупционной сделки, его деяние следует квалифицировать как оконченное преступление, предусмотренное частями 1—4 статьи 291.1 УК РФ. Данное правило нашло отражение и в пункте 13.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по де-

лам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «Посредничество путем иного способствования в достижении или реализации соглашения следует считать оконченным с момента выполнения посредником одного из этих действий независимо от достижения или реализации соглашения между взяткодателем и взятокополучателем, а равно между лицом, передающим предмет коммерческого подкупа, и лицом, его получающим».

Так, Х. и Т. предварительно договорились о совершении посредничества во взяточничестве. Должностное лицо Б. в ходе личной беседы с Х. сообщил недостоверные сведения о достижении между ним и должностными лицами договоренности, пояснив, что за отмену решения о приостановке операций по счетам организации необходимо будет передать денежные средства в виде взятки, сумму которой он обязался сообщить позднее. При этом Х. и Т. разницу между фактически полученной суммой от представителя организации А. и суммой, переданной должностным лицам, планировали обратить в свою пользу в качестве вознаграждения за оказанные незаконные посреднические услуги. Далее Т. сообщил А., что между ним и должностными лицами достигнуто соглашение, пояснив, что для реализации данной договоренности необходимо передать ему денежные средства в размере 1 млн рублей, в состав которых будет входить сумма, которую необходимо передать в виде взятки работникам, а также его и Х. вознаграждение за незаконные посреднические услуги¹.

В приведенном примере Х. и Т. обоснованно осуждены за совершение преступления, предусмотренного пунктами «а», «б» части 3 статьи 291.1 УК РФ, поскольку их действия не ограничились лишь обещанием или предложением посредничества, а заключались в ведении переговоров между взяткодателем и взятокополучателем и последующей передаче предмета незаконного вознаграждения. Кроме того, они поставили взяткодателя в известность о том, что в сумму денежных средств входит как взятка, так и оплата их посреднической деятельности.

Значительные трудности вызвала необходимость оценки действий посредника с учетом появления части 5 статьи 291.1 УК РФ, а именно оценки обещания или предложения посредничества во взяточничестве.

¹ Приговор Прикубанского районного суда г. Краснодара от 12 мая 2020 г. по делу № 1-349/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ugzImmhLhHln/> (дата обращения: 27.05.2024).

В целях установления единообразного подхода к квалификации действий посредника Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес изменения в постановление «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Так, если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1—4 статьи 291.1 УК РФ, содеянное квалифицируется как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291.1 УК РФ. Дача данного разъяснения продиктована необходимостью системного толкования норм статьи 291.1 УК РФ и недопущения искусственного дробления стадий одного преступления на отдельные эпизоды преступных деяний. Однако криминализация обещания или предложения посредничества во взяточничестве в качестве самостоятельного основания уголовной ответственности привело к тому, что виновное лицо фактически не может совершить покушение на совершение преступления, предусмотренного статьей 291.1 УК РФ. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий, направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве. Следовательно, не имеет значения, дошло ли высказывание о намерении или согласии в посредничестве до участников взяточничества, деяние посредника следует квалифицировать как оконченное преступление, предусмотренное частью 5 статьи 291.1 УК РФ. Таким образом, недоведение физического или интеллектуального посредничества до конца не может оцениваться как покушение на совершение преступлений, предусмотренных частями 1—4 статьи 291.1 УК РФ, поскольку полностью охватывается частью 5 указанной статьи. Данный вывод следует из того, что санкцией части 5 статьи 291.1 УК РФ предусмотрено более строгое наказание в отличие от норм, устанавливающих ответственность за физическое или интеллектуальное пособничество¹.

¹ Стоит отметить, что в санкциях частей 4 и 5 статьи 291.1 УК РФ установлены равные размеры наказания в виде лишения свободы, однако в случае недоведения физического или интеллектуального пособничества до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, уже данное обещание или предложение в посредничестве является более тяжким ввиду того, что это деяние юридически окончено.

Кроме того, нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что в случае обращения взятки в свою пользу посредник добровольно отказывается от доведения преступления до конца [2, с. 24]. В силу положений части 3 статьи 31 УК РФ лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления. Отказ посредника от передачи взятки получателю исключает квалификацию по частям 1—4 статьи 291.1 УК РФ, однако в его деянии содержится оконченный состав предложения или обещания посредничества (часть 5 статьи 291.1 УК РФ), который и подлежит вменению в данном случае.

Описанный пример не подпадает под разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации деяния посредника как мошенничества, когда посредник не намеревался передавать ценности должностному лицу либо другому посреднику и обратил полученные ценности в свою пользу, так как в таких ситуациях виновное лицо изначально не имело умысла на передачу взятки, а обещание или предложение являлись обманом как способом хищения.

Признаки посредничества во взяточничестве, определенные в статье 291.1 УК РФ, действительно создают серьезные трудности при оценке случаев фактического невыполнения обещанных действий по передаче взятки.

Во-первых, посредник может решить обратить в свою пользу часть ценностей, передаваемых в качестве взятки. В таких ситуациях размер фактически переданной взятки может не превышать 25 тыс. рублей. Такие действия не могут быть квалифицированы по частям 1—4 статьи 291.1 УК РФ ввиду несоответствия криминообразующему размеру взятки при посредничестве во взяточничестве. Однако подобное поведение виновного не должно исключать уголовную ответственность, предусмотренную частью 5 статьи 291.1 УК РФ, когда обещание или предложение посредничества во взяточничестве было высказано относительно предмета незаконного вознаграждения, достигающего значительного, крупного или особо крупного размера.

Во-вторых, нет единства мнений относительно квалификации самого факта обращения посредником взятки в свою пользу. Стоит согласиться с П. С. Яни в том, что обращение предмета незаконного вознаграждения в пользу посредника не может быть квали-

фицировано по статье 160 УК РФ ввиду незаконности наделения посредника полномочиями относительно имущества взяткодателя, заключающимися в совершении преступления [2, с. 24].

Квалификация подобных деяний по статье 165 УК РФ также видится неверной ввиду того, что, во-первых, если в качестве взятки выступают денежные средства или иное имущество, то они отвечают признакам предмета хищения, во-вторых, в качестве способов причинения ущерба в рамках данного преступления определены обман или злоупотребление доверием, которые не используются посредником в случаях обращения взятки в свою пользу [3, с. 72].

Однако согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова», уголовный закон относит к объективным признакам хищения не только изъятие, но и, в том числе в качестве альтернативы изъятию, обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. В таких случаях необходима оценка факта совершения действий (бездействия), направленных на противоправное обращение в свою пользу или в пользу иных неуправомоченных лиц, исходя из того, что такое поведение приобретает общественно опасный характер, образует по сути единое сложное деяние, направленное на неосновательное обогащение, указывает на корыстную цель, а также на причинение владельцу ущерба.

Таким образом, обращение посредником в свою пользу взятки, оказавшейся в его фактическом владении, может быть квалифицировано как кража, совершенная путем обращения чужого имущества. Однако эта квалификация не отменяет юридически оконченное поведение посредника во взяточничестве, которое образует окончанный состав преступления. В зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления и роли посредника в механизме передачи взятки его деяние может быть дополнительно квалифицировано по части 1—4 статьи 291.1 УК РФ (в случаях совершения интеллектуального посредничества) либо по части 5 статьи 291.1 УК РФ (обещание или предложение посредничества).

Список источников

1. Яни П. С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // *Законность*. 2023. № 7 (1065). С. 52—56.
2. Яни П. С. Квалификация «самовознаграждения» посредника во взяточничестве // *Законность*. 2015. № 1. С. 20—25.
3. Малетина М. А. «Мнимое» посредничество во взяточничестве: проблемы теории и правоприменения // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2022. № 4 (49). С. 69—73.

Информация об авторе

Р. М. Кравченко — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

R. M. Kravchenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3/7

УБИЙСТВО МАЛОЛЕТНЕГО ИЛИ ИНОГО ЛИЦА, ЗАВЕДОМО ДЛЯ ВИНОВНОГО НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ (П. «В» Ч. 2 СТ. 105 УК РФ)

Денис Юрьевич КРАЕВ

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, k.d1979@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрены вызывающие затруднения при квалификации признаки предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Ключевые слова: убийство, малолетний, лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии, пункт «в» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Краев Д. Ю. Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 159—170. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

**THE MURDER OF A MINOR OR ANOTHER PERSON WHO
IS KNOWN BY THE OFFENDER TO BE IN A HELPLESS STATE
(PARAGRAPH «C» OF PART 2 OF ARTICLE 105
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Denis Ju. KRAYEV

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, k.d1979@yandex.ru*

Abstract. The article considers the signs of the murder of a minor or other person who is known by the offender to be in a helpless state provided for by paragraph 'c' of part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: murder; minor; a person who is known by the offender to be in a helpless state, paragraph "c" of part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Krayev D. Ju. The murder of a minor or another person who is known by the offender to be in a helpless state (paragraph «c» of part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 159—170. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Согласно части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России».

В Приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»¹ нижестоящим прокурорам предписано «обеспечить системный и своевременный прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов, исходя из того, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Первостепенной задачей рассматривать предупреждение нарушений прав детей, причинения им вреда, профилактику преступлений среди подростков» (пункт 1.1); «систематически проверять исполнение законодательства об охране здоровья и жизни несовершеннолетних» (пункт 2.1.1); «особое внимание уделять рассмотрению сообщений о смерти несовершеннолетних, об их сексуальной эксплуатации, о торговле ими, о посягательствах, получивших широкий общественный резонанс, а также о безвестном исчезновении» (пункт 2.2.1).

В качестве потерпевших малолетний или иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии, кроме пункта «в» части 2 статьи 105 УК РФ, которым предусмотрена ответственность за убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, названы в таких квалифицированных составах, как доведение до самоубийства (пункт «а» части 2 статьи 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (пункт «а» части 3, часть 5 статьи 110.1 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (пункт «б» части 2 статьи 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (пункт «в» части 2 статьи 112 УК РФ); истязание (пункт «г» части 2 статьи 117 УК РФ); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (часть 2 статьи 120 УК РФ); торговля людьми (пункт «з» части 2 статьи 127.1 УК РФ). Использование беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего) является одним из способов совершения изнасилования и насильственных действий сексуального характера (статья 131, статья 132 УК РФ). В статье 125 УК РФ предусмотрена ответственность за за-

¹ Все названные в статье нормативные акты и материалы судебной практики, если не указано иное, смотри: КонсультантПлюс : справ.-правовая система : сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

ведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние.

Совершение преступления в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица является обстоятельством, отягчающим наказание (пункт «з» части 1 статьи 63 УК РФ).

Как справедливо отмечено, «непомерная жестокость людей по отношению к себе подобным, но оказавшимся „по воле рока“ в беспомощном состоянии, будучи непреложным фактом, тем не менее не укладывается в сознании, не поддается рациональному объяснению и вызывает нравственный протест» [1, с. 48].

Объектом убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, является жизнь малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а правовой формой — правоотношения по охране жизни малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Потерпевшим в рассматриваемом убийстве является малолетний, т. е. несовершеннолетний, не достигший возраста 14 лет¹, или иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии.

Рассмотрим значение предусмотренного в пункте «в» части 2 статьи 105 УК РФ термина «беспомощное состояние».

Согласно положениям статей 23, 29 Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Приказу Минздрава России от 30.06.2022 № 451н «Об утверждении Порядка проведения медицинского психиатрического освидетельствования» беспомощность — это неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности (в том числе вследствие психического заболевания).

В пункте 23 Указа Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» и в пункте 111 по-

¹ См., напр.: статьи 28, 172 Гражданского кодекса Российской Федерации, статья 2 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве».

становления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» в качестве причины беспомощного состояния военнослужащего называется тяжелое ранение или контузия.

Согласно пункту 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, применительно к части 3 статьи 318 и части 4 статьи 20 УПК РФ могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 УК РФ)» разъясняется, что «по пункту „в“ части 2 статьи 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее».

На практике суды к беспомощным лицам относят: престарелых (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.08.2008 № 30-О08-8), тяжелобольных (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2008 № 46-О08-73), инвалидов (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2010 № 59-О10-22) (в том числе в связи с психическим заболеванием), лиц преклонного возраста (Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2010 № 161-П10) и т. д.

Так, приговором Омского областного суда от 28.04.2021 Ц. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части 4 статьи 162, пунктами «в», «з» части 2 статьи 105 УК РФ, и осуждена. Исходя из установленных факти-

ческих обстоятельств дела, суд квалифицировал действия Ц. как нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью, убийство У., 1932 года рождения, заведомо находящейся в беспомощном состоянии, сопряженное с разбоем. В кассационной жалобе адвокат П. в интересах осужденной просил об отмене судебных решений и о направлении дела на новое судебное разбирательство либо об их изменении ввиду неправильной правовой оценки действий Ц.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 13.01.2022 оставила приговор и апелляционное определение без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу уголовного закона по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Как установлено судом, осужденная Ц. достоверно знала о преклонном возрасте потерпевшей У., ее неспособности в силу физического состояния защитить себя и осознавала эти обстоятельства. Таким образом, суд правильно квалифицировал действия осужденной по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ¹.

Нередко о беспомощности состояния убитого свидетельствует совокупность обстоятельств. Так, по одному из дел Верховный Суд Российской Федерации такими обстоятельствами признал то, что потерпевшей «на момент убийства исполнился 81 год, три года назад она стала инвалидом II группы, при ходьбе испытывала затруднения, ей было тяжело подниматься и спускаться по лестнице, в связи с чем она иногда пользовалась тростью» (Апелляционный

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 декабря 2022 г. Определение № 50-УД21-13-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2014 № 58-АПУ14-51).

Согласно пункту 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» «изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии». Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих постановлениях выделяет две разновидности беспомощности: физическую и психическую.

В науке уголовного права высказываются различные мнения относительно данного обстоятельства: одни ученые согласны, что к беспомощному состоянию должна относиться и физическая, и психическая беспомощность потерпевшего [2, с. 264], другие полагают — только физическая, поскольку при психической беспомощности (душевная болезнь, сон, сильная степень алкогольного опьянения и т. д.) потерпевший в момент лишения жизни не испытывает никаких страданий, поэтому данное обстоятельство не повышает степень общественной опасности убийства и достаточно квалификации содеянного по части 1 статьи 105 УК РФ [3, с. 43].

Мы не можем согласиться с последним утверждением по следующим основаниям:

ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» ничего не говорится о том, что потерпевший должен осознавать факт лишения его жизни (более того, внеся Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» изменения в пункт «в» части 2 статьи 105 УК РФ и включив в него категорию «малолетний»,

законодатель лишь подтвердил сказанное, поскольку, например, годовалый ребенок точно не осознает, что его собираются убить);

повышенная общественная опасность убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, обуславливается вовсе не тем, что в момент причинения смерти потерпевший испытывает страдания. С этим обстоятельством связывается установление специального признака «особая жестокость», предусмотренного пунктом «д» части 2 статьи 105 УК РФ (хотя не исключено и сочетание рассматриваемых признаков);

русское законодательство и судебная практика причины беспомощности человека связывают как с физическими, так и с психическими недостатками потерпевшего.

Так, Верховный Суд Российской Федерации по одному из дел указал, что по смыслу закона уголовно-правовое содержание понятия «беспомощное состояние потерпевшего» определяется как «такое физическое либо психическое состояние, которое объективно лишает потерпевшего возможности защитить себя. Как правило, такие потерпевшие либо вообще не могут понимать характер и значение совершаемых в отношении их действий, либо осознают указанные обстоятельства, но заведомо неспособны к совершению самостоятельных активных действий, направленных на оказание сопротивления напавшему на них лицу» (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2008 № 46-О07-101).

Субъект предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 105 УК РФ убийства — общий, физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста 14 лет (статья 19, часть 2 статьи 20 УК РФ).

Объективная сторона данного преступления состоит из деяния (действия или бездействия), направленного на лишение жизни малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, последствия в виде его смерти и причинной связи между деянием и последствием.

Субъективная сторона убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, характеризуется прямым или косвенным умыслом, когда виновный 1) либо осознает общественную опасность своего деяния, направленного на лишение жизни малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, предвидит возможность или неизбежность наступления его

смерти и желает ее наступления (например, если убийца дважды наносит удар ножом в грудь тяжелобольному человеку); 2) либо осознает общественную опасность своего деяния, направленного на лишение жизни малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, предвидит возможность наступления его смерти, не желает, но сознательно допускает ее наступление или относится к ней безразлично (например, когда виновный, избивая восьмидесятилетнего инвалида, сдавливает ему горло рукой, преодолевая его сопротивление, в результате чего потерпевший умирает от асфиксии).

Аналогичной точки зрения придерживаются и другие ученые [4, с. 70].

Мотив убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, может быть любым (ревность, месть, зависть и т. д.). Если этот мотив предусмотрен в качествеотягающего обстоятельства в части 2 статьи 105 УК РФ, как, например, мотив национальной ненависти (пункт «л»), то подлежит вменению наряду с пунктом «в» указанной нормы.

Поскольку в силу части 2 статьи 5 УК РФ объективное вменение не допускается, сложно согласиться с высказываемым в литературе утверждением, что по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ необходимо квалифицировать убийство малолетнего и в том случае, когда виновный не осознавал недостижения потерпевшим 14-летнего возраста.

Верховным судом Республики Хакасия от 18.11.2011 К. осужден за совершение преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30, пунктом «в» части 2 статьи 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13.06.1996), т. е. признан виновным в покушении на убийство малолетнего, а именно лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии.

Находясь в квартире с 10-летним потерпевшим Ф., К. воспринял как личное оскорбление требование покинуть квартиру, стал избивать Ф., нанося ему удары по голове резиновой дубинкой и металлическим молотком, а также несколько раз ударил кухонным ножом в грудь. Увидев, что Ф. приходит в сознание, К. сдавливал его шею шарфом до тех пор, пока Ф. не перестал подавать признаков жизни. Поскольку потерпевшему была своевременно оказана медицинская помощь, К. не сумел довести преступный умысел на убийство до конца.

В кассационной жалобе К. просил приговор отменить, считая, что суд неправильно квалифицировал действия осужденного, так как у него не было умысла на убийство потерпевшего. Считает, что сам по себе 10-летний возраст не свидетельствует о беспомощности потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор изменила в части наказания, а кассационную жалобу осужденного оставила без удовлетворения, указав следующее. Вина К. в совершении преступления в отношении Ф. подтверждается материалами уголовного дела. Так, при допросе в качестве подозреваемого К. показал, что, находясь в квартире с малолетним Ф., нанес ему многочисленные удары ножом в область грудной клетки и молотком в область головы, душил шарфом до тех пор, пока Ф. не перестал подавать признаков жизни. Исследовав обстоятельства содеянного, учтя количество, характер, способ и локализацию причиненных потерпевшему телесных повреждений, суд пришел к правильному выводу о том, что преступление совершено К. с прямым умыслом, т. е. он осознавал общественную опасность своих действий, предвидел неизбежность наступления смерти потерпевшего и желал этого. Однако смерть Ф. не наступила по независящим от воли К. причинам, а именно в результате своевременно оказанной Ф. медицинской помощи. Обоснованным является вывод суда о том, что К. осознавал, что Ф. в силу своего малолетнего возраста и физического развития находился по отношению к нему в беспомощном состоянии и не мог оказать сопротивления, в том числе убежать или позвать кого-либо на помощь, поскольку в квартире, дверь которой К. запер, они изначально находились вдвоем.

Малолетние дети, неспособные в силу возраста и физического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление, каковым на момент совершения преступления являлся потерпевший, признаются лицами, находящимися в беспомощном состоянии (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2012 № 55-О12-2).

Рассматриваемый пример показателен, во-первых, тем, что покушение на убийство малолетнего, как и любое покушение, совершается только с прямым умыслом. О прямом умысле на лишение жизни потерпевшего свидетельствуют локализация телесных повреждений, их количество, орудие убийства и другие обстоятельства: К. наносил Ф. удары по голове резиновой дубинкой

и металлическим молотком, несколько раз ударил кухонным ножом в грудь, а затем сдавливал шею потерпевшего шарфом до тех пор, пока тот не перестал подавать признаков жизни. Очевидно, что малолетний Ф. находился в беспомощном состоянии, и доводы К. о том, что сам по себе 10-летний возраст потерпевшего не свидетельствует о его беспомощности, несостоятельны. Более того, действующей редакцией пункта «в» части 2 статьи 105 УК РФ прямо предусмотрена ответственность за убийство малолетнего.

Поскольку в пункте «в» части 2 статьи 105 УК РФ признак «малолетний» специально выделен законодателем, убийство, например, полуторагодовалого ребенка необходимо квалифицировать согласно пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ по этому признаку без вменения признака «иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии».

Так, Челябинским областным судом С. была признана виновной в убийстве малолетнего, заведомо для нее находящегося в беспомощном состоянии, и осуждена за совершение преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 105 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и апелляционное определение в отношении С. по следующим основаниям. Согласно диспозиции пункта «в» части 2 статьи 105 УК РФ уголовная ответственность наступает в случае причинения смерти малолетнему или иному лицу, заведомо для виновного находящемуся в беспомощном состоянии. Как установлено судом, С., являясь матерью потерпевшего, которому на момент посягательства исполнился 1 год 2 месяца, осознавала его малолетний возраст. По смыслу уголовного закона малолетнее лицо находится в беспомощном состоянии в силу своего возраста, что исключает дополнительную квалификацию действий виновного по указанному квалифицирующему признаку, предусмотренному пунктом «в» части 2 статьи 105 УК РФ. При таких обстоятельствах Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации исключила осуждение С. по пункту «в» части 2 статьи 105 УК РФ по квалифицирующему признаку совершения убийства «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»¹.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2023 г. Определение № 48-УД21-45-А2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Бачанин В. А., Панов Н. И. Достоевский: философия, социология и психология преступления. Харьков : Основа, 2001. 135 с.
2. Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 898 с.
3. Дементьев С. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 42—44.
4. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2000. 348 с.

Информация об авторе

Д. Ю. Краев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. Ju. Krayev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Полина Викторовна ФЕДЫШИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, effo@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема квалификации незаконного сбыта наркотических средств, связанная с разграничением сбыта как единичного продолжаемого преступления и совокупности преступлений при нескольких эпизодах сбыта, совершенных путем закладок. Проанализирована судебная практика, позиции высшей судебной инстанции и Генеральной прокуратуры Российской Федерации, предложены рекомендации по квалификации много эпизодного сбыта наркотических средств.

Ключевые слова: сбыт наркотических средств, закладка наркотических средств, продолжаемое преступление, совокупность преступлений

Для цитирования: Федышина П. В. Некоторые проблемы квалификации незаконного сбыта наркотических средств // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 170—180. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

ON QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL SALES OF NARCOTIC DRUGS

Polina V. FEDYSHINA

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, effo@yandex.ru*

Abstract. The author has examined the current problem of qualifying the illegal sale of narcotic drugs related to the differentiation between sales as a single ongoing crime and a set of crimes in several episodes of sales of narcotic drugs using drug caches; have analysed judicial practice, positions of the highest court body and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, and have offered recommendations on qualification of multi-episode sales of narcotic drugs.

Keywords: sale of narcotic drugs, cache of narcotic drugs, ongoing crime, set of crimes

For citation: Fedyshina P. V. On qualification of crimes related to illegal sales of narcotic drugs // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 170—180. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Серьезной проблемой при квалификации сбыта наркотических средств путем закладок является разграничение единично-

го продолжаемого преступления и совокупности преступлений. Следует отметить, что судебная практика по данному вопросу единообразiem не отличалась, и действия по сбыту наркотических средств, совершенные при схожих обстоятельствах, нередко квалифицировались по-разному. Так, когда практика шла по пути квалификации многоэпизодного сбыта как единого продолжаемого преступления, правоприменитель устанавливал совокупность объективных и субъективных признаков: принадлежность наркотических средств к одной партии; нахождение у сбытчика всего объема наркотических средств, предназначенных для сбыта; юридическая тождественность действий (эпизодов сбыта); наличие умысла на сбыт всего объема наркотических средств (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2021 № 25-УД21-12-К4¹).

В целях единого толкования закона и формирования одинаковой судебно-следственной практики правоприменителем неоднократно предпринимались и предпринимаются попытки решения указанных проблем. Однако ориентиры для правоприменителя по квалификации нескольких эпизодов сбыта (покушения на сбыт) наркотических средств разным лицам регулярно меняются, в связи с чем в судебной практике имеются примеры как одной, так и другой квалификации.

Так, в 2016 году Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал квалифицировать действия лица, имеющего умысел на сбыт наркотических средств нескольким лицам при отсутствии с ними предварительной договоренности на реализацию всего объема этих средств, как самостоятельные преступления, предусмотренные частью 1 статьи 228.1 УК РФ. Кассационная инстанция вынесла свое определение, оставив в силе приговор районного суда 2009 года по делу в отношении О., покушавшегося на сбыт наркотического средства двум разным лицам при отсутствии с ними договоренности на приобретение всего имевшегося объема наркотических средств (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.07.2016 № 5-УД16-61)².

¹ Все названные в статье нормативные акты и материалы судебной практики, если не указано иное, смотри: КонсультантПлюс : справ.-правовая система : сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приведенная позиция в дальнейшем нашла свое отражение также в других решениях высшей судебной инстанции.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставлен в силе приговор в отношении С., умысел которого был направлен на «множественный сбыт разложенного количества наркотических средств разным потенциальным потребителям, которые имели возможность приобрести наркотические вещества через различные тайники-закладки, в разное время и в разных местах», и при этом отсутствовали доказательства, что наркотические средства, разложенные в разные закладки, предназначались для одного потребителя или существовала договоренность с потребителем о реализации всего объема наркотических средств (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.04.2022 № 31-УД22-1-К6).

По другому уголовному делу виновный З., сделавший совместно с Т. семь закладок и задержанный еще с двумя свертками психотропного вещества, полагал, что им совершено одно продолжаемое преступление, поскольку все преступные деяния совершены в один день, с незначительным интервалом и направлены были на достижение одной цели. Однако суд, оставив в силе приговор, в обоснование своего решения практически дословно использовал приведенную ранее формулировку по делу С. и указал, что «при таких обстоятельствах действия осужденных хоть и совершены в короткий промежуток времени, в пределах одного города, образуют отдельные, самостоятельные преступления» (Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.05.2023 по делу № 77-1319/2023¹).

В некоторых уголовных делах данный подход имеет более выраженный характер, а судами были использованы следующие формулировки: виновный предполагал «в каждом конкретном случае самостоятельное разрешение вопросов, связанных со сбытом хранившегося у него с этой целью наркотического средства конкретным покупателям после очередной договоренности с ними» (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 № 44-УДП21-14-К7, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 15-УДП21-12-К1; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции

¹ URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=10343512&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 17.04.2024).

от 09.09.2021 № 77-2925/2021), «получив посредством изъятия из единого источника общую массу наркотиков, осужденные... распределяли их в дальнейшем для сбыта неопределенному кругу лиц, которые на тот момент не фигурировали еще в качестве потенциальных приобретателей» (Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2021 по делу № 85УД20-5). Как отмечают некоторые авторы, при таком подходе проигнорирован «единый умысел на сбыт всей массы наркотического средства и то, что сбываемое наркотическое средство ранее составляло единую массу» [1].

Можно сделать вывод, что суды при квалификации нескольких эпизодов сбыта наркотических средств как совокупности преступлений опирались в основном на факт проведения виновным нескольких закладок, свидетельствующий о наличии нескольких потенциальных приобретателей наркотических средств, и отсутствие договоренности с приобретателями относительно сбыта всего имеющегося объема наркотических средств.

В то же время, несмотря на рекомендации Верховного Суда Российской Федерации о квалификации многоэпизодного сбыта наркотических средств нескольким лицам как совокупности преступлений, предусмотренных статьей 228.1 УК РФ, в судебной практике также имеется ряд примеров иной квалификации.

Рассмотрим несколько актуальных примеров объединения разных эпизодов сбыта (покушения на сбыт) наркотических средств.

Судебной коллегией по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции в отношении Р. были объединены два эпизода покушения на сбыт наркотических средств, изъятых при личном досмотре (35 свертков марихуаны) и по месту жительства. Суд посчитал, что «если виновный имеет умысел на сбыт всего имеющегося у него наркотического средства, и в целях последующего их сбыта он совершает такие действия в несколько приемов или хранит в разных местах, содеянное им не образует совокупности преступлений <...> храня с целью сбыта наркотические средства в одежде и в жилом помещении... преследовал единую цель сбыта всей массы наркотических средств, в связи с чем его действия не могут свидетельствовать о совершении им ряда преступлений, образующих совокупность». В результате объединения двух эпизодов осужденному было снижено наказа-

ние с 10 до 9 лет лишения свободы (Кассационное определение от 01.11.2023 по делу № 77-4523/2023¹).

В другом случае Судебная коллегия по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, объединив два эпизода, смягчила приговор Ч. (у которого наркотические средства были изъяты из одной сделанной им закладки и при личном досмотре), указав, что «действия осужденного по реализации наркотических средств были выполнены во исполнение единого умысла, направленного на незаконный сбыт всей массы полученных наркотических средств, как помещенных им в закладку, так и изъятых при проведении личного досмотра осужденного», поэтому содеянное не может быть квалифицировано как совокупность преступлений (Кассационное определение от 14.03.2023 по делу № 7У-1094/2023 [77-1222/2023]).

Аналогичное решение было принято Судебной коллегией по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции: были объединены эпизоды покушений на сбыт наркотических средств, изъятых при личном досмотре, при обыске в жилище и из проведенной закладки. Судебная коллегия усмотрела наличие умысла на незаконный сбыт всей массы наркотического средства, как помещенного О. в тайник-закладку, так и обнаруженного в ходе личного досмотра его подельника Х. и в ходе осмотра пожарного щитка в подъезде по месту жительства последнего (Кассационное определение от 15.06.2023 по делу № 7У-3907/2023 [77-1940/2023]).

В мотивировочной части приговора в отношении Е. Судебная коллегия по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции указала, что действия осужденного по реализации наркотических средств (8 закладок) были выполнены во исполнение единого умысла, направленного на незаконный сбыт всей массы полученных наркотических средств, помещенных Е. в закладки, а при таких обстоятельствах содеянное им не может расцениваться как совокупность преступлений (Кассационное определение от 14.12.2023 по делу № 77-4707/2023).

Установление направленности умысла на сбыт всего имеющегося объема наркотических средств позволило правоприменителю в приведенных примерах квалифицировать несколько эпизодов

¹ URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=6056108&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 27.05.2024).

сбыта как единое продолжаемое преступление. О единстве умысла могут свидетельствовать временные и территориальные признаки: промежутки времени и расстояние между закладками.

Так, виновный сделал 20 закладок амфетамина на территории лесопарка в относительно небольшие интервалы времени между каждой закладкой. Верховный Суд Российской Федерации, учтя данные обстоятельства, переквалифицировал содеянное с совокупности 20 эпизодов на единое продолжаемое преступление (Кассационное определение от 11.03.2021 № 5-УД2116-К2).

По другому делу А. получил три свертка наркотических средств в целях сбыта и осуществил две закладки, а третий сверток хранил при себе до момента задержания. Суд указал, что «действия... состоящие из ряда тождественных преступных деяний, совершенных в одном доме и в одном районе города через незначительный промежуток времени, объединенных единым умыслом, образуют одно продолжаемое преступление, а не множественность преступлений» (Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 по делу № 7У-1603/2022 [77-1142/2022]). Интересно, что этот же кассационный суд по делу З. и Т. пришел к диаметрально противоположному мнению, не приняв во внимание те аргументы, на которых основано решение по делу А. (см. ранее указанное Кассационное определение от 04.05.2023 по делу № 77-1319/2023).

Анализируя приведенные примеры и судебные решения, можно констатировать, что даже при учете направленности умысла виновного и всех фактических обстоятельств дела у судов отсутствует единообразие при квалификации многоэпизодного сбыта путем закладок. Правоприменитель при схожих условиях квалифицирует содеянное по-разному и остро нуждается в четких рекомендациях высшей судебной инстанции, о чем неоднократно заявляли не только практические работники, но и теоретики [2, с. 9].

Определенные надежды относительно разъяснения содержания сбыта наркотических средств как единого продолжаемого преступления правоприменитель связывал с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 42 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях». В пункте 7 проекта указанного постановления имелись соответствующие рекомендации в части квалификации нескольких эпизодов сбыта наркотических средств как единичного преступления: «Каждое

из деяний лица, имеющего умысел на сбыт наркотических средств нескольким лицам при отсутствии с ними предварительной договоренности на реализацию всего объема этих средств, следует квалифицировать как самостоятельное преступление, предусмотренное соответствующей частью статьи 228.1 УК РФ. Если лицо незаконно приобрело определенный объем наркотических средств и распределило данные средства на части с размещением их в тайниках (закладках) для последующего сбыта, такие действия также следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 228.1 УК РФ, поскольку действия лица, связанные с поиском возможных приобретателей наркотических средств, размещенных в тайниках, их оповещением о местах расположения тайников, получением оплаты за переданные таким способом наркотические средства, свидетельствуют о самостоятельном умысле на сбыт наркотических средств, размещенных в каждом из указанных тайников». Однако из окончательной редакции указанного Постановления данный пункт был исключен, что вновь не позволило правоприменителю выработать единый подход с опорой на позицию высшей судебной инстанции.

Отсутствие рекомендаций Верховного Суда Российской Федерации повлекло толкование нескольких эпизодов сбыта наркотических средств путем закладок как единого продолжаемого преступления. В обоснование данного подхода правоприменитель опирался на следующие обстоятельства: отсутствие договоренностей с приобретателями наркотиков; наличие единого преступного умысла на сбыт всего имеющегося объема наркотических средств; незначительный разрыв во времени между отдельными эпизодами сбыта; одно место сбыта (населенный пункт); несколько закладок. Все названные обстоятельства и свидетельствовали о совершении виновным не совокупности преступлений, а единого продолжаемого преступления, с учетом всего объема сбываемых наркотических средств. Как совокупность деяний, предусмотренных статьей 228.1 УК РФ, могли быть квалифицированы эпизоды сбыта лишь при установлении умысла виновного, направленного на передачу наркотического средства определенным лицам. В целом же правоприменитель исходил из особенностей каждого уголовного дела и квалифицировал содеянное исходя из направленности умысла, установленного на основании конкретных обстоятельств конкретного преступления, с учетом времени, места и способа его совер-

шения, т. е. по-прежнему решал вопрос о квалификации содеянного по своему усмотрению.

Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2024 утвержден Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (Обзор)¹, отразивший актуальные правовые позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по проблемным вопросам квалификации дел данной категории.

Так, правоприменительно необходимо учитывать, что об умысле на незаконный сбыт свидетельствуют такие обстоятельства, как количество (крупный размер) изъятого наркотического средства и его расфасовка в удобную для последующего сбыта упаковку, перевозка большого количества (объема) наркотических средств лицом, их не употребляющим, в совокупности с иными доказательствами (в том числе с результатами оперативно-разыскных мероприятий); при этом наркозависимость самого виновного не препятствует возникновению указанного умысла (пункты 5, 7 Обзора).

В пункте 10 указанного Обзора Верховный Суд Российской Федерации зафиксировал свою позицию относительно квалификации сбыта, совершенного путем размещения нескольких закладок, как совокупности преступлений: «Действия, которые были направлены на сбыт наркотических средств нескольким потенциальным приобретателям и выражались в расфасовке наркотических средств и размещении их в разных тайниках-закладках, следует рассматривать применительно к каждой закладке как отдельное преступление с самостоятельным конкретизированным умыслом, а в целом такие действия — как совокупность преступлений, предусмотренных статьей 228.1 УК РФ». В качестве примера в Обзоре приведено Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2023 № 46-УД23-27, из которого следует, что умысел виновного по делу был направлен на сбыт конкретной отдельной части наркотических средств, поскольку они были расфасованы и разложены в тайники, расположенные в разных местах хранения, и предназначались не одному лицу, а нескольким потенциальным покупателям, которые имели возможность приобрести наркотические средства через различные тайники-закладки.

¹ Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33761/?ysclid=lya0mgo49k51370281> (дата обращения: 12.04.2024).

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации рекомендует действия виновного по размещению наркотических средств в нескольких тайниках-закладках, хотя и совершенные в один период на одном участке местности, но с целью сбыта разным лицам, квалифицировать как самостоятельные преступления (пункт 11 Обзора).

Таким образом, анализ имеющейся судебной практики и учет позиции Верховного Суда Российской Федерации позволяют выделить следующие обстоятельства дела, установление которых дает возможность правоприменителю обоснованно решить вопрос о наличии одного или нескольких эпизодов сбыта наркотических средств при его совершении путем создания тайников-закладок:

1. Направленность умысла на реализацию всего имеющегося объема наркотических средств (наркозависимость виновного не препятствует возникновению указанного умысла).

2. Единство умысла.

3. Наличие договоренностей у сбытчика с приобретателями наркотических средств.

4. Тождественность деяний (эпизодов).

5. Аналогичный способ в разных эпизодах.

6. Значительность разрывов во времени между эпизодами сбыта.

7. Количество (крупный размер) изъятого наркотического средства и его расфасовка в удобную для последующего сбыта упаковку.

8. Перевозка большого количества (объема) наркотических средств лицом, их не употребляющим.

9. Размещение закладок в одном месте (населенном пункте).

10. Размещение расфасованных наркотических средств в одном или нескольких тайниках-закладках.

11. Удаленность мест закладок друг от друга.

12. Источник (источники) происхождения наркотических средств.

13. Время получения наркотических средств для их размещения в тайниках.

14. Иные конкретные обстоятельства дела (в том числе результаты оперативно-разыскных мероприятий).

В целом, при решении вопроса об отграничении единичного продолжаемого сбыта от совокупности преступлений при сбыте наркотических средств путем размещения закладок основным

обстоятельством, влияющим на квалификацию, является направленность умысла на сбыт всего объема наркотических средств при наличии или отсутствии договоренности с приобретателями. Остальные перечисленные обстоятельства позволяют сделать вывод о единстве умысла, и лишь совокупность всех обстоятельств дела дает возможность для обоснованной квалификации содеянного либо как совокупности преступлений, либо как единичного продолжаемого преступления.

Список источников

1. Конин В. В., Пяшин С. А. Сбыт наркотиков посредством многократных закладок. Спорные вопросы квалификации // Уголовный процесс. 2021. № 7. С. 34—41.

2. Борков В. Н., Суверов С. Е. Разграничение единого продолжаемого преступления и совокупности преступлений при квалификации сбыта наркотических средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 3. С. 3—10.

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.1

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ОШИБКИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ

Елена Борисовна СЕРОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, serowa@yandex.ru*

Николай Владимирович ЯКОВЛЕВ

Прокуратура Новгородской области

Аннотация. Рассматриваются вопросы повышения средствами прокурорского надзора качества предварительного следствия по делам о незаконном обороте наркотиков. Выделены и систематизированы типичные следственные ошибки, допускаемые следователями на различных стадиях уголовного судопроизводства. Высказанные теоретические положения проиллюстрированы примерами из судебной практики.

Ключевые слова: следственная ошибка, прокурор, незаконный оборот наркотиков, расследование, прокурорский надзор

Для цитирования: Серова Е. Б., Яковлев Н. В. Типичные следственные ошибки по делам о незаконном обороте наркотиков // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 181—195. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

TYPICAL INVESTIGATIVE ERRORS IN DRUG TRAFFICKING CASES

Elena B. SEROVA

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, serowa@yandex.ru*

Nikolay V. YAKOVLEV

*Criminal Judicial Department
of the Prosecutor's Office of the Novgorod region.*

Abstract. The article considers the issues of improving the quality of preliminary investigation in cases of illegal drug trafficking by means of prosecutorial supervision. Typical investigative errors made by investigators at various stages of criminal proceedings have been highlighted and systematized. The theoretical propositions said have been illustrated by examples of judicial practice.

Keywords: investigative error, prosecutor, drug trafficking, investigation, prosecutor's supervision

For citation: Serova E. B., Yakovlev N. V. Typical investigative errors in drug trafficking cases // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 181—195. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Незаконный оборот наркотиков занимает значительное место в структуре преступности, что предполагает необходимость тщательного исследования закономерностей как совершения преступлений, образующих данную преступную группу, так и их расследования. Анализ правоприменительной практики показывает, что, несмотря на достаточно глубокое исследование на теоретическом уровне проблем противодействия указанным преступлениям, практики нередко не в полной мере решают возложенные на них задачи и допускают ошибки как в досудебном производстве, так и в судебных стадиях уголовного процесса. Поскольку основа доказательственной базы формируется в досудебном производстве, следственные ошибки носят наиболее значимый для достижения (вернее, недостижения) назначения уголовного процесса характер, что побуждает нас в очередной раз обратиться к исследованию данного вопроса. По нашему мнению, такое исследование необходимо не только следователю, в чьем производстве находится уголовное дело о незаконном обороте наркотиков, но и прокурорам, осуществляющим надзор за исполнением процессуального законодательства, поскольку позволит надлежащим образом оценить доказательственную базу и своевременно принять меры к устранению допущенных нарушений. Осведомленность о типичных ошибках, допускаемых при расследовании уголовных дел о преступлениях названной группы, является необходимым условием для обеспечения качественной подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству, а также формирования обоснованной процессуальной позиции по существу рассматриваемых ходатайств, исключающей затягивание судебного процесса.

Вопрос о типичных следственных ошибках по делам о незаконном обороте наркотиков неоднократно становился предметом научных исследований. В настоящей работе мы его рассмотрим исходя из той стадии уголовного производства, на которой ошибки совершаются.

Стадия проверки заявления (сообщения) о преступлении и возбуждения уголовного дела. К данной группе ошибок в первую очередь можно отнести ошибки, связанные с ненадлежащей оценкой материалов, полученных в ходе оперативно-разыскной деятельности (ОРД).

Общеизвестно, что значительная часть (если не абсолютное большинство) уголовных дел о незаконном обороте наркотиков возбуждается по результатам оперативно-разыскных мероприя-

тий (ОРМ). Как правило, органы, осуществляющие ОРД, проводят комплекс ОРМ, главным и ключевым из которых является ОРМ «проверочная закупка». К сожалению, до настоящего времени на практике встречаются случаи неправильного наименования данного ОРМ (например, контрольная закупка), а также его ненадлежащее документальное оформление. Так, оценивая представленные материалы, необходимо обращать внимание на наличие соответствующего постановления о проведении ОРМ, а также на субъекта, вынесшего это постановление. Если постановление вынесено или утверждено лицом, не имеющим на то полномочий, вся последующая деятельность будет осуществляться без законных на то оснований. Устранение данного нарушения невозможно, оно носит, если можно так выразиться, пресекательный для последующего уголовного производства характер.

Нередко приходится сталкиваться с ошибками, которые формально могут быть отнесены к ошибкам технического характера: указание даты, времени, места составления документа или производства ОРМ, отсутствие необходимых подписей, неверное указание номеров банковских купюр и др. Такие ошибки выявляются во вводной и описательно-мотивировочной части постановления о производстве ОРМ, а также в иных документах, составляемых в связи с осуществлением ОРД. Здесь же следует упомянуть ошибки технического характера, допускаемые при проведении аудио- или видеозаписи, связанные с низким качеством записи, неправильной настройкой даты видеозаписи, названия файла и т. п.

Действительно, это могут быть опiski и опечатки, а также погрешности использования научно-технических средств. Наличие таких ошибок не оказывает существенного влияния на достоверность полученной в рамках ОРМ информации, они достаточно легко устраняются путем допроса лиц, указанных в материалах ОРД, с объяснением причин допущенных нарушений, а также путем приобщения дополнительных документов, объясняющих причину возникновения ошибок. Хороший результат дает использование более чуткого с технической точки зрения оборудования для прослушивания и просмотра имеющихся в деле записей на цифровых носителях. При необходимости даже в ходе судебного следствия, не говоря уже о досудебном производстве, могут быть назначены криминалистические, программно-технические и иные экспертизы. Данный путь довольно широко используется в судебных стадиях уголовного процесса и достаточно благосклонно воспринима-

ется судом. Однако, по нашему мнению, выявление такой ошибки предполагает необходимость изучения прокурором всех материалов ОРД, сопоставление содержащейся в них информации, в том числе с учетом последовательности ее поступления, что позволит выявить факты фальсификации материалов ОРД и предотвратит появление уже другой, более существенной ошибки — судебной.

До настоящего времени имеют место случаи некорректного определения целей производства ОРМ, что влечет за собой повторное проведение однотипных мероприятий в отношении одного и того же лица, что является признаком провокации преступления. В качестве примера приведем Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2022 по делу № 77-1281/2022¹, которым по жалобе осужденной К. отменены приговор районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда в части осуждения К. по части 1 статьи 228.1 УК РФ, уголовное дело в этой части прекращено в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. Как следует из кассационного определения, 31.05.2021 К. осуждена за совершение преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228.1, частью 1 статьи 228.1, частью 1 статьи 232 УК РФ, и приговорена к лишению свободы на срок 5 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Апелляционным определением от 18.08.2021 приговор оставлен без изменения.

В ходе рассмотрения дела судом кассационной инстанции установлено, что в подтверждение выводов о виновности К. в совершении 06.05.2020 незаконного сбыта наркотических средств суд в приговоре сослался, среди прочего, на доказательства, полученные в результате ОРМ, проведенных 06.05.2020, хотя причастность К. к незаконному обороту наркотиков по результатам проведения ОРМ установлена еще 17.02.2020. Кроме того, из материалов дела следует, что в период с 14.02.2020 по 21.02.2020 за жилым помещением, где проживала К., осуществлялось ОРМ «наблюдение», по результатам которого возбуждено уголовное дело за совершение деяния, предусмотренного частью 1 статьи 232 УК РФ. Из обзорной справки врио начальника ОКОН ОМВД России по <...> району, по состоянию на 27.02.2020, становится очевидным тот

¹ URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7543244&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 14.06.2024).

факт, что личность К. и ее вероятная причастность к совершению указанных деяний были установлены.

Отменяя приговор, суд кассационной инстанции указал, что в соответствии с требованиями закона при достижении цели оперативно-разыскного мероприятия дальнейшая оперативно-разыскная деятельность допустима лишь при условии ее соответствия задачам, перечисленным в статье 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», к числу которых относятся выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Однако, вопреки задачам оперативно-разыскной деятельности, после того, как в период проведения ОМР с 17.02.2020 по 27.02.2020 была выявлена причастность К. к незаконному обороту наркотических средств и предоставлению помещения для употребления наркотических средств, сотрудники правоохранительного органа не пресекли преступную деятельность, а вновь 06.05.2020 провели в отношении К. ОМР «проверочная закупка», при этом каких-либо новых результатов достигнуто не было. С учетом этого суд пришел к выводу, что предъявленное обвинение и выводы суда первой инстанции о виновности К. в незаконном сбыте наркотических средств, совершенном 06.05.2020, основаны на недопустимых доказательствах.

По нашему мнению, в данном случае имело место отсутствие критического подхода к оценке следователем, прокурором и судом материалов, полученных в результате ОМР. Если бы органы, осуществляющие ОРД, корректно прописали в документах цели проведения ОМР в каждом отдельном случае, и эти цели не совпадали бы, полученные оперативным путем материалы могли быть использованы в доказывании. Поскольку этого не сделали, необходимо было исключить эпизод от 06.05.2020 из обвинения еще в досудебном производстве.

Не менее существенные негативные последствия влечет нарушение требований закона при изъятии наркотиков у заподозренного лица и освидетельствование данного лица для установления факта нахождения в состоянии наркотического опьянения. Так, лицо, осуществляющее уголовное преследование, должно обращать внимание на действительную незаинтересованность в исходе дела граждан, присутствовавших при изъятии наркотика. В протоколе досмотра задержанного должны быть указаны их пол-

ные установочные данные, что является условием для последующего вызова и допроса лиц как на следствии, так и в суде, что позволит установить достоверность информации, зафиксированной в процессуальном документе, возможность ее использования в качестве доказательства. Также следует обращать внимание на то, как был упакован наркотик после изъятия, был ли он опечатан, чьи подписи стоят на упаковке. Это позволит опровергнуть версию о подмене вещества после его изъятия у заподозренного субъекта.

В ходе проверки информации о преступлении нередко возникает необходимость изъятия наркотиков и предметов, используемых при совершении преступления (для изготовления наркотиков, их хранения, перемещения и пр.), в том числе в жилище заподозренного лица. В этих случаях должен проводиться осмотр места происшествия, в ходе которого фиксируется обстановка на месте происшествия, осуществляется поиск, фиксация и изъятие следов преступления (в том числе следов человека), а также изъятие объектов материального мира, имеющих отношение к исследуемому событию. На практике не вызывает сомнений тот факт, что должен быть проведен именно следственный осмотр. Однако нередко следователи недооценивают важность фиксации обстановки в протоколе осмотра места происшествия и ограничиваются только указанием на изымаемые объекты и места их нахождения на месте происшествия. В результате складывается впечатление, что вместо следственного действия под наименованием «осмотр места происшествия» фактически проведен обыск жилища или иного помещения. В последующем данная ошибка позволяет стороне защиты заявлять о подмене одного следственного действия другим, что может повлечь исключение важнейшего доказательства из числа обвинительных.

К этой же группе ошибок следует, на наш взгляд, отнести и ошибки, связанные с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части принятия решения о возбуждении уголовного дела, соединении возбужденных уголовных дел по многоэпизодным делам, определении подследственности (территориальной и ведомственной). Речь в данном случае идет об отсутствии в деле всех необходимых постановлений о возбуждении уголовного дела или о соединении уголовных дел, а также о неправильном определении того органа предварительного расследования, в чьем производстве должно на-

ходиться уголовное дело. Устранение данной ошибки возможно только в досудебном производстве.

В качестве примера приведем кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции, которым изменен приговор районного суда в отношении Л.: из осуждения Л. исключены действия, связанные с незаконным хранением без цели сбыта психотропного вещества в крупном размере, а именно смеси, содержащей психотропное вещество амфетамин, общей массой 149,20 грамма. Основанием для этого послужило отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела по факту незаконных действий, производимых с вышеуказанным психотропным веществом. При этом суд кассационной инстанции указал, что само по себе последующее предъявление обвинения Л. в совершении единого преступления, предусмотренного частью 3 статьи 30, частью 5 статьи 228.1 УК РФ, не освобождает следователя от процессуальных обязанностей, предусмотренных статьями 143, частью 1 статьи 144 УПК РФ. Исключение из приговора хранения амфетамина, общей массой 149,20 грамма, повлекло уменьшение размера психотропного вещества, что послужило основанием для переквалификации действий осужденного с части 2 статьи 228 на часть 1 статьи 228 УК РФ¹.

Стадия предварительного расследования. Вторая группа содержит ошибки процессуального, криминалистического и уголовно-правового характера.

К типичным ошибкам, совершаемым на данной стадии предварительного расследования, мы относим, прежде всего, нарушения закона, связанные с обеспечением процессуальных гарантий участников процесса, т. е. нарушение права на защиту: в частности, не проверяются добровольность отказа от защитника и отсутствие у обвиняемого материальных оснований для такого отказа; осуществление защиты членов преступной группы одним защитником; несвоевременное ознакомление обвиняемых (подозреваемых) с заключениями судебных экспертиз; проведение следственных действий в отсутствие судебного разрешения и др. Имеют место случаи допроса лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения или наркотического голодания. Особо выделим в качестве следственной ошибки формализм при проверке версии обви-

¹ URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9852840&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 14.06.2024).

няемого (как правило, это версия об оговоре его лицом, участвующим в закупке) и невыяснение всех обстоятельств, необходимых для проверки возможной версии защиты о добровольной выдаче наркотиков.

Не все из названных ошибок препятствуют дальнейшему движению дела и постановлению приговора. В частности, если один адвокат представляет интересы нескольких участников группы, государственный обвинитель может заявить ходатайство о его отводе, полученные доказательства (протоколы следственных действий с участием указанного защитника) могут быть признаны недопустимыми. Представляется верной практика вынесения судом по ходатайству государственного обвинителя частного определения в отношении адвоката, ненадлежащим образом исполнявшего свои профессиональные обязанности. При отсутствии в материалах дела судебных постановлений, разрешающих производство ОРМ и следственных действий, документы можно истребовать в суде.

Неполноту следствия в известной мере можно восполнить и в ходе судебного следствия. Лицо, допрошенное в состоянии наркотического опьянения или при развитом абстинентном синдроме, может быть допрошено повторно, хотя весьма вероятно изменение им показаний относительно того, что было зафиксировано в протоколе первоначального допроса, который признается недопустимым доказательством. Здесь следует отметить, что нередко версия о наличии этого нарушения является надуманной и должна рассматриваться как одна из версий защиты, что предполагает необходимость ее тщательной проверки. Для предупреждения выдвижения данной версии представляется необходимым проведение допросов лиц, подозреваемых в причастности к незаконному обороту наркотиков, с использованием видеозаписи, которая впоследствии может быть осмотрена с участием специалиста-нарколога для дачи им аргументированного пояснения относительно состояния допрашиваемого лица.

Важное место в доказывании занимает комплекс следственных действий, связанных с изъятием и исследованием наркотического средства. Выше мы уже обращали внимание на важность изучения документов, в которых отражен факт изъятия наркотика. Применительно к стадии предварительного расследования отметим, что наиболее типичным способом изъятия наркотика является проведение такого следственного действия, как обыск. Оценивая протокол обыска, необходимо обращать внимание на наличие

информации о понятых, месте и обстоятельствах обнаружения наркотика, количестве и характеристике изъятых объектов, на пояснения участников обыска и т. д. В дальнейшем при необходимости может быть проведен допрос понятых об обстоятельствах их участия в следственном действии. В литературе и на практике встречаются предложения о допросе специалиста, оперативного работника и следователя. Признавая возможность допроса первых двух участников, выскажем возражение относительно допроса следователя, который проводил следственное действие. И не только в связи с тем, что фактически мы переводим следователя в положение лица, подозреваемого в совершении служебного преступления, и вынуждаем свидетельствовать против себя или давать ложные показания. Такой допрос явно выходит за рамки предмета и пределов доказывания по делу и служить в качестве доказательства по делу не может. Примером успешного устранения такой ошибки может быть кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции, которым по результатам рассмотрения кассационной жалобы адвоката и кассационного представления заместителя прокурора области отменено апелляционное определение областного суда, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение.

Приговором городского суда П. осужден за совершение преступлений, предусмотренных пунктом «г» части 4 статьи 228.1, пунктом «г» части 4 статьи 228.1, частью 3 статьи 30, пунктом «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ, и приговорен к лишению свободы на срок 14 лет 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Апелляционным определением приговор в части осуждения П. по одному из преступлений, предусмотренных пунктом «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ, отменен, уголовное дело в этой части передано на новое разбирательство в суд первой инстанции; внесены изменения в описательно-мотивировочную часть приговора; наказание смягчено до 12 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Суд апелляционной инстанции изменил приговор в части осуждения П. по части 3 статьи 30, пункту «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ, уменьшив массу обнаруженного в ходе обыска наркотического средства, и указал в качестве основания своего решения, что в протоколе обыска имеется исправление количества обнаруженных в морозильной камере пакетиков с «3» на «4», которое

надлежащим образом не заверено. Поскольку все сомнения толкуются в пользу обвиняемого, суд пришел к выводу об исключении из обвинения пакетика с самым большим содержанием наркотического средства.

Судом первой инстанции для проверки доводов стороны защиты о допущенных нарушениях при проведении обыска допрошены понятые, а также следователь. Из этих показаний следует, что из морозильной камеры изъят пакет, содержащий в себе несколько пакетиков с порошкообразным веществом, пакет не вскрывался, чтобы предотвратить занесение следов на содержащиеся внутри пакетики; также изъята пачка из-под сигарет с полимерным пакетом, содержащим порошкообразное вещество. Согласно постановлению о назначении химической судебной экспертизы для ее проведения направлены полимерный пакет, содержащий пачку из-под сигарет с полимерным пакетом с порошкообразным веществом, а также полимерный пакет с полимерными пакетами с порошкообразным веществом, изъятые в ходе обыска. Из заключения эксперта следует, что на исследование поступили два пакета. В первом пакете обнаружена пояснительная записка с надписью: «Полимерный пакет... изъят в морозильной камере...» и подписями, а также полимерный пакет, в котором находятся четыре пакета, вещество в которых экспертом обозначено № 1, массой 4,81 грамма, № 2, массой 4,79 грамма, № 3, массой 4,67 грамма, № 4, массой 4,76 грамма. Во втором пакете обнаружена пояснительная записка с надписью: «Упаковка из-под сигарет...» и подписями, а также пачка из-под сигарет, в которой обнаружен пакет с порошкообразным веществом, обозначенным экспертом № 5, массой 22,66 грамма. Указанные доказательства положены в основу вывода суда первой инстанции об отсутствии оснований для признания протокола обыска недопустимым доказательством, в том числе с учетом неустойчивого исправления количества пакетиков, изъятых из морозильной камеры, поскольку из совокупности исследованных доказательств достоверно установлено, что из морозильной камеры изъят пакет с четырьмя пакетиками с порошкообразным веществом, которые в последующем упакованы и направлены на экспертизу.

Судом кассационной инстанции при проверке доводов жалобы стороны защиты принято решение, что оснований признавать протокол обыска недопустимым доказательством не имеется. При таких обстоятельствах решение суда апелляционной инстанции

об исключении из обвинения одного пакетика с наркотическим средством является необоснованным, противоречащим установленным судом апелляционной инстанции обстоятельствам и принятым без должной проверки доказательств по делу¹.

Характеризуя ошибки, допускаемые следователями на стадии предварительного расследования незаконного оборота наркотиков, нельзя не упомянуть нарушение требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Так, в ходе расследования не устанавливается точное наименование и вес наркотического средства; не устраняются противоречия в части описания вида, массы и упаковки наркотических средств в разных документах, содержащихся в материалах уголовного дела; не выясняется способ изготовления или производства наркотика с учетом изъятых вещественных доказательств и т. д.

Выше мы уже упоминали о недостаточном исследовании отдельных версий защиты подозреваемых (обвиняемых). Здесь мы обратим внимание на такие негативные обстоятельства, как пассивность следствия, отсутствие наступательности в части установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Например, далеко не всегда первоначальные показания задержанных лиц тщательно проверяются и подтверждаются, при совершении преступлений в соучастии при наличии признательных показаний не исследуются вопросы о распределении ролей в группе. Если ставится вопрос о наличии в действиях виновных признаков совершения преступления в составе организованной группы и преступного сообщества, их юридически значимые признаки не исследуются.

Обращает на себя внимание и наличие существенных пробелов в доказательственной базе:

не назначаются необходимые экспертизы (прежде всего не назначаются дактилоскопическая экспертиза в отношении объектов, на которых могут сохраниться следы рук лиц, привлекаемых к ответственности, судебно-химическая — в отношении всех изъятых наркотиков, сравнительная химическая — в отношении наркотиков, изъятых при различных обстоятельствах, судебно-фоноскопическая, судебно-психиатрическая и судебно-наркологическая и др.);

¹ URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15878048&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 14.06.2024).

не проводятся все необходимые следственные осмотры либо протоколы этих следственных действий носят поверхностный характер, зафиксированная в них информация не проверяется и не подтверждается. Так, протоколы осмотра аудиозаписей телефонных переговоров нередко излишне краткие, из их содержания сложно определить участников разговоров. При наличии в звукозаписях кодовых слов и словосочетаний меры по их дешифровке не принимаются. Не всегда надлежащим образом проводятся осмотры электронных гаджетов (мобильных телефонов, ноутбуков, компьютеров и пр.), изъятых у заподозренных лиц. Более того, владельцы указанных устройств не допрашиваются относительно содержания той информации, которая хранится на их устройствах;

не допрашиваются или неполно допрашиваются осведомленные лица, нередки случаи дословного совпадения протокола допроса (в том числе допроса подозреваемого и обвиняемого) с объяснениями лица, данными до возбуждения уголовного дела, и с протоколами допроса других лиц.

Названные и иные ошибки часто влекут за собой ошибки, связанные с квалификацией расследуемого преступления. На практике имеют место завышенная или заниженная квалификация действий виновного, в том числе необоснованное вменение квалифицирующих признаков; необоснованное дробление единого преступления на ряд самостоятельных или, наоборот, необоснованная квалификация отдельных эпизодов как единого преступления (данная ошибка наиболее часто встречается по делам, по которым наркотики изымаются из закладок, или по уголовным делам, по которым наркотики, хранимые обвиняемым, изымаются из разных мест в ходе личного досмотра, досмотра транспортного средства, осмотра или обыска жилища); необоснованное вменение как самостоятельного преступления покушения на сбыт наркотика при вменении его производства.

Ошибки в квалификации, данной на стадии предварительного расследования, устраняются путем изменения обвинения, в том числе в ходе судебных прений; ошибки в описании преступления, в случае их неустранимости и существенности, влекут возвращение уголовного дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ. Государственному обвинителю при решении вопроса о существенности и неустранимости следует ориентироваться на кассационную практику, имеющую тенденцию к расширению круга проблем, которые могут быть устранены без принятия решения о возвращении уголовного дела прокурору.

Так, суд счел ошибку, допущенную при описании наркотического средства, не препятствующей вынесению итогового судебного решения. Примером является кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции, которым по результатам рассмотрения кассационного представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации отменено постановление районного суда области от 01.06.2022 и апелляционное постановление областного суда от 16.08.2022 в отношении П., дело направлено на новое рассмотрение.

Постановлением от 01.06.2022 уголовное дело в отношении П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 4 статьи 228.1, частью 3 статьи 30, пунктами «а», «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ, возвращено прокурору области для устранения недостатков, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом. Судом на основании статьи 237 УПК РФ уголовное дело возвращено прокурору, поскольку в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении указано наименование вещества, незаконные действия с которым инкриминируются П., а именно «мефедон (4-метил-меткатинон)», не включенного в Перечень наркотических средств психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681¹, и не указанного в постановлении Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»².

С такими выводами суда первой инстанции согласился областной суд. Принимая решение об удовлетворении представления, суд кассационной инстанции указал следующее. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 3 постановления от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227,

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»¹, признание у суда правомочия возвращать уголовное дело прокурору обусловлено не только наличием существенных нарушений закона, допущенных в досудебном производстве, но и невозможностью устранить таковые в судебном производстве. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении помимо правильного наименования наркотического средства — «мефедрон (4-метилметкатинон)», — сбыт и покушение на сбыт которого вменяются П., допущен ряд технических ошибок: наименование наркотического средства указано как «мефедон (4-метилметкатинон)». Однако данные опечатки не влияют на существо предъявленного П. обвинения и не нарушают его права на защиту, поскольку во всех случаях наряду с основным наименованием наркотического средства в скобках приведено его альтернативное название — «4-метилметкатинон», которое включено в указанные судом перечни. Кроме того, выявленная техническая ошибка по данному уголовному делу своевременно устранена в судебном заседании путем допроса эксперта, который пояснил, что «4-метилметкатинон» и «мефедрон» соответствуют формуле одного и того же вещества. Вид наркотического средства установлен на основании заключений эксперта и указан как «мефедрон (4-метилметкатинон)». Какие-либо причины сомневаться в принадлежности изъятых веществ именно к наркотическим средствам отсутствуют².

Информация об авторе

Е. Б. Серова — кандидат юридических наук, доцент.

Н. В. Яковлев — старший прокурор уголовно-судебного отдела прокуратуры Новгородской области.

Information about the author

E. B. Serova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

N. V. Yakovlev — Senior Prosecutor of the Criminal Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Novgorod region.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² URL: https://3kas.sudrf.ru/moules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13150993&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 14.06.2024).

Научная статья
УДК 343.13

НОВЕЛЛЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Елена Владимировна БАРКАЛОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, elena_vallask@mail.ru*

Аннотация. Лекция посвящена изменениям в области уголовно-процессуальной регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. Автором проанализированы международно-правовые источники права в рассматриваемой сфере и корреспондирующее им национальное законодательство.

Ключевые слова: международное сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, экстрадиция, правовая помощь по уголовным делам, правоохранительное содействие, Кишиневская конвенция, Ашхабадская конвенция

Для цитирования: Баркалова Е. В. Новеллы международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 196—213. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

INNOVATIONS IN INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena V. BARKALOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, elena_vallask@mail.ru*

© Баркалова Е. В., 2024

Abstract. The lecture is devoted to the changes in the field of criminal procedural regulation of international cooperation in criminal proceedings. The author has analysed international legal sources of law in the sphere under consideration and the corresponding national legislation.

Keywords: international cooperation in criminal proceedings, extradition, legal assistance in criminal cases, law enforcement assistance, Chisinau Convention, Ashgabat Convention

For citation: Barkalova E. V. Innovations in international legal cooperation in the field of criminal proceedings // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 196—213. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

Международно-правовое сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры, в процессе осуществления которой реализуются различные функции органов прокуратуры, включая уголовное преследование, надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, международное сотрудничество. Последняя проявляется, во-первых, в исключительной компетенции органов прокуратуры по осуществлению международно-правового сотрудничества по отдельным направлениям деятельности, в частности в выдаче лиц для уголовного преследования и (или) исполнения приговора, исполнении запросов о некоторых видах правовой помощи по уголовным делам (реабилитация лиц, возмещение ущерба, передача лиц на время для участия в следственных и иных процессуальных действиях)¹, передаче материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования² и др. Во-вторых, при реализации функции международного сотрудничества в уголовном

¹ О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 23/35. П. 1.1.3.6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

судопроизводстве органы прокуратуры Российской Федерации координируют работу других правоохранительных органов, поскольку основной массив запросов о правовой помощи по уголовным делам и иным вопросам поступает в Генеральную прокуратуру Российской Федерации как при исполнении запросов, так и направлении их в иностранные государства вне зависимости от органа, уполномоченного их исполнить. В связи с этим контролирование сроков исполнения запросов, полноты и соблюдения установленной законом процедуры находится в компетенции органов прокуратуры Российской Федерации. Однако данная функция не нашла детального закрепления в уголовно-процессуальном законе и находится в сфере регулирования подзаконных нормативных правовых актов, как и механизм реализации многих направлений международно-правового сотрудничества.

Положением о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации была переутверждена структура профильного подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹, в компетенцию которого входит решение вопросов о международных сношениях органов прокуратуры Российской Федерации². В новую структуру Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации вошли три управления (экстрадиции; правовой помощи и правоохранительного содействия; организационно-правовое), а также ряд отделов. Разделение сферы деятельности подразделений Главного управления международно-правового сотрудничества позволило оптимизировать его деятельность и четко разграничить компетенцию.

За 2019—2024 годы правовая регламентация международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в Российской Федерации существенно изменилась, а происходящие в мире геополитические процессы внесли свой существенный вклад в трансформацию действовавших и формирование новых

¹ Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации : утв. Генеральной прокуратурой Российской Федерации 26 сентября 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 3 июня 2020 г. № 297. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

направлений сотрудничества как с традиционными, так и новыми партнерами — участниками международных правоотношений.

В 2021 году в научной среде стали появляться статьи авторитетных ученых в области международного и уголовно-процессуального права с заголовками «Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве» [1; 2], «Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не обоснованы» [3]. В статьях авторы акцентировали внимание на возможной негативной перспективе отсутствия международных взаимоотношений со значительным количеством государств, в том числе в сфере уголовно-процессуальной деятельности. Однако статистические сведения по отдельным направлениям международного сотрудничества, приведенные Главным управлением международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, свидетельствуют об иных тенденциях в сфере взаимодействия России и зарубежных государств в уголовном судопроизводстве. Анализируя показатели на рассматриваемом направлении деятельности за 2021 и 2022 годы, можно сделать вывод не только о том, что количество направленных и исполненных запросов о правовой помощи по уголовным делам не снижается, но и о его трехкратном росте. Такую тенденцию обусловили следующие обстоятельства. В период пандемии действовали существенные ограничения, связанные с транспортным сообщением, и, как следствие, запросы компетентных правоохранительных органов в связи с этим не исполнялись. Однако за последовавшим в 2022 году ростом количества направленных и исполненных запросов в сфере международно-правового сотрудничества в уголовном судопроизводстве в 2023 году наметилась тенденция к сокращению количества исполненных за рубежом запросов Российской Федерации о правовой помощи по уголовным делам и другим направлениям международно-правового сотрудничества. В числе причин отказа от исполнения российских запросов указаны: угроза национальной безопасности, нарушение суверенитета и безопасности государства, преследование по политическим мотивам лиц, объявленных российской стороной в розыск за совершение общеуголовных преступлений, а также отсутствие, по мнению ряда зарубежных государств, в России гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина в ходе уголовного судопроизводства.

В настоящее время нельзя не отметить смену вектора междуна-родно-правового сотрудничества с западного направления на юго-восточное, что проявляется в динамичном развитии нормативно-правовой основы правоотношений в сфере уголовного судопроизводства, как на уровне международно-правовых актов, так и на уровне национального законодательства, вводящего механизм реализации норм международного права. За последние пять лет законодательство в сфере международно-правового сотрудничества в уголовном судопроизводстве развивается так быстро, как это не имело места в постперестроечный период, когда была ратифицирована Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) (Минская конвенция).

В 2019—2024 годах введены в действие три международных договора, которые повлекли внесение корреспондирующих дополнений в уголовно-процессуальный закон:

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (принята в г. Кишиневе 07.10.2002 рядом стран — участников Содружества Независимых Государств (СНГ)) (Кишиневская конвенция);

Второй Дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Страсбурге 08.11.2001);

Конвенция государств — участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (подписана Россией 11.10.2019) (Ашхабадская конвенция).

За указанный период был принят ряд ключевых указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующих отдельные направления международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Рассмотрим новеллы международно-правового сотрудничества.

1. Одним из значимых событий в сфере регламентации международно-правового сотрудничества в уголовном судопроизводстве в 2023 году стало выполнение обязательной процедуры по введению в законную силу Кишиневской конвенции, а именно сдача ратификационной грамоты уполномоченному органу Российской Федерацией 28.06.2023. При этом для государств, ратифицировавших обе конвенции (и Минскую, и Кишиневскую), возникает вопрос о соотношении действия данных международных догово-

ров. В переходных положениях Кишиневской конвенции (части 3 статьи 120) предусмотрена замена ею Минской конвенции. В настоящее время Минская конвенция действует при возникновении правоотношений в сфере уголовного судопроизводства между Российской Федерацией и Молдовой, Грузией, Туркменистаном и Украиной.

Тем не менее на практике правоприменитель далеко не всегда правильно определяет действующую нормативную базу, которую необходимо применять к международно-правовым отношениям в сфере уголовной юстиции. Имеют место случаи наличия ссылок на Минскую конвенцию в постановлениях судов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, разыскиваемых компетентными органами иностранных государств. Для прокурора правильное определение действующих нормативных актов, соотношения положений конвенций и двусторонних договоров о правовой помощи по уголовным делам носит принципиальный характер для соблюдения законности при осуществлении международно-правового сотрудничества, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, сроков проверочных мероприятий. Разрешение этой проблемы содержится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2012 № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лиц для отбывания наказания»¹: при наличии противоречий между многосторонним договором и двусторонним приоритет имеет конвенция; однако в случае пробельности законодательства необходимо применять детализирующий положения конвенции договор. Здесь же следует сразу отметить, что правоприменитель не всегда учитывает такое основание для отказа в исполнении запросов по любому виду международного сотрудничества, как ненаказуемость инкриминируемого лицу деяния по законодательству иностранного государства. Речь идет не об эквивалентной формулировке диспозиции статьи особенной части уголовного закона, а о совпадении соответствующих уголовно-правовых конструкций по существу. Решение о том, охватывается ли специальный состав

¹ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступления общей нормой, соответствует ли размер причиненного ущерба по материальным составам преступлений, а также о невозможности привлечения к ответственности на территории иностранного государства в случае отсутствия преюдициальной конструкции состава преступления в другом государстве или соответствующей нормы вообще, в обязательном порядке должно приниматься правоприменителем еще при поступлении запроса из иностранного государства.

На практике имели место случаи, при которых лица объявлялись в розыск за совершение одних преступлений, однако в дальнейшем при переквалификации инкриминируемого лицу деяния или выявлении иных эпизодов преступления данные материалы не выделялись в отдельное производство. При установлении местонахождения лица и решении вопроса о выдаче возникал вопрос о законности направления запроса об экстрадиции в такой ситуации.

2. Кишиневская конвенция регламентирует значительно большее количество направлений международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, нежели Минская конвенция, регулировавшая правовую помощь по уголовным делам, передачу материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования и экстрадицию. Кишиневская конвенция предусмотрела возможность сотрудничества не только в сфере осуществления уголовного преследования, но и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, исполнении запросов в рамках правоохранительного содействия при проведении проверок органами прокуратуры соблюдения законодательства о противодействии коррупции, а также регламентировала и иные направления международного сотрудничества, в частности разрешение вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговоров судов иностранных государств в части конфискации доходов, полученных преступным путем, передачи лиц для отбывания наказания в иностранное государство, применения обеспечительных мер.

Так, статья 104 Кишиневской конвенции регулирует оказание правовой помощи в вопросах розыска, ареста и обеспечения конфискации имущества, в то время как статьи 109—116 рассматривают вопросы признания и исполнения приговоров судов иностранных государств. В преддверии ратификации Кишиневской конвенции в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была введена глава 55.1, регламентирующая признание

и исполнение приговоров судов иностранных государств в части возвращения активов, полученных преступным путем. На уровне ведомственного нормативно-правового регулирования было принято указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 31.08.2020 № 442/35 «О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа»¹, а также межведомственная инструкция по организации работы на данном направлении, утвержденная межведомственным приказом².

3. Кишиневская конвенция регламентирует направление и исполнение запросов о получении информации в рамках правоохранительного содействия, которая необходима уполномоченному должностному лицу для организации дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности, в том числе для направления запросов о правовой помощи (статьи 6—8, 11, 60). В 2022 году данное направление было выделено как отличное от правовой помощи по уголовным делам, что отразилось на структуре Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации: было изменено название существовавшего подразделения по вопросам правовой помощи на управление правовой помощи и правоохранительного содействия³. Помимо этого Генеральной прокуратурой Российской Федерации было принято отдельное указание от 09.03.2022 № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности»⁴, регламентирующее осуществление правоохранительного содействия.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Инструкция о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений : утв. Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 133, Следственного комитета Российской Федерации № 25, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 107, Министерства иностранных дел Российской Федерации № 3575, Министерства юстиции Российской Федерации № 33, Федеральной службы безопасности № 100, Федеральной службы по финансовому мониторингу № 45, Федеральной таможенной службы № 144, Федеральной налоговой службы № ЕД-7-18/137, Федеральной службы судебных приставов № 106, Федерального агентства по управлению государственным имуществом № 40, Центрального банка Российской Федерации № ОД-326, Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» № 22/1/2802 от 28 февраля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Положение о Главном управлении ...

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Кишиневская конвенция регламентирует производство следственных и иных процессуальных действий в рамках правовой помощи по уголовным делам. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации осуществлению правовой помощи по уголовным делам посвящены статьи 453—457. На уровне подзаконных правовых актов данное направление международно-правового сотрудничества регламентируется указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам»¹. Обязанность по организации работы по рассмотрению и исполнению запросов компетентных органов иностранных государств о правовой помощи и контролю за ее осуществлением возложена на Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в компетенцию которого входит нормативно-правовая проверка запроса и определение компетентного органа-исполнителя. Органы прокуратуры Российской Федерации в рамках осуществления функции уголовного преследования выполняют и направляют запросы об оказании правовой помощи по уголовным делам в пределах своей компетенции: о передаче лица на время для производства следственных и иных процессуальных действий, о реабилитации лиц, о возмещении причиненного ущерба и пр. В то же время, выполняя функцию надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, прокуроры обеспечивают исполнение запросов о производстве следственных и процессуальных действий, проверяя их законность, полноту, эффективность и достаточность (пункт 1.2.15 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 05.03.2018 № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора»²).

Актуальным остается вопрос о направлении запросов в иностранные государства в отношении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, в части

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35 : текст с изм. и доп. на 25 нояб. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

получения судебного решения в Российской Федерации с распространением юрисдикции на территорию иностранного государства. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» предписывает получение такого решения при направлении запросов о правовой помощи по уголовным делам. И наоборот, если в Российскую Федерацию поступает запрос о проведении, например, обыска в жилище без решения суда, поскольку национальное законодательство государства — отправителя запроса не предусматривает такой процедуры, российские следователи должны выходить с соответствующим ходатайством в суд; только после получения решения они могут исполнить соответствующий запрос.

Кишиневская конвенция, в отличие от Минской конвенции, предусматривает возможность проведения дистанционных следственных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (статья 105).

5. Следует обратить внимание, что произошло еще одно событие в рассматриваемой сфере, касающееся ратификации международного договора Российской Федерацией 30.12.2021, а именно Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20.04.1959). Одновременно законодателем была введена в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статья 189.1 «Проведение допроса, очной ставки и опознания с использованием видео-конференц-связи»¹, позволившая российскому правоприменителю проводить указанные следственные действия как в рамках расследования, так и при исполнении запросов о правовой помощи с соблюдением процедуры, предусмотренной национальным уголовно-процессуальным законом.

В настоящее время, несмотря на очевидные положительные стороны подобной формы организации следственных действий, в отечественной практике видео-конференц-связь применяется в основном при рассмотрении уголовных дел судами, например при необходимости допроса вернувшихся после расторжения договора на малую родину потерпевших из других регионов по делам о не-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выплате заработной платы. Это связано, во-первых, с отсутствием единого лицензионного программного обеспечения, которое могли бы использовать сотрудники правоохранительных органов, и, во-вторых, с субъективным фактором: с нежеланием следователя создавать себе дополнительные трудности организационно-технического характера.

6. Кишиневская конвенция предусмотрела изменение процессуальных сроков и частично механизма процедуры выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Частью 1 статьи 71 Кишиневской конвенции предусмотрен срок проведения экстрадиционной проверки — 30 суток после поступления запроса о выдаче в компетентное учреждение юстиции запрашиваемой Договаривающейся Стороны, если иное не установлено законодательством этой Договаривающейся Стороны. Несмотря на установленные в ведомственных актах для прокуратур всех звеньев сроки рассмотрения запросов¹, их могут пропускать (от нескольких месяцев до года и свыше года), если экстрадируемое лицо обжаловало действия уполномоченных должностных лиц и обращалось в различные государственные органы с ходатайствами и заявлениями, подлежащими рассмотрению в более длительные сроки, чем установленный Конвенцией срок. Необходимо отметить, что Российская Федерация при ратификации Кишиневской конвенции сделала в пункте 4 оговорку, согласно которой Российская Федерация оставляет за собой право не применять пункт 1 статьи 71 Конвенции в части, касающейся срока рассмотрения запроса о выдаче.

Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» детально регламентированы алгоритм проведения экстрадиционной проверки прокурором района, а также полномочия органов прокуратуры Российской Федерации всех уровней (от районной (иной приравненной к ней) до Генеральной прокуратуры Российской Федерации). Этим же Указанием предусмотрены сроки проведения проверочных мероприятий, их виды, а также образцы процессуальных документов, составляемых в ходе

¹ О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 118/35. Пп. 1.2.5 и 1.4.2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экстрадиционной проверки, включая лист экспресс-опроса лица, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка, в отличие от других процессуальных документов, форма которых не утверждена.

Сроки экстрадиционной проверки и отдельных проверочных мероприятий четко определены: 24 часа — для заполнения и направления в Генеральную прокуратуру Российской Федерации листа экспресс-опроса лица, в отношении которого рассматривается вопрос о выдаче; 3 суток после задержания или установления местонахождения лица, в отношении которого рассматривается вопрос о выдаче, — для представления прокурорам субъектов Российской Федерации материалов экстрадиционной проверки с соответствующим мотивированным заключением об обоснованности задержания, избрания меры пресечения, о наличии или об отсутствии гражданства Российской Федерации у разыскиваемого лица и о возможности выдачи; 5 суток с момента получения информации о задержании или об установлении лица на территории иностранного государства — для представления прокурору субъекта Российской Федерации материалов, необходимых для направления в иностранное государство запроса о выдаче, с заключением о законности и об обоснованности уголовного преследования, с подтверждением намерения запрашивать выдачу лица и обоснованием такого намерения и др.

Однако в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации так и не закреплён процессуальный статус лица, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка. Его права и обязанности предусмотрены пунктом 1.2.2 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора», до издания которого возникали вопросы о необходимости разъяснения тех или иных положений уголовно-процессуального законодательства и реализации прав подлежащего выдаче лица [4]. Экстрадируемому лицу разъясняется право получить копию протокола задержания, давать объяснения по вопросам, связанным с процедурой выдачи, или отказаться от дачи объяснений, заявлять о препятствиях к выдаче, предусмотренных применимыми международными договорами Российской Федерации и статьей 464 УПК РФ, пользоваться помощью защитника с момента фактического задержания и помощью переводчика, приносить жалобы на действия (бездействие) проку-

роров, других должностных лиц и решения суда, защищаться иными средствами и способами, не запрещенными законодательством Российской Федерации. Перечисленные права схожи с правами, предоставленными уголовно-процессуальным законом подозреваемому (обвиняемому). При этом в научной литературе предлагается ввести различных субъектов в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, вовлеченных в рассматриваемую сферу правоотношений: лицо, объявленное в межгосударственный (международный) розыск; лицо, подлежащее выдаче; лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче; лицо, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка [5; 6; 7; 8].

Отдельные положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации трактуются прокурорами в регионах неединообразно, соответственно, правоприменительная практика складывается по-разному. В частности, пунктом 1.2.2 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора» прокурорам городов и иным приравненным к ним прокурорам предписано обеспечить составление протокола задержания лица, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка. Как правило, орган предварительного расследования составляет и передает прокурору района протокол задержания такого лица. Однако в некоторых субъектах Российской Федерации прокуроры районов непосредственно сами составляют данный процессуальный документ.

В случае подтверждения инициатором международного или межгосударственного розыска лица намерения запрашивать в отношении его выдачу прокурор района принимает меры по обеспечению применения к такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. В части 2 статьи 466 УПК РФ предусмотрено право прокурора самостоятельно решить вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу лица, в отношении которого рассматривается вопрос о выдаче для осуществления уголовного преследования и (или) исполнения приговора, при наличии судебного решения иностранного государства. Об этом же упоминается в абзаце 7 пункта 1.2.2 указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора». При этом в случае

принятия прокурором соответствующего решения об избрании меры пресечения в виде лишения свободы в постановлении может быть определен срок нахождения лица под стражей в течение двух месяцев, а при принятии решения судом — в течение шести месяцев. Продление срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу в любом случае производится судом. Однако на практике прокуроры подавляющего числа субъектов Российской Федерации обращаются в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в отношении данного лица, самостоятельно не реализуя данное полномочие. Очевидно, складывающаяся практика вызвана опасением принятия отказного решения о выдаче лица и возможностью последующего обращения лица за реабилитацией.

В Кишиневской конвенции установлен аналогичный Дополнительному протоколу к Минской конвенции срок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу — 40 дней до поступления запроса о выдаче лица (пункт «б» статьи 75). Отметим, что в постановлениях суд не всегда правильно указывает срок действия меры пресечения — даты его начала и окончания, — не соблюдая тем самым обязательность указания периода заключения под стражу.

Этой же Кишиневской конвенцией предусмотрена возможность применения к экстрадируемому лицу меры пресечения не только в виде заключения под стражу, но и в виде домашнего ареста. При этом на практике возникает ряд вопросов, связанных с неурегулированностью законодательством, в том числе ведомственными актами, действий уголовно-исполнительной инспекции, ответственной за контроль исполнения ряда мер пресечения, особенно если инспекция находится на территории другого субъекта Российской Федерации (по месту нахождения недвижимого имущества экстрадируемого лица), нежели место задержания лица, объявленного в международный (межгосударственный) розыск.

Остаются открытыми вопросы об обеспечении явки задержанного в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства, о форме справки, представляемой в уголовно-исполнительную инспекцию, и лице, обязанном ее составить (прокурор, проводящий экстрадиционную проверку по месту задержания разыскиваемого лица, прокурор, выполняющий функции на территории деятельности уголовно-исполнительной инспекции, или следователь компетентного органа иностранного государства, который объявил гражданина своего государства в международный розыск).

В регионах разнится практика определения надлежащего субъекта по применению меры пресечения в виде заключения под стражу. Часть 2 статьи 466 УПК РФ позволяет принимать соответствующее решение прокурору, проводящему экстрадиционную проверку, при наличии судебного постановления иностранного государства. Несмотря на исследование конституционности данной нормы Конституционным Судом Российской Федерации¹, только треть прокуроров самостоятельно избирает меру пресечения в отношении лица, находящегося в межгосударственном (международном) розыске, а остальные 2/3 прокуроров выходят с соответствующим ходатайством в суд². Соответствующие изменения в части вида розыска были внесены Федеральным законом от 06.03.2019 № 21-ФЗ «О внесении изменения в статью 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Часть 5 статьи 108 УПК РФ дополнена после слова «международный» словами «и (или) межгосударственный».

Необходимо обратить внимание также на сделанную Российской Федерацией при ратификации Кишиневской конвенции первую оговорку, согласно которой Российская Федерация в отношении пункта 1 статьи 19 Конвенции заявляет, что не несет ответственности по искам о возмещении материального ущерба и (или) морального вреда, причиненных вследствие задержания или содержания под стражей в Российской Федерации лиц до получения запроса об их выдаче в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 70 Конвенции, а также по искам о возмещении материального ущерба и (или) морального вреда, причиненных в связи с отсрочкой или отменой передачи лиц, в отношении которых принято решение о выдаче. Это положение было введено в связи с участвовавшими случаями ненаправления инициаторами розыска запроса о выдаче лица, задержанного на территории Российской Федерации.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Азербайджанской Республики Гаджиева Адиля Атирян оглы на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 383-о-о; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Республики Казахстан Ефимовой Вероники Владимировны на нарушение ее конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение от 25 февраля 2010 г. № 249-О-О. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

² Материалы кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (анализ опроса слушателей на профильных потоках).

Также остается открытым вопрос о надлежащем субъекте при продлении меры пресечения лицу, в отношении которого принято решение о выдаче, для его конвоирования в рамках осуществления фактической передачи представителям иностранного государства. В данный момент решение принимает прокурор района, хотя такая ситуация не урегулирована в уголовно-процессуальном законе.

7. Федеральным законом от 12.12.2023 № 570-ФЗ Российской Федерацией была ратифицирована Ашхабадская конвенция. Однако механизм реализации положений указанного международного договора отсутствовал в уголовно-процессуальном законе Российской Федерации до 22.04.2024 — даты введения статей 469.1 и 471.1 УПК РФ¹, регламентирующих отдельные вопросы процедуры передачи исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. К основаниям передачи исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государство, гражданином которого является осужденный, относятся решение суда, принятое по результатам рассмотрения представления федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, либо обращения осужденного или его представителя, либо обращения компетентного органа иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации или письменным соглашением компетентных органов Российской Федерации с компетентными органами иностранного государства на основе принципа взаимности. При этом законодатель ввел ограничение, согласно которому не подлежит передаче исполнение наказания, не связанного с лишением свободы, в государство, гражданином которого является осужденный, если указанное наказание назначено в виде штрафа (часть 2 статьи 469.1 УПК РФ).

Статья 471.1 УПК РФ предусматривает основания отказа в передаче исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания (исполнения) наказания в государство, гражданином которого является осужденный. Основания подразделяются на две группы: безусловные и условные. Первые применяются императивно, а основания второй группы могут применяться на усмотрение правоприменителя.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 85-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вышеуказанные новеллы регулирования уголовно-процессуальной деятельности при осуществлении международно-правового сотрудничества на территории постсоветского пространства являются значимыми для правоприменителя, расширяют возможности межведомственного взаимодействия и в то же время устраняют существовавшие пробелы в рассматриваемой сфере.

Помимо традиционных оснований отказа в исполнении запроса, к которым, в частности, относятся нарушение принципа двойной криминальности (пункт 1 части 1 статьи 471.1 УПК РФ), либо недопустимость неоднократного привлечения к ответственности за одно и то же деяние (*non bis in idem*) (пункт 3 части 1 статьи 471.1 УПК РФ), законодатель предусмотрел специфические основания, характерные именно для данного направления международно-правового сотрудничества, к которым относятся назначение наказания в виде штрафа (пункт 4 части 1 статьи 471.1 УПК РФ), отсутствие согласия осужденного (пункт 5 части 1 статьи 471.1 УПК РФ), отсутствие нормативной регламентации в законодательстве государства, гражданином которого является осужденный, контроля за условно осужденным и за соблюдением условий отсрочки отбывания (исполнения) наказания (пункт 8 части 1 статьи 471.1 УПК РФ) и др.

В настоящее время еще не наработана практика передачи исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, в связи с чем сложно прогнозировать возникновение возможных проблем в механизме реализации данного направления международно-правового сотрудничества.

В процессе обучения прокуроров на факультете переподготовки и повышения квалификации на всех потоках уголовно-процессуальной направленности и прокуроров-резервистов проводятся занятия по международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, в ходе которых поднимаются актуальные вопросы правоприменения, включая разную практику регионов относительно толкования и применения норм международного и уголовно-процессуального права. Знание нормативных основ международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, положений актуальных международных договоров и законов позволит правоприменителю правильно определить действующую правовую базу, что следует применить к возникшим правоотношениям, и успешно решить поставленные перед прокурорами задачи.

Список источников

1. Быкова Е. В., Выскуб В. С. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 5. С. 7—10.
2. Быкова Е. В., Выскуб В. С. Международное сотрудничество или политика? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 3—5.
3. Наумов А. В. Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не обоснованы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 3—6.
4. Баркалова Е. В., Макагон А. А. Выдача лица для уголовного преследования: актуальные вопросы теории и практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 3—6.
5. Косарева А. Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 254 с.
6. Лятифов Р. Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 202 с.
7. Несмачная Н. В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 171 с.
8. Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 57 с.

Информация об авторе

Е. В. Баркалова — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Barkalova — Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 347.963

АНАЛИЗ ПРОКУРОРОМ ПРОТОКОЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

Григорий Григорьевич НЕПЕИН

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, ngrigorij2008@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы проведения анализа протоколов следственных действий, которые содержат криминалистически значимую доказательственную информацию как о самом авиационном происшествии, так и об обстоятельствах, связанных с наступлением этого события. Поскольку материалы уголовного дела об авиакатастрофе содержат информацию не только о произошедшем преступлении, но и о проделанной работе по установлению его обстоятельств, то изучение прокурором материалов уголовного дела, и, в частности, протоколов следственных действий, позволяет провести ретроспективный анализ действий и решений следователя, расследовавшего это происшествие.

Ключевые слова: авиакатастрофа, расследование, уголовное дело, осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос, прокурор, следователь, доказывание, статья 263 Уголовного кодекса Российской Федерации

Для цитирования: Непеин Г. Г. Анализ прокурором протоколов следственных действий при изучении материалов уголовных дел о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / Л. В. Готчина, Р. Д. Шарапов, Е. В. Баркалова [и др.] ; под ред. А. П. Спиридонова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Уни-

верситета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 214—231. (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 14).

**ANALYSIS BY THE PROSECUTOR OF INVESTIGATION
PROTOCOLS IN STUDYING CRIMINAL CASES ON CRIMINAL
VIOLATIONS OF THE RULES FOR TRAFFIC SAFETY
AND OPERATION OF AIR TRANSPORT**

Grigory G. NEPEIN

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, ngrigorij2008@yandex.ru*

Abstract. The issues of analysing the protocols of investigative activities which contain forensically significant evidentiary information about both the aviation accident itself and the circumstances associated with the occurrence of this event are considered. Since the materials of the criminal case on the plane crash contain information not only about the crime that occurred, but also about the work done to establish its circumstances, the prosecutor's study of the materials of the criminal case and, in particular, the protocols of investigative activities, allows for a retrospective analysis of the actions and decisions of the investigator who investigated this incident.

Keywords: aircraft crash, investigation, criminal case, inspection of the scene, search, seizure, interrogation, prosecutor, investigator, evidence, article 263 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Nepein G. G. Analysis by the prosecutor of investigation protocols in studying criminal cases on criminal violations of the rules for traffic safety and operation of air transport // Pressing problems of procuratorial activities : lectures / L. V. Gotchina, R. D. Sharapov, E. V. Barkalova [and others] ; edited by A. P. Spiridonov. Saint-Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, 2024. P. 214—231. («In aid of public procurator» Series ; Issue 14).

В транспортной системе России гражданская авиация, обладая преимуществом в скорости движения перед другими видами транспорта, занимает особое место. Широкая география полетов позволяет воздушному транспорту своевременно, качественно

и с соблюдением соответствующих правил безопасности обеспечить перевозку пассажиров и грузов. Как следует из статистических показателей, при отмечающемся ежегодном росте количества пассажирских авиаперевозок данный вид транспорта считается одним из самых безопасных. Так, согласно официальным материалам, опубликованным на сайте Межгосударственного авиационного комитета (МАК), в 2020 году на территории Российской Федерации произошло 36 авиационных происшествий, в том числе 18 авиакатастроф, в которых погибли 35 человек; в 2021 году — 30 происшествий, из которых 18 — катастрофы воздушных судов, 70 погибших, в 2022 году — 35 происшествий (13 авиакатастроф, 24 погибших), и в 2023 году — 21 происшествие (11 авиакатастроф, 20 погибших). Тем не менее, несмотря на прослеживающуюся тенденцию к снижению роста авиакатастроф, среднее количество ежегодно происходящих в России авиационных инцидентов, являющихся фактическими предвестниками авиационных происшествий, с 2019 года остается неизменным (средний показатель — 800 инцидентов в год). Кроме того, согласно данным Федерального агентства воздушного транспорта (Росавиация), в 2023 году на 15—20 % выросло число задержек вылетов, связанных не только с погодными условиями в аэропортах вылета или прилета, но и с неисправностями авиационной техники, возникшими вследствие старения парка воздушных судов, а также дефицита запасных частей и комплектующих, являющегося прямым следствием санкционной политики.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, в 98 % случаев аварии с воздушными судами происходят вследствие нарушения летными экипажами и наземным обслуживающим персоналом специальных правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Среди иных причин летных происшествий с гражданскими воздушными судами выступают неисправность авиационной техники и неблагоприятные внешние воздействия. При этом установление истинных причин авиационных происшествий представляет собой значительную сложность.

Следственные органы, расследующие авиационные происшествия, и органы прокуратуры, осуществляющие надзор и поддержание государственного обвинения, сталкиваются с комплексом проблем, таких как сложность авиационной техники и системы управления безопасностью полетов, значительное число пострадавших и погибших, трудоемкие и объемные экспертные исследования и т. д. Кроме того, результаты обобщения материалов

следственной и судебной практики указывают на то, что при расследовании авиационных происшествий следователями допускаются различные следственные ошибки, которые препятствуют раскрытию преступления, а в некоторых случаях могут привести к вынесению неправоудного приговора.

Требование проведения анализа прокурором уголовного дела, возбужденного по факту произошедшей авиакатастрофы, на предмет установления полноты и всесторонности расследования, а также причин и условий, способствовавших нарушению правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, содержится в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»¹ и указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25.01.2022 № 32/23 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере функционирования воздушного транспорта»².

Из положений организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации следует, что уголовное дело представляет для прокурора интерес не только как источник сведений об установленных обстоятельствах познаваемого преступления, но и как задокументированное с соблюдением требований уголовно-процессуального закона отображение выполненной следователем для установления этих обстоятельств работы.

Анализ прокурором уголовного дела о преступных нарушениях правил безопасности в сфере воздушного транспорта представляет собой сложный процесс, который включает в себя изучение и оценку большого количества криминалистически значимой информации. Изучая информацию, содержащуюся в процессуальных и иных документах, из которых формируются материалы уголовного дела об авиакатастрофе, прокурор осуществляет информационно-аналитическую деятельность по познанию как самого преступления, так и работы следователя, осуществлявшего расследование. Поскольку уголовное дело — это систематизированные в уголовно-процессуальных документах данные, отражающие обстоятельства совершенного преступления, то в ходе такого анализа информация, изложенная в материалах уголовного дела, изучается прокурором не изолированно друг от друга,

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а системно, как элементы единого целого. При этом значительное число сведений, помогающих прокурору сформировать картину произошедшего события и произвести ретроспективный анализ деятельности следователя по расследованию авиационного происшествия на предмет оценки действий и решений, сосредоточено в протоколах следственных действий. К протоколам, в которых содержится криминалистически значимая для расследования катастрофы воздушного судна доказательственная информация, относятся протоколы осмотров места происшествия и иных объектов, обысков и выемок, допросов подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, потерпевших, экспертов и специалистов.

Анализ протокола осмотра места авиационного происшествия и иных объектов

Осмотр места происшествия является одним из наиболее сложных и важных следственных действий, находящихся в арсенале органов, осуществляющих предварительное расследование нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Его значение трудно переоценить, так как результаты осмотра служат одним из основных источников доказательств по уголовному делу об этом преступлении и фактическим фундаментом формирования информационной картины произошедшего события. Поскольку в ходе осмотра могут быть установлены обстоятельства, способствовавшие наступлению авиационного происшествия, то тщательность проведения осмотра — основа успешного расследования авиакатастрофы. При этом местом происшествия будут являться не только то место, где произошло конечное событие — крушение летательного аппарата, — но также и иные места, которые в той или иной степени задействованы в работе воздушного транспорта. То есть осмотру будут подвергаться также объекты управления воздушным движением, авиационно-технические базы и иные объекты, задействованные в функционировании данного вида транспорта.

Оценивая протокол осмотра места происшествия, прокурору следует выяснить, какая доказательственная информация получена в ходе производства следственного действия, была ли она использована следователем, каким образом и в полном ли объеме. Поэтому, анализируя результаты этого следственного действия, прокурор, по нашему мнению, должен обладать исходными данными о том, какие именно криминалистически значимые сведения должны отражаться в протоколе осмотра места происшествия.

К таким криминалистически значимым данным, имеющим отношение к расследованию авиационного происшествия и установлению причин события, будут относиться:

1. Сведения о координатах места авиационного происшествия с привязкой к наземным и географическим ориентирам.

2. Сведения о метеоусловиях на время осмотра (в ходе расследования необходимо также выяснить метеоусловия на момент самого летного происшествия).

3. Сведения о границах осмотра, которые зависят от места авиационного происшествия при взлете летательного аппарата, при его посадке, во время полета и над водоемом (если воздушное судно затонуло после авиакатастрофы). Так, при авиационном происшествии, свершившемся с летательным аппаратом при взлете или посадке, осмотром будет охватываться место стоянки воздушного судна, взлетно-посадочная полоса (ВПП), а также прилегающая к ней территория и непосредственное место авиакатастрофы. Если катастрофа с воздушным судном произошла в ходе полета, то границы осмотра определяются по разбросу частей воздушного судна, трупов и грузов, находившихся на его борту.

4. Сведения об окружающей местности и следах разрушения, оставленных при крушении летательным аппаратом на строениях, деревьях, кустах и иных объектах. Данные сведения помогают в определении причин разрушения летательного аппарата в воздухе. Например, в районе горного хребта Сихтоле-Алинь Хабаровского края произошла авиакатастрофа с пассажирским самолетом ТУ-154. В ходе осмотра окружающей местности обнаружены нехарактерные надломы ветвей и сорванная кора деревьев. По данным осмотра выявленных следов и продуктов взрыва, оставшихся на окружающей местности, в ходе экспертизы установлено, что после столкновения летательного аппарата с поверхностью земли произошел взрыв аэрозольной смеси, образовавшейся от выплеснувшегося из баков авиационного топлива [1, с. 68—70].

5. Сведения о следах соприкосновения и разброса обломков летательного аппарата на земной поверхности, на основании которых определяются траектория, положение и скорость воздушного судна при его ударе о землю. Данные следы, как и воронка, образовавшаяся на месте падения воздушного судна, должны быть сфотографированы и отражены в протоколе с указанием вида, размера и расстояния до центра места происшествия.

6. Сведения о следах соприкосновения стоек шасси летательного аппарата, как в месте первого касания, так и непосредственного

соприкосновения с ВПП. На основании точно зафиксированных следов соприкосновения с земной поверхностью, а также длины и глубины следов тележек шасси можно будет определить положение и скорость воздушного судна при его посадке.

7. Следы, обнаруженные при осмотре самого воздушного судна, свидетельствующие о направлении движения летательного аппарата при его крушении, месторасположении и состоянии фюзеляжа, его частей и агрегатов (шасси, двигателей, узлов подвески двигателей и крепления гондол, топливной системы и маслогидросистемы, воздушного винта, противопожарной и противообледенительной систем планера и др.). По результатам осмотра винтомоторной группы самолета по зафиксированным изгибам лопастей, разрушению валов, а также следам на земле можно определить, произошел ли изгиб лопасти во время удара о землю при остановившемся или работавшем двигателе, т. е. выдвинуть версию о том, что причиной авиационного происшествия могла стать техническая неполадка в двигателе летательного аппарата. Например, в результате срыва в плоский штопор произошла катастрофа с воздушным судном ЕЭВС СТ-2. По результатам осмотра места происшествия, а также изучения следов столкновения с землей и характера повреждений лопасти воздушного винта установлено, что двигатель в момент столкновения самолета с землей находился в исправном состоянии и работал бесперебойно¹.

Надлежаще проведенный на месте авиапроисшествия совместно со специалистами осмотр планера летательного аппарата, отдельных элементов конструкции позволяет обнаружить следы возможного взрыва либо пожара в воздухе, которые могли привести к катастрофе воздушного судна. Свидетельством взрыва в воздухе могут являться: не подвергшееся воздействию пожара локальное закопчение отдельных поверхностей, вмятины и осколочные пробоины на поверхности фюзеляжа, вкрапления инородных частиц металла и других твердых материалов и т. д. Кроме того, в протоколе обязательно должны быть отражены сведения о состоянии кабины экипажа, описаны и сфотографированы приборные доски, щитки, пульты управления: положение переключателей, тумблеров, органов управления, показания приборов.

Также в протоколе должны быть зафиксированы место обнаружения и состояние бортовых устройств регистрации (БУР),

¹ Архив Ломоносовского районного суда Ленинградской области (уникальный идентификатор дела 47RS0011-01-2013-002575-74).

имеющих особое значение для расследования авиационного происшествия. После обнаружения БУР передаются представителям комиссии Межгосударственного авиационного комитета (МАК) для расшифровки, по окончании которой эти устройства приобщаются к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. В последующем, после сбора обломков летательного аппарата, представителями комиссии МАК осуществляется выкладка обломков воздушного судна с целью выявления недостающих деталей и уточнения характера полученных летательным аппаратом повреждений. Данная выкладка оформляется дополнительным протоколом следственного осмотра.

8. Сведения о местонахождении, положении и состоянии тел погибших пассажиров и членов экипажа. Так, в протоколе должны быть отражены сведения о том, в какой части воздушного судна обнаружен труп, поза, в которой он находился, пол, примерный возраст, особые приметы на теле, расположение и характер повреждений. Как правило, детальный осмотр погибших на месте катастрофы воздушного судна является затруднительным, в связи с чем после их описания и фотографирования тела маркируют и направляют в морг, где в последующем производится более подробный осмотр. Между тем основной особенностью осмотра трупов на месте авиакатастрофы является определение числа погибших и сбор материалов, предназначенных для последующего проведения их опoznания. Как показывает судебно-следственная практика, установление личности погибших в авиакатастрофах является серьезной проблемой для следствия.

9. Сведения о местонахождении, положении, состоянии и наличии документов и предметов, не являющихся частью летательного аппарата, но могущих иметь существенное значение при установлении причин авиационного происшествия. К названным предметам могут относиться груз, багаж пассажиров, различные судовые и полетные документы (свидетельство о регистрации воздушного судна, удостоверение о годности (сертификат годности) воздушного судна к полетам, бортовой журнал, журнал санитарного состояния воздушного судна, задание на полет, полетные карты, бортовой журнал радиосвязи, сборник аэронавигационных данных, штурманский бортжурнал, центровочный график, документы на перевозимые почту и груз). Данные документы помогают в определении времени прохождения воздушным судном контрольных пунктов, средних скоростей полета по маршруту, при расчете захода на посадку, загрузки и фактической центровки летательного

аппарата; осмотр груза и багажа при его последующем взвешивании — в определении того, было ли воздушное судно перегружено или нет, не нарушена ли была центровка самолета.

Как показывает практика расследования авиакатастроф, авиационные происшествия могут происходить, в частности, в результате некачественного ремонта летательного аппарата, заправки воздушного судна топливом, не соответствующим ГОСТу, или, как в случае с авиакатастрофой ТУ-134, произошедшей в 2011 году в аэропорту г. Петрозаводска, вследствие ненадлежащего метеорологического обеспечения полетов. В рамках рассмотрения такого рода версий возникает необходимость в осмотре следователями объектов наземной инфраструктуры обеспечения полетов, оформляемом отдельными протоколами осмотра места происшествия.

Анализируя протоколы осмотров объектов наземной инфраструктуры обеспечения полетов, прокурор должен обращать свое внимание на следующие моменты:

при осмотре объектов управления воздушным движением (УВД), которыми являются командно-диспетчерские пункты, ближняя и дальняя приводные радиостанции, глиссадный и курсовой радиомаяки и наземные средства сбора полетной информации, должны быть осмотрены световое оборудование, радиолокаторы и пеленгаторы, средства связи и помещения, в которых смонтирована данная аппаратура, и т. д. Необходимость в осмотре этих объектов возникает, если в ходе расследования будет установлено, что катастрофе предшествовали нарушения радиосвязи между воздушным судном и диспетчером УВД, отсутствие визуального контакта с огнями приближения и наземными ориентирами (возможные неисправности светового, навигационного и радиооборудования аэродрома); имеется расхождение в показаниях членов летного экипажа и диспетчеров;

при осмотре авиационно-технических баз должны быть осмотрены цеха с имеющимся там оборудованием, агрегатами, запчастями, инструментом; объекты, связанные с заправкой воздушных судов горюче-смазочными материалами (ГСМ), специальные автомашины или другие заправочные средства, их заборные, фильтрующие и раздаточные устройства, заливные горловины, фильтры и другие механизмы;

при осмотре объектов служб метеорологического обеспечения полетов должно быть осмотрено размещенное на аэродромах и посадочных площадках различное метеорологическое оборудование,

предназначенное для обеспечения безопасности выполнения взлета, полета и посадки воздушными судами.

Судебно-следственной практикой и положениями криминалистической науки выработаны определенные требования к порядку проведения следственными органами осмотра места происшествия. Несоблюдение этих требований влечет за собой ошибки, которые могут повлечь признание недопустимым доказательством как самого протокола осмотра, так и заключений судебных экспертиз по изъятым в ходе проведения данного следственного действия объектам. Между тем из-за различных факторов, в том числе и в связи с необходимостью устранения следов техногенных катастроф, следовая обстановка места авиационного происшествия сохраняется в течение непродолжительного времени. Поэтому допущенные в ходе производства данного следственного действия ошибки в большинстве случаев не смогут быть восполнены ни в ходе дополнительного следствия, ни в последующем судебном разбирательстве. Как правило, в ходе осмотра места авиационного происшествия возникают следующие криминалистические ошибки:

1. При определении состава следственно-оперативной группы. От правильной организации осмотра места происшествия, в том числе от привлечения необходимых специалистов (например, криминалиста), помимо судебно-медицинского эксперта, организации взаимодействия всех специалистов зависит исход расследования авиационного происшествия.

В состав следственно-оперативной группы входят: следователь (как руководитель группы), оперативные работники полиции, судебно-медицинский эксперт, эксперт-криминалист и другие специалисты, обладающие специальными познаниями в области авиации.

Поскольку авиационные происшествия часто приводят к гибели пассажиров и (или) членов экипажа воздушного судна, при осмотре места авиакатастрофы и тел погибших, согласно статье 178 УПК РФ, обязательно участие судебно-медицинского эксперта. Если же его присутствие невозможно, то в состав участников осмотра должен быть включен врач.

В обязанности судебно-медицинского эксперта входит: констатация смерти, определение времени наступления смерти, выявление признаков насилия, характера и механизмов возникновения повреждений, трупных изменений, а также установление других данных, имеющих значение для расследования дела. Эти сведения

носят вероятностный характер, поскольку точные ответы на указанные вопросы могут быть даны только после проведения судебно-медицинского исследования трупа. Кроме того, судебно-медицинский эксперт совместно с экспертом-криминалистом помогает следователю в обнаружении следов биологического происхождения, микрообъектов и других, сведения сообщает следователю для занесения в протокол, также оказывает содействие в правильной упаковке изъятых объектов и следов.

Эксперт-криминалист оказывает помощь следователю в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке следов, объектов со следами, оказывает помощь в вычерчивании схем (кроков) места происшествия, осуществляет фото- и видеосъемку места авиационного происшествия и технических средств, проводит предварительное исследование объектов и следов на месте происшествия, выдвигает версии по поводу произошедшего события.

Специалисты, обладающие специальными познаниями в области авиации, оказывают помощь следователю в выявлении механизма происшествия, в установлении его причины и следов, которые могли остаться в результате произошедшего события, в предварительной идентификации отдельных узлов и деталей летательного аппарата, в поиске и идентификации документов, которые должны храниться на борту воздушного судна, в осмотре объектов наземной инфраструктуры обеспечения полетов и т. д.

В качестве таких специалистов в состав следственно-оперативной группы могут привлекаться работники научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, организаций разработчиков, изготовителей и эксплуатантов авиационной техники, аэропортов, авиаремонтных организаций, авиационно-технических баз и центров, учебных заведений, организаций ОВД, гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды.

При анализе состава следственно-оперативной группы прокурор должен обращать внимание на то, чтобы в числе специалистов, принимавших участие в осмотре места происшествия, не было сотрудников авиационных предприятий, которые в силу своего положения или должностных обязанностей могли быть лично заинтересованы в результатах расследования авиакатастрофы.

2. При описании обстановки и следов. Допускают:

излишне краткое описание обстановки места происшествия;

использование неполных либо нечетких формулировок, влекущих за собой формирование неверного представления о месте происшествия в целом, его отдельных участках;

ошибки в описании обнаруженных в ходе осмотра предметов, документов, следов и мест их обнаружения;

непоследовательное описание различных участков (деталей) обстановки места происшествия.

3. При применении технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, а также их упаковке. Допускают:

неверное использование фотосъемки, дополнительных средств фиксации, отсутствие в протоколе записи о типе фотоаппарата, марке объектива, прибора поиска систем видеонаблюдения, иных технико-криминалистических средствах и методах и т. д.;

неприменение в ходе осмотра средств и методов фиксации объемных следов, в том числе следов протекторов пневматиков (колес) воздушного судна, оставляемых на грунте либо снежном покрове при посадке с недолетом, которые будут являться объектами для соответствующих трасологических исследований. Например, при осмотре места авиационного происшествия с самолетом <Боинг №> надлежащим образом не были зафиксированы следы соприкосновения протекторов пневматиков воздушного судна со снежным бруствером, расположенным в торце взлетно-посадочной полосы, в том числе не была сделана стереофотограмметрическим способом детальная фотосъемка оставленных следов и не произведен замер следов соприкосновения стоек шасси со снежным покровом¹.

На практике следователями допускаются ошибки процессуального характера, такие как отсутствие указания в протоколе осмотра факта привлечения к производству данного следственного действия специалистов комиссии МАК, оказывающих фактическое содействие следователю в производстве осмотра места авиационного происшествия и объектов наземной инфраструктуры обеспечения полетов, а также в обнаружении предметов и документов.

Анализ протокола обыска (выемки)

Как показывает практика, помимо производства осмотра места происшествия при расследовании преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, возникает необходимость в производстве выемок (обысков в случаях отказа в добровольной выдаче) документации на воздушное

¹ Приговор Усинского городского суда Республики Коми от 13 сентября 2022 г. по делу № 1-12/2022 // Усинский городской суд Республики Коми : офиц. сайт. URL: <https://usinksud--komi.sudrf.ru> (дата обращения: 12.04.2024).

судно и о его техническом обслуживании, различных формуляров и паспортов на оборудование и инструменты, которыми производился ремонт судов, документации по заправке воздушных судов ГСМ, образцов топлива, кадровых и медицинских документов, касающихся летного экипажа и т. д. Объекты, которые изымаются в ходе производства данных следственных действий, являются источниками криминалистически значимой информации, так как они имеют отношение как к самому полету, так и к его подготовке, а в последующем будут выступать в качестве объектов для исследований, проводимых в рамках соответствующих судебных экспертиз.

Анализируя изъятые объекты и результаты их исследований, прокурору следует обращать внимание на наличие оснований и соблюдение следственными органами порядка производства обыска (выемки), так как очень часто данное следственное действие подменяется осмотром места происшествия из-за недопонимания следователем различий между ними. Связано это прежде всего с тем, что в обоих случаях «производится обследование объектов в целях поиска различных материальных источников криминалистически значимой информации» [2, с. 306].

Сущность обыска (выемки) заключается в принудительном обследовании помещений, транспортных средств и иных объектов. Одновременно с этим данное следственное действие имеет поисковый характер, так как целью является обнаружение и изъятие имеющих отношение к расследуемому преступлению различных объектов [3, с. 86]. Вместе с тем именно из сущности обыска (выемки) вытекает основной его отличительный признак, которым является обусловленный особым порядком производства, предусмотренного статьями 182, 183 УПК РФ, принудительный характер.

Как правило, обыск (выемка) производится в целях предупреждения утраты данных или внесения каких-либо изменений в документы, имеющие отношение к произошедшему авиационному происшествию. Данное следственное действие производится на объектах служб, участвующих в наземном обеспечении и обслуживании воздушных перевозок и полетов воздушных судов. Типичными ошибками, которые допускают следователи при производстве данного следственного действия, являются отсутствие в протоколах указаний на места обнаружения объектов, сведений об их индивидуальных признаках и упаковке, времени, освещении, применяемых технических средствах, подписей всех участников

обыска (выемки), отсутствие приобщенных к протоколам фотоиллюстрационных таблиц [4, с. 122].

По нашему мнению, оценивая материалы уголовного дела на предмет полноты проведенного расследования, прокурор должен обладать знаниями о примерном перечне мест и предметов, подлежащих выемке в ходе расследования авиакатастроф, который включает в себя [5, с. 46—51]:

1. Документы, относящиеся к управлению воздушным движением и изымаемые на аэродромах взлета, посадки и при необходимости по маршруту полета:

документы управления воздушным движением и надзора за ним (журнал полученных и отданных диспетчером распоряжений по воздушным трассам, журнал учета работы радиотехнических средств и сигнализации, журнал отзывов командиров воздушных судов и служб аэропорта, акты лабораторного анализа топлива и др.), руководство по летной эксплуатации воздушного судна;

документы по организации полетов (плановая таблица полетов, суточный план полетов, график приема воздушных судов);

документы об условиях полета (бюллетени погоды метеорологической службы, журнал учета поступающей на диспетчерские пункты метеоинформации);

журнал диспетчерских разрешений и решений командиров воздушных судов на вылет;

задание на полет;

записи наземных средств объективного контроля (магнитная запись радиообмена экипажей самолетов с наземными службами. Данные записи дублируют все переговоры экипажа и диспетчерских служб и при утрате БУР позволяют восстановить утраченные данные);

журнал радиообмена командной радиостанции и полетный лист экипажа;

ведомость регистрации пассажиров и багажа на данный рейс;

центровочный график самолета;

сводная загрузочная ведомость.

2. Документы, изымаемые на аэродромах, в районе которых произошла катастрофа воздушного судна, и относящиеся к их эксплуатации:

свидетельство о государственной регистрации и годности аэродрома к эксплуатации;

руководство по эксплуатации аэродрома взлета (посадки).

3. Документы и предметы, изымаемые на авиационно-технических базах (комплексах) и относящиеся к техническому обслуживанию воздушного судна, потерпевшего катастрофу:

формуляр воздушного судна;

формуляры двигателей, установленных на воздушное судно;

технические паспорта и этикетки на блоки и агрегаты, установленные на воздушное судно и его двигатели;

наземный и бортовой журналы подготовки самолета к полету;

журналы технического обслуживания воздушного судна (при их наличии);

регламент технического обслуживания воздушного судна;

журналы учета авиационных происшествий и инцидентов;

паспорта воздушных винтов (при их наличии);

журнал проверки отстоя топлива;

сертификационные документы и паспорта на авиационное топливо, масла, гидравлические и иные специальные жидкости;

образцы топлива, которым было направлено потерпевшее катастрофу воздушное судно (образцы изымаются в местах хранения топлива, а также из раздаточных устройств и заливных горловин объектов, принимавших участие в заправке потерпевшего катастрофу воздушного судна).

4. Кадровые и иные документы, изымаемые на авиапредприятиях-эксплуатантах, чье воздушное судно потерпело катастрофу, касающиеся уровня подготовки и состояния здоровья членов экипажа воздушного судна:

личные дела и летная документация (летные книжки) членов экипажа воздушного судна;

медицинские книжки членов экипажа;

сведения о прохождении ими медицинских осмотров;

документы о повышении ими квалификации и переподготовки;

документы, содержащие информацию о летной работе членов экипажа за последние шесть месяцев;

приказы, распоряжения и указания, относящиеся к расследуемому событию.

Анализ протокола допроса

Как правило, установление всех обстоятельств авиакатастрофы заключается в проведении различных следственных осмотров, выемок документов и предметов, имеющих отношение к преступному нарушению правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта и проведении по ним исследований. Вместе

с тем не менее важным носителем криминалистически значимых сведений, помогающих определить большинство обстоятельств произошедшей катастрофы, является протокол допроса. Сущность допроса — получение с целью выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, информации о фактах расследуемой авиакатастрофы, а также проверка достоверности собранных доказательств.

В ходе расследования авиакатастрофы допрашиваются следующие лица:

члены экипажа и пассажиры воздушного судна, оставшиеся в живых после авиационного происшествия;

очевидцы из числа летного и технического состава, оказавшиеся в районе авиационного происшествия, а также из числа посторонних лиц;

инженерно-технический состав и обслуживающий персонал; лица, осуществлявшие подготовку и обеспечение полетов, а также контроль за ними (должностные лица всех служб аэродрома); должностные и иные лица медицинской службы аэродрома и аварийно-спасательных служб;

работники авиаремонтных мастерских, групп регламентных работ, предприятия-разработчика, завода-изготовителя авиационной техники и т. д.

Анализируя протоколы допросов указанных лиц, прокурор должен обращать внимание не только на соблюдение следователем формальных требований закона, но и на содержание самих допросов. Так, проанализировав с учетом расшифровок записей средств объективного контроля допрос выжившего члена летного экипажа, прокурор может получить сведения о ходе выполнения полетного задания, работе отдельных узлов, агрегатов и приборов летательного аппарата, причинах и условиях возникновения аварийной ситуации, о том, какие указания экипаж получал от диспетчерских служб, руководителя полетов и т. д.; из показаний инженерно-технического состава и обслуживающего персонала — информацию о выполнении регламентных работ, текущего ремонта и об условиях хранения потерпевшего катастрофу воздушного судна, о наличии неисправностей и мерах, которые были предприняты для их устранения, состоянии узлов, агрегатов, систем и элементов планера летательного аппарата.

Из допросов работников авиаремонтных мастерских и представителей предприятия-разработчика либо изготовителя летательного аппарата можно получить информацию о качестве производства

конкретной машины, результатах проведенных испытаний, периодичности проведения профилактических и капитальных ремонтных работ, наличии либо отсутствии претензий со стороны членов экипажа на качество ремонта, о контроле ремонта воздушного судна.

Между тем нередки случаи, когда следователями при составлении протокола допроса допускаются так называемые технические ошибки. Например, не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона указание при оформлении протоколов допросов нескольких свидетелей одного и того же времени проведения следственного действия, поскольку это прямое нарушение пункта 1 части 3 статьи 166 УПК РФ, согласно которому в протоколе допроса указывается с точностью до минуты время его начала и окончания. Наличие в деле двух и более протоколов допросов, проведенных, согласно записям в них, в одно и то же время, дает основание поставить под сомнение эти протоколы допросов [6] и признать их недопустимым доказательством.

Поскольку расследование преступлений, связанных с авиакатастрофами, требует от следователя наличия обширных знаний в области авиации, часто в допросах выживших членов экипажа потерпевшего катастрофу воздушного судна или работников наземных служб обеспечения и обслуживания полетов принимают участие специалисты либо эксперты из состава комиссии МАК. В связи с этим прокурору необходимо обращать внимание на отражение их участия в протоколе следственного действия. Данная ошибка, как и в случае с ошибками, допускаемыми при производстве следственных осмотров, может быть выявлена прокурором в рамках рассмотрения в порядке статей 124, 125 УПК РФ поступивших от участников уголовного судопроизводства жалоб, а именно при опросе специалистов либо экспертов из состава комиссии МАК, участвовавших при расследовании авиационного происшествия.

В заключение подчеркнем, что протоколы следственных действий по уголовным делам о преступных нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта имеют неоценимое доказательственное значение и существенным образом влияют на установление обстоятельств произошедшего события. Анализ и оценка содержания протоколов следственных действий, собранные в ходе проведения таких действий вещественные доказательства и документы позволяют прокурору ответить на большую часть вопросов краткой типовой программы по изучению

материалов уголовного дела о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, повлекшем авиационное происшествие с человеческими жертвами (авиакатастрофу). Кроме того, содержащиеся в протоколах сведения позволяют прокурору реконструировать информационную картину произошедшего события и, как правильно отмечает С. Б. Россинский, «воссоздать воспринятые следователем показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего или материальные фрагменты объективной реальности, т. е. как бы мысленно перенестись в место и время производства следственного действия» [7, с. 40].

Список источников

1. Порохова А. П. Особенности осмотра места происшествия, связанного с авиакатастрофой // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 4. С. 68—70.
2. Настольная книга следователя / отв. ред. О. Н. Коршунова, В. С. Шадрин ; рук. авт. кол. Н. П. Дудин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. 908 с.
3. Чеботарев Р. А., Чельшева О. В. Объективизация доказывания при производстве следственных осмотров и обысков при расследовании убийств // КриминалистЪ. 2011. № 1 (8). С. 82—88.
4. Попова О. А. Типичные ошибки, допускаемые при производстве следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие материальных объектов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 119—124.
5. Алехин Д. В., Ильин Н. Н., Передерий В. А. Особенности первоначального этапа расследования авиационных происшествий : учебно-практическое пособие / под ред. А. М. Багмета. Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. 50 с.
6. Исаенко В. Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве // Законность. 2014. № 11 (961). С. 34—38.
7. Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 36—46.

Научное издание

Серия «В ПОМОЩЬ ПРОКУРОРУ»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЛЕКЦИИ

Выпуск 14

Редактор *О. А. Хропина*
Компьютерная правка и верстка
Ж. Т. Дерюжкиной

Подписано в печать 13.12.2024. Формат 60×90/16.
Печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—170). Заказ 33/24.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44